

Елена ТААХ

**Петля во времени,
или
Путешествие в лабиринт**
Повесть

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Елена ТААХ

**Петля во времени,
или
Путешествие в лабиринт**
Повесть

Над замыслом Творца мы, смертные, не властны.
Но всё ж романтики от истины бегут
И заверяют, что нить жизни безучастно
Скупые мойры в вечности прядут.

... Случайно, в монотонности движений
Надорвалась трепещущая нить,
И чей-то путь меняя без сомненья,
Лахесис узелок успела свить...

Е. Таах

Новокузнецк
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т 12

ТААХ Елена Алексеевна

Петля во времени, или Путешествие в лабиринт : повесть / Елена Таах ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк: «Ник без Company», 2019. – 112 с.

12+

© Елена Таах

Таах Елена Алексеевна родилась в г. Макеевка Донецкой области. В раннем детстве уехала с родителями в Казахстан, куда они отправились с другими первопроходцами на освоение целинных земель. Там пошла в первый класс. Далее у родителей, романтиков тех лет, была стройка на Украине, затем Сибирь, Камчатка. Видимо, дух путешествий передался Елене Алексеевне от родителей, и поэтому в своём творчестве отдаёт предпочтение путешествиям и фантастике. Пишет повести. Стихи и проза Елены Таах были опубликованы в альманахах «Кузнецкая крепость», «Усятская россыпь», в журнале «Озарение» в коллективном сборнике участников литературного объединения «Гренада» (2011 год).

Аня перевернула последнюю страницу и захлопнула книгу. Она в очередной раз перечитала «Легенды и мифы древней Греции».

Жаль, что люди до сих пор не изобрели машину времени, мечтательно думала девушка. Как бы хотелось своими глазами воочию увидеть жизнь того поколения. Господи, это же три с лишним тысячи лет тому назад! Неудивительно, что люди обожествляли героев древних веков. Они наделяли их необыкновенной силой или неуязвимостью, слагали рассказы, которые веками передавались из уст в уста, обрстая, как снежный ком истинными и вымышленными событиями и превращались в легенды.

Так, в «Илиаде» Гомера рядом с героями живут и сражаются боги Олимпа. Но если рассуждать здраво, наяву их просто не могло быть. Все события, изложенные в легендах, приукрашены. И это легко объяснить – если в те далекие времена у кого-то проявлялись неординарные способности, такие как необыкновенная сила, ловкость, неуязвимость в бою, умение выполнять какое-то ремесло намного лучше других, или более того – дар риторический, поэтический, музыкальный, то легче всего это объяснялось покровительством кого-либо из богов.

За давностью времён можно отместить все легенды, объявив их сказкой или вымыслом, но без прошлого нет будущего. Возможно, что когда-то невообразимо далёкие наши потомки...

Отрывистый звонок в дверь прервал Анины размышления.

– Анютка, танцуй! – в открытую дверь как ветер влетела подруга и сокурсница Ани Светлана.

А следом, не спеша, вошёл и закрыл за собой дверь Антон – друг Светланы.

– Что случилось? – недоумённо спросила Аня, отступив назад.

– Мы летим! – воскликнула Светлана с сияющей улыбкой и запрыгала на месте.

– Так, стоп! Куда летим? И кто?

– Да мы же, втроём – в Грецию!

– Но... как?

– Анька, ну ты что? – не унималась Светлана. – Помнишь, мы втроём перед защитой диплома подавали запрос в деканат? Так вот, вчера папа принёс решение: нас троих, как молодых специалистов, зачислили в группу археологов, отправляющихся на исследовательские работы в Грецию. Летим завтра утренним рейсом, так что собирайся.

– Но ведь столько наших ребят выразили желание... а выбрали нас?

– Ой, Ань, – засмеялась подруга, – ты от счастья так тормозишь? Ты же одна из немногих закончила с красным дипломом. И тема дипломной работы у тебя – древняя Греция. А мы с Антоном – протеже моего папы,

занимающего, кстати, если ты не забыла, не последнюю должность в аспирантуре.

– Я просто поверить не могу... – переводя взгляд с одного на другого, промолвила Аня.

– Ладно, Анют, мы ненадолго. Зашли предупредить – ты давай собирайся в дорогу. Нам ещё самим багаж уложить надо, так что – пока.

– Анют, с собой возьми лучше рюкзак, а не чемодан, – вступил в разговор молчавший до сих пор Антон. – Работа предстоит, так сказать, в походных условиях. Жить, по всей видимости, придётся в палатках и вдали от цивилизации. Одним словом – романтика! В магазин сбежать за шампунем или кремом – возможности не будет, как о том предупредил меня руководитель группы Илья Владимирович. Так что, девочки, всё необходимое берите с собой. Я, к примеру, возьму свой спальник и вам советую – мало ли что? Своя рубаха ближе к телу.

– Ну, ладно, мы побежали, – нетерпеливо подпрыгивала Светлана уже у открытой двери. И напоследок напомнила: – Мы заедем за тобой к пяти утра, не забудь загранпаспорт.

Аня переделалась и отправилась за покупками, как только за друзьями закрылась дверь.

Время близилось к вечеру, когда она с полными пакетами возвращалась домой. Монотонный шум города, созданный гулом автомобилей, автобусов, троллейбусов и гоном, спешащих по своим делам людей, разрядил мелодичный колокольный звон ближайшего храма, созывая людей на вечернюю молитву. Несмотря на загруженность пакетами и коробками, Аня повернула к церкви. Войдя внутрь, девушка ощутила покой и умиротворение. Аромат восковых свечей и ладана мягко окутал её. С древних стен и иконостаса строго, но с любовью смотрели лики святых, Богородицы и Христа. Аня купила несколько свечей и зажгла их перед образами. Помолившись, она подошла к пожилому священнику.

– Благословите, батюшка. Мне предстоит надолго уехать из страны.

Священник перекрестил склоненную голову и мягко опустил на неё руку:

– Ангела-хранителя тебе, чадо.

2

Самолёт набрал высоту, и пассажиры расслабились в мягких, удобных креслах самолета. Кто дремал под монотонный гул турбин, кто читал, кто разгадывал кроссворды, а кто размышлял о чём-то своём.

Аня откинула кресло и прикрыла глаза. Она вспомнила, как обрадовалась мама, узнав о её назначении, а потом мама загрузила, и глаза её наполнились слезами.

– Анечка, ты у меня уже совсем взрослая. Как жаль, что папа не может видеть, какой ты выросла красавицей.

– Мам, ну не надо, не плачь.

– Хорошо, не буду. Только ты береги себя и пиши мне почаще.

– И ты тоже... себя береги, – дрогнувшим голосом сказала Аня.

– Погоди-ка, дочка, – вдруг что-то вспомнила мама и вынула из нижнего ящика комода старую, потёртую от времени деревянную шкатулку, – от бабушки папе досталась одна очень древняя вещь.

Открыв шкатулку, она извлекла на свет какой-то предмет, завернутый в мягкий кусок ткани. Бережно развернула старую тряпицу, и взору предстал круглый плоский предмет из чистого золота. По форме он напоминал медальон пяти-шести сантиметров в диаметре. С одной стороны медальона изображалась голова быка в профиль, а вместо глаза был вправлен ярко-красный рубин. С другой стороны, по всему диаметру свились в причудливый рисунок кем-то начертанные то ли буквы, то ли знаки.

– Откуда это у нас? – изумилась Аня, взяв медальон в руки.

– Твой дедушка, когда вернулся после войны из плена, привёз эту вещь. Никто не знает, что это такое. Я вот, подумала – раз ты занимаешься археологией, может, найдёшь ей объяснение?

Аня проснулась в четыре часа утра под мелодичную трель будильника. Тугие струи душа смыли остатки сна. Аня нанесла лёгкий макияж и, просушив волосы феном, заколола их крабом. Многие подруги завидовали Ане потому, что ей не надо было часами просиживать в парикмахерской, чтобы привести причёску в порядок. Природа одарила её пышными вьющимися волосами песочного оттенка. Смочив руки водой или гелем, она укладывала волосы лёгкими сжатиями в ладонях, и они приобретали форму спиралевидных локонов. Подобного эффекта модницы добивались в дорогостоящих парикмахерских.

Среди друзей Аня слыла спокойной, уравновешенной и целеустремленной девушкой. Но, как и в каждом коллективе, находились завистники, что за глаза окрестили её занудой и зубрилой. Всё свободное время Аня отдавала учёбе, часами просиживая за учебниками или за методической литературой в библиотеке. Она понимала, что должна самостоятельно, своим умом и только на бюджете получить высшее образование – во что бы то ни стало. На одну мамину зарплату учиться и жить было нереально.

Светлана, её подруга, напротив, отличалась яркой и взбалмошной натурой, что проявлялась и во внешности, и в характере. Красивая, непоседливая и взрывная – вот три основные составляющие Светланы. Казалось, что без неё ничто не могло существовать. Ей хотелось успеть всегда и везде. От природы очень умная, способная девушка могла бы, как и Аня, с отличием закончить вуз, но в силу своей неусидчивости, не вытянула на красный диплом. Что, впрочем, не мешало ей искренне радоваться за подругу, муки зависти были ей не свойственны.

Ещё на первом курсе в Светлану влюбился и покорила её сердце Антон – высокий брюнет с правильными чертами лица. Антон играл за сборную вуза по волейболу и, как все современные юноши, много свободного времени проводил в спортзале за тренажёрами. По характеру: уравновешенный, спокойный. И при слишком импульсивной Светиной натуре был для неё сдерживающим фактором.

Аня встала с кресла, отстегнув ремни, и прошла в туалетную комнату. Причесавшись и уложив гелем волосы, она подправила макияж, оглядела себя в зеркало и улыбнулась. Как только она вернулась и села в кресло, в динамиках прозвучало:

– Уважаемые пассажиры, просим Вас привести кресла в вертикальное положение и пристегнуть привязные ремни. Через несколько минут наш самолёт произведёт посадку в древнейшем и красивейшем городе нашей планеты – Афинах.

3

Пока пассажиры ожидали выдачи багажа, Аня вышла из здания аэропорта подышать свежим воздухом и немного размяться.

Красивые, геометрически ровные дорожки и газоны, экзотические цветы и стройные пальмы, обогретые ярким южным солнцем, просто околдовали её. Небо было настолько ярко-голубым, что по сравнению с ним родное московское небо и все краски родного города казались бледнее и как бы... размытыми. Лёгкое дуновение тёплого ветерка ласково коснулось лица, заставив на мгновение отрешиться от всего земного. Минуту понежившись, Аня решила пройтись вдоль здания аэропорта. По пути купила небольшую бутылочку минералки и, отпив несколько глотков, свернула на боковую аллею. Навстречу не спеша брёл пожилой мужчина. Определить его возраст, на первый взгляд, казалось сложно, да и одет он был очень странно. Длинный плащ или балахон почти полностью скрывал одежду. Мягкие кожаные сандалии напоминали скорее обувь древних греков, чем современную. А повязка на голове в виде чалмы, выглядела не такой объёмной, какую Аня видела у мужчин азиатских стран. Бороду щедро посеребрила седина. Создавалось впечатление, что мужчина вынырнул из глубины веков, настолько он не вписывался в современный окружающий мир.

Чуть позади него, громко смеясь, толкая друг друга и о чём-то беззаботно болтая, бежала весёлая группа подростков. Поравнявшись со стариком, в суете движений юные создания толкнули его и, даже не заметив, побежали дальше. Старик упал и, ударившись, тихо охнул. Аня подбежала к нему.

– Позвольте, дедушка, я помогу вам, – склонившись, она взяла его под локоть, помогая встать.

Старик, охая, с трудом поднялся. Заметив, что на левой руке у него ссадина, Аня открыла бутылочку с водой, промыла ранку и перевязала белоснежным носовым платком.

– Благодарю, дитя, – на чистейшем русском языке сказал старик.

Девушка в изумлении посмотрела на него, старик же хитро прищурился и улыбнулся.

– Не удивляйся, я всё знаю. Скоро, очень скоро мечты исполнятся.

– О чём вы, дедушка? Какие мечты?

– А вот это, красавица, – словно не расслышав её вопросов, продолжал он, – возьми в благодарность.

Аня взяла в руки чётки и залюбовалась. Бусинки из чистейшего горного хрусталя среднего размера чередовались с маленькими красными, чуть больше бисера. Среди бусинок был один, раза в три больше других, круглый камень тёмно-красного цвета. «Это же рубин!» – пронеслось в голове у Ани. Она зачарованно смотрела на камень, не смея пошевелиться, точно околдованная его таинственным живым мерцанием. Солнечные блики отражались в рубине и горном хрустале множеством маленьких, как звёздочки, солнышек. И как бы издалека девушка услышала затухающую фразу:

– Как только последний луч заходящего солнца коснется камня, исполнится...

Но Аня не расслышала последних слов, настолько тихо они прозвучали. Она вышла из оцепенения...

– Но я не могу принять этого. Это очень дорого, и я... – она запнулась на полуслове, озираясь вокруг, но старика и след остыл.

– Аня! – услышала она и увидела, что к ней бежит Света. Быстро спрятав чётки в карман джинсов, она пошла навстречу подруге.

– Где ты ходишь? Уже багаж все получили, и только тебя нет. Пойдём, там Илья Владимирович ждёт, мы скоро вылетаем на место стоянки.

Илья Владимирович Мартынов – руководитель экспедиции – оглядел группу, убеждаясь, что все в сборе.

– Дорогие мои, только что в руководстве аэропорта меня уведомили, что на одном с нами самолёте летит известная съёмочная группа из США. В районе наших исследований им предстоит отснять кое-какой материал к новому фильму.

– Классно! А известные актрисы среди них есть? – спросил смешливый рыжеволосый парень.

– Я с ними ещё не встречался, Юра, – улыбнулся профессор, – только прошу вас не ввязываться ни в какие истории.

– Да я только автограф взять, – лукаво усмехнулся Юра. Среди друзей он слыл известным балагуром, – или ещё готов оказать дружескую помощь и сняться в массовке.

Все дружно засмеялись.

Автобус доставил группу прямо к трапу небольшого самолёта, мест на пятьдесят-шестьдесят, предназначенного для рейсов на ближние расстояния. Командир самолёта обратился к археологам через переводчика:

– Леди и джентльмены, просим вас поторопиться с посадкой. Ваши вещи сейчас погрузят в багажное отделение. На эту полосу ожидается внеплановая посадка самолёта, и нас просят вылететь раньше, чтобы не откладывать вылет на более позднее время. Граждане США уже в самолёте.

Пока мужская часть экспедиции помогала с погрузкой аппаратуры и багажа, женщины поднялись в салон. Сиденья располагались в ряды с двух сторон по два кресла слева и справа. Как в АН-24, подумала Аня, только салон значительно комфортабельнее. Американцы расположились в левом ряду, а русские археологи начали занимать места в правом. Светлана, как истинная подруга, предложила Ане сесть рядом.

– Антон на этот раз побудет в мужской компании, – улыбнулась она и облюбовала кресло у окна, не забыв бросить сумочку на сиденье позади своего, заняв его для Антона. Ане досталось место с краю.

Археологи продвигались по проходу, рассаживаясь, а американцы приветливо улыбались им. Аня остановилась, пока Светлана, откинув сиденье, укладывала сумки на верхнюю полку. Она случайно посмотрела направо от себя и встретилась с взглядом голубых глаз. Словно тёплая морская волна окатила её с головы до ног. На какое-то мгновение у неё перехватило дыхание, а сердце затрепетало, подскочив к горлу. Аня поспешно отвела глаза и села рядом с подругой.

– Ань, что с тобой? – наклонившись, спросила Света.

– Да нет, ничего, – засуетилась Аня, как бы заинтересовавшись привязными ремнями.

– Ты какая-то не своя, – допытывалась подруга.

– Душно очень, – вздохнула Аня, обмахивая себя рукой, – и устала.

– Жарко, – согласилась Света, – но скоро взлетим, и вентиляция лучше будет работать. Ты попробуй расслабиться, – заботливо щебетала она.

Самолёт вырулил на взлётную полосу и, разбежавшись, легко взмыл в небеса. Пассажиры с двух сторон рассматривали друг друга и перебрисывались приветливыми фразами. Светлана слегка толкнула Аню и, наклонившись, восторженно заговорила:

– Ты только посмотри налево от себя. Это же Макс Норт. Ну, Ань? Я заметила, он постоянно бросает заинтересованные взоры в нашу сторону.

– Я его уже видела, – так же шёпотом ответила Аня.

– Ну и что, а ты посмотри и поздоровайся. Когда ещё представится такой случай? Потом возьмём автограф – нам же все девчонки обзавидуются!

– Свет, да неудобно! Прекрати же ты! – возмущённо зашептала Аня, повернувшись к подруге.

Но подруга вдруг закивала и заулыбалась во весь рот, глядя мимо Ани и продолжая подталкивать её. Ане пришлось смириться, она не спеша повернулась к соседу слева и лёгким кивком поприветствовала его. Макс тепло улыбнулся и так же склонил голову. Аня тут же отвернулась и закрыла глаза, откинувшись на спинку кресла. Лицо предательски снова запыхало.

Зато Светлану переполнял восторг от нового знакомства, и на этот раз она не заметила перемен в подруге. Наклонившись к её уху, она продолжала излагать всё, что знала о Максе Норте.

– Я читала, что он входит в десятку секс-символов Америки. Припоминаю, что-то писали о новом фильме, в котором он будет снят в главной роли. Тема фильма связана с древней Грецией. То ли «Герои Эллады», то ли «Подвиги Геракла», или ещё кто-то или что-то в этом роде. Ещё писали, что он по нескольку часов ежедневно работал над своим телом на тренажёрах, чтобы сняться в новом фильме. Может, нам удастся побывать на съёмках?

Во время разговора Света с нескрываемым интересом посматривала на Макса, не замечая недовольных взглядов, что бросал в её сторону Антон.

– Ему, кажется, больше тридцати, а выглядит лет на двадцать пять. Ну, Ань, – подтолкнула её подруга, – ты что, спишь? Ты только посмотри, какие у него плечи!

– Угу, – промычала Аня, притворяясь спящей.

На самом же деле она пыталась успокоиться и привести мысли и чувства в порядок. Не понимала, отчего так волнуется. Она ужасно боялась, что кто-нибудь заметит её состояние, да и ощущение чьего-то взгляда не покидало. Поэтому легче всего было притвориться спящей.

Через полтора часа самолёт пошёл на снижение, приземлившись на небольшой аэродром.

Вечерело. Красный огненный шар завис над вершинами западных холмов, покрытых редкими деревьями. Словно золотой короной обозначилась граница света, сиявшая переливами закатных лучей на фоне малинового неба. А у подножия сопок, в зарослях кустарника, уже дымчато-серой пушистой кошкой улеглись сумерки.

Грузчики приступили к разгрузке багажа ещё до подачи трапа. И когда пассажиры вышли из самолёта, их груз уже почти весь находился в специальных тележках. Профессор с помощниками, ревностно радеющие о дорогой аппаратуре, проверяли её целостность и наличие. Все остальные ожидали, разминая ноги у самолёта.

Аня огляделась и заметила Макса, стоявшего со своей группой, недалеко от неё. Украдкой она могла рассмотреть его. Молодой высокий мужчина атлетического телосложения, держался очень прямо. Под лёгкой хлопковой футболкой чётко просматривалась тренированная мускулатура. Да, права Светка насчёт нескольких часов в тренажёрном зале – и, причём ежедневно, иронично про себя отметила девушка. Одет он был в лёгкие летние джинсы и светлые кроссовки, в тон футболке. На плече небольшая спортивная сумочка. Коротко стриженные волосы, сильно выгоревшие от солнца, были зачёсаны назад, открывая широкий высокий лоб. Брови тёмные, как и волосы у корней, глаза голубые, нос прямой. Особая форма рта несколько дольше задержала Анин взгляд. Соединившаяся чувственность нижней чуть выступающей губы с очерком более короткой верхней, придавала особый шарм его лицу. Волевой подбородок слегка выступал вперёд, когда на его лице появлялось упрямое выражение. Надо же, подумалось Ане, она столько фильмов видела с его участием, но никогда не обращала на него внимания.

Получив рюкзак, она перекинула обе лямки через одно плечо и пошла в сторону от самолёта, где начала собираться их группа в ожидании автобуса. Проходя мимо трапа, Аня остановилась поправить рюкзак, лямки которого соскальзывали с плеча. Она поддёрнула рюкзак повыше и не заметила, как чётки, выступающие из кармана, зацепились за рюкзак, и, выскользнув, упали в траву. Девушка прошла несколько шагов вперёд...

– Excuse me, – услышала она за спиной, – you lost it. ¹

Аня обернулась. За её спиной стоял Макс Норт и протягивал чётки. Он находился так близко, что девушка уловила тонкий аромат его парфюма.

– Спасибо, – тихо сказала она, чувствуя, как знакомая волна снова накрыла её.

Аня протянула руку, чтобы взять чётки. Макс разжал пальцы, и на рубин упал луч заходящего солнца. Камень медленно изнутри начал загораться всё ярче и ярче, а по цепочке от него засветились бусинки из горного хрусталя. Необычное колдовское зрелище просто заорожило молодых людей. Они замерли, зачарованно глядя на чудесное преобразование, не смея двинуться с места. Как бы со всех сторон на них надвинулась и поглотила вязкая тьма. Исчезли все звуки, и только горящие бусинки, соединившие руки, светились яркой змейкой, свившейся в кольцо. Казалось, исчезли все чувства, даже не было страха. Каждый ощущал себя и другого, как струну, вытянутую до предела и летящую стрелой в вечность. Ощущение полёта было удивительно красивым, бережным и стремительным.

4

В затуманенное сознание пробивался шум прибоя. Ане казалось, что она снова в детстве отдыхает с мамой на море. Лицо оведал лёгкий ветерок, а в воздухе чувствовался солёный запах морской воды и водорослей. Она открыла глаза и, опираясь на руку, села. Над водной линией горизонта ещё виднелся край солнечного диска. Солнце послало последний, как бы прощальный, луч, словно протянув руку, и скрылось, погрузившись в глубины вод. Шагах в пяти, спиной к ней, стоял Макс и так же смотрел на закат. Он обернулся и, подойдя, присел на корточки возле Ани.

– Очнулась? – спросил он на русском... на русском? Нет, это был не русский и не английский язык.

– Да, а где мы и что произошло? – Аня испуганно огляделась вокруг. – И на каком языке мы говорим? И почему понимаем друг друга?

– Хотел бы и я это знать, – мужчина подал Ане руку, помогая подняться.

– Но мне страшно! Что же с нами будет?

– Чтобы не паниковать, давай успокоимся и поразмыслим. Кстати, мы ещё не знакомы – Макс Норт, – представился он.

– Анна Чернова, можно просто – Аня.

– Очень приятно, Аня. Можно я буду называть тебя – Эн?

– На английский манер? Можно. А имя Макс, у нас тоже существует, только это сокращённо, а полное Максим.

– Неплохо звучит, – улыбнулся он.

– А где же чётки? – спросила Аня.

– Не знаю. Когда я пришёл в себя после головокружительного полёта, мы лежали на берегу, но чётки не было. А откуда они у тебя?

---

¹ Извините, вы потеряли (англ.)

И Аня рассказала о том, что с ней приключилось в Афинах.

– Старик сказал, что что-то исполнится, но ты не расслышала – что именно?

– Да, я не расслышала, он уже исчез тогда. Но ещё он сказал, что с последними лучами заходящего солнца. Так оно и случилось. И здесь мы так же наблюдали закат. Может, мы как в сказке, прибыли сюда на солнечном луче? – улыбнулась она.

– Чертовщина какая-то, – с досадой произнёс Макс и упрямо добавил: – но мы должны разгадать эту тайну.

Аня вздохнула и произнесла классическую фразу:

– Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

– Верно, а вот и наши вещи: моя сумка и твой рюкзак, – обрадовался Макс, увидев багаж, как будто отброшенный кем-то в сторону.

Маленькая дамская сумочка, перекинутая ремешком через грудь, была у Ани при себе.

– Макс, но скоро совсем стемнеет, надо подумать о ночлеге.

– Я об этом и размышляю. Если мы отправимся на поиски какого-либо населённого пункта, то поиски могут затянуться на неопределённое время. А судя по тишине, которая нас окружает, поблизости нет ничего подходящего.

– Нам совершенно неизвестно, где мы и что вокруг. Кроме моря, конечно, и скал, – подтвердила Аня.

– Верно, поэтому мы должны найти укромное место где-то здесь.

– Но кругом скалы. Может, отыщем пещеру? – предложила девушка, но засомневалась. – Нет, а вдруг там змеи или ещё кто?

– Остаться ночевать здесь под открытым небом – не самая лучшая перспектива, но, думаю, если ничего не найдём, нам не придётся выбирать.

Справа, если стоять к морю лицом, возвышались скальные нагромождения. А по левую руку по всему побережью и частью в воде у берега были разбросаны огромные валуны. Песчаный берег повсюду, как бы кто её просыпал, был устлан галькой – мелкими круглыми камешками. Дальше, вглубь побережья, начинались заросли кустарников и деревьев.

Молодые люди решили обследовать скалы. Перебираясь с камня на камень, зайдя со стороны моря, они обнаружили небольшое плато – идеальное место для ночлега в сложившейся ситуации. С суши их невозможно было заметить, и хищник не мог подобраться сверху, если таковые здесь водились, над плато возвышалась отвесная высокая скала.

Пока Аня с Максом перетаскивали сюда свои вещи, сумерки заметно сгустились на берегу. Но плато располагалось выше уровня моря, и скальная порода была светлой, поэтому здесь было несколько светлее, чем внизу.

Аня развернула спальный мешок и, расстегнув замки, получила обычное лёгкое одеяло на синтепоне.

– Какой Антон молодец, что надумил меня взять с собой спальник, – сказала она.

- Антон? Твой друг?
- Нет, он друг Светланы – той девушки, что сидела рядом со мной в самолёте.
- Это та рыжая красавица?
- Да, она красивая, – согласилась Аня.
- Я помню их у самолёта. Твоя подруга что-то оживлённо доказывала своему парню. По-моему, они ссорились.
- Верно, она очень импульсивная. В Светлане столько жизни! Антон и Света мои близкие друзья, мы учились на одном факультете.
- А здесь, как я понял, у вас какое-то дело?
- Да, мы занимаемся археологическими раскопками.
- А почему ты привезла свой спальник? Ваше руководство обязано было заранее подготовить всё для проживания, как в любой цивилизованной стране, – удивился Макс.
- Так и есть. Наше руководство обо всём позаботилось. Но понимаешь, этот спальник и рюкзак побывали со мной во множестве походов. Как тебе объяснить... это – как старый друг. Антон сказал: на какой-нибудь непредвиденный случай. И как видишь – он прав, – развела Аня руками.
- Значит ты – археолог. Интересная у тебя работа.
- Но и у тебя не менее интересная. Скажи, Макс, – осмелев, спросила девушка, – ты так молод, а уже мировая известность, слава. Тебе твоя жизнь нравится? Поклонники следят за каждым шагом. Не утомляет?
- Видишь ли, Энни, многие люди мечтают о славе. И я не отрицаю, что моя жизнь интересна и насыщена, но ты права в том, что очень часто хочется уединиться и побыть вдаль от всего этого.
- Продолжая разговор, Аня вынула из кармашка рюкзака сухое горючее и зажигалку. Поместила в углублении камня горючее и подожгла. Мягкие блики огня осветили их лица. Макс помог девушке накрыть импровизированный стол на камне, постелив газету.
- Судя по вашим фильмам, ты не привык к подобным условиям. Извини, но тарелок, вилок, ложек здесь нет.
- Что ж, мы – американцы – действительно ведём более цивилизованный образ жизни, – принял Макс подачу, – но в детстве я был бойскаутом. Да и участвовал в игре на выживание, где несколько месяцев приходилось жить на острове. Есть такая телепередача...
- Да-да, знаю. У нас она тоже существует и называется «Остаться в живых», – отмахнулась Аня.
- Между тем из рюкзака был извлечён небольшой запас продуктов для туристов. Молодой мужчина открыл баночку консервов, вместо хлеба послужили сухие хлебцы. Но так как чай подогреть было не в чем, лёгкий ужин путники запили минеральной водой из пластиковой бутылки. Колечко сухой колбасы, печенье, оставшиеся хлебцы и шоколад оставили на завтрак.
- И всё-таки, Макс, твоя жизнь проходит на виду. Восторженные письма и звонки поклонниц; тебе льстит вся эта мишура? – продолжила расспрос Аня.

Мужчина посмотрел на Аню, складывавшую оставшуюся провизию в рюкзак, и улыбнулся.

– Да, как тебе сказать, Эн... вначале мне действительно очень нравилось всеобщее внимание, и я купался в лучах славы. Ты только представь: вспышки фоторепортёров, твоё лицо на красочных обложках журналов, толпы прекрасных девушек, предлагающих себя и влюблённых в тебя – мечта каждого мужчины. Поначалу от такого успеха я ликовал! Я был счастлив! Но со временем всё наскучило и начало утомлять. Конечно же, я благодарен своим поклонницам, но физически просто не в состоянии отвечать всем на звонки, письма и тому подобное. У каждого человека, в том числе и у актёра, есть своя личная жизнь, в которую он не хотел бы допускать любопытные взгляды.

– Наверное, ты прав, – задумчиво произнесла девушка, отвечая своим мыслям, – о славе мечтают многие.

– Но, если честно, Эн, – спросил Макс с улыбкой, прищурившись, – ты же не являешься моей поклонницей? Ты и в самолёте избегала смотреть на меня, в отличие от подруги.

Хорошо, что ночь скрыла предательский румянец, выступивший на лице у девушки.

– Макс, я всегда считала глупыми девчонок, что влюблялись в артистов, – рассудительно сказала Аня, – это же пустая затея. Актёр может быть полной противоположностью своему герою.

– Точно подмечено, Эн, – согласился он. – И спасибо за ужин. Если бы не ты, мы бы остались голодными.

– Если бы не я, мы бы не оказались здесь, – грустно улыбнулась девушка.

Почти совсем стемнело, и только тонкая линия горизонта догорала малиновым заревом, отражаясь алой дорожкой в волнах.

– Завтра будет жарко, – сказала Аня.

– Откуда ты знаешь? – для поддержания разговора спросил Макс и также посмотрел на закат, проследив за её взглядом.

– Дедушка мне ещё в детстве объяснил, что когда закат ярко-малиновый, то следующий день будет жаркий, а когда малиновый восход, то день обычно ветреный и холодный. Но что-то я устала и хочу спать, – зевнула она.

– И я тоже, – потянулся Макс.

Аня достала кое-какие вещи из рюкзака и положила под голову Максу и себе. Спальник немного смягчал жёсткость каменной плиты. Девушка, по возможности, дальше отодвинулась от своего спутника, насколько позволила ширина одеяла. Молодой мужчина улыбнулся, отметив это. Аня ему нравилась всё больше и больше. Она околдовала его ещё в самолёте, когда шла по проходу: стройная, лёгкая, изящная, в облаке волос, освещённых со спины через иллюминаторы солнцем. Девушка показалась ему нездешним, неземным созданием, дивной нимфой. В миг, когда глаза их встретились, словно разряд молнии прошёл между двумя полюсами. Но в отличие от других представительниц слабого пола, Аня не стала

кокетничать с ним и бросать восторженные взгляды. Скорее наоборот. И столь явное равнодушие с её стороны, подогрело возникший интерес.

– Ты славная девушка, Энни, спокойной ночи, – тихо промолвил он, глядя в звёздное небо.

– Спасибо, Макс, и тебе спокойной ночи, – пробормотала она, засыпая.

5

Солнце, взошедшее на востоке, ещё не появилось из-за скалы, но уже позолотило поверхность моря и отражалось светлыми бликами в волнах, медленно катившихся к берегу.

Летом рассвет наступает рано, и наши друзья, утомлённые произошедшими с ними накануне событиями, ещё спали. С берега потянуло прохладным утренним бризом. Проснувшись, но, ещё не открыв глаз, Аня медленно восстанавливала в памяти события минувшего дня. Вдруг сердце заколотилось в бешеном ритме, когда она поняла, что голова её покоится на тёплом и уютном плече Макса. Нос, мирно посапывая, уткнулся ему в сгиб между плечом и шеей, а его рука заботливо обнимала её. Аня напряжённо пыталась, но не могла вспомнить, как всё произошло. Видимо, за ночь скалы остыли, а с моря дул влажный прохладный ветерок. И слегка продрогнув, молодые люди не заметили, как их притянуло друг к другу.

Боже, что он о ней подумает? Не успели познакомиться, как уже спит в его объятиях. А разглагольствовала-то... ах, ах. Не любит артистов, все девчонки дуры и прочая чепуха, а как до дела, так туда же.

Осторожно, чтобы не разбудить Макса, Аня медленно сняла с себя его руку и, освободившись от объятий, встала. Подошла к краю площадки, посмотрела в бескрайнюю морскую даль, что так и манила своим величием и бесконечностью. Гладкие, зеркальные волны не спеша набегали на скалы и с шумом, разбиваясь на тысячи мелких брызг, пенились и отступали обратно. Удивительно, подумала девушка, вот сейчас, сию минуту, она смотрит, как волны с постоянной монотонностью выполняют свою работу, омывая и шлифуя камни. И так было всегда – сотни, миллионы лет до неё. И даже если когда-то её не станет, волны не прекратят свой бег, а скалы молчаливыми свидетелями так же нерушимо будут взирать на вечное движение времени. Наверное, поэтому мальчишки-романтики мечтают о море и путешествиях. Хотя, возможно, сами не понимают в полной мере – чем же их так притягивает море.

Аня обернулась. Макс всё так же крепко спал, повернувшись на бок. Слава Богу, ничего не заметил. Девушка взяла моющие принадлежности, полотенце, купальник и осторожно по каменным уступам тем же путём, что и вечером, только в обратном направлении, спустилась на пляж, собираясь искупаться.

Песчаный берег был пуст, но всё же девушка зашла за один из валунов, чтобы обезопасить себя от случайных взглядов. Вода скрывала ей ноги выше колен. Сняв с себя одежду, она положила её на камень и, блаженно потянувшись, окунулась в тёплые ласковые волны. Проплыв туда и

обратно, Аня с удовольствием помылась, надела купальник и вышла на берег, разложив для просушки, выстиранную одежду.

Ранним утром солнце ласкало кожу нежными лучами. Ближе к полудню, оно будет нещадно жечь, а сейчас нежно согревало остывшие за ночь скалы, камни и песок, щедро даря тепло, такое необходимое всему живому.

Аня стала спиной к солнцу и принялась расчёсывать щёткой влажные волосы.

– На этом пустынном берегу ты выглядишь, как русалка, – произнёс Макс, – доброе утро.

– Доброе утро, – ответила девушка, смутившись.

Но он, быстро сбросив одежду, разбежался и, нырнув, размашисто поплыл от берега.

Надо же, он появился, как только она оделась. А вдруг он видел её? Нет, не может быть. В следующий раз надо быть осторожнее, решила Аня, и, поддавшись чувству, которое случается во сне, когда человек видит себя в толпе раздетым и ему хочется спрятаться ото всех, защититься, она надела топ и шорты.

Макс вышел из воды, покрытый капельками и струйками воды, сверкающими в свете утренних лучей, и девушка невольно засмотрелась на него. Как древнее божество, подумала она. Макс же залюбовался, взглянув на Аню: влажные локоны нежно обрамляли её лицо и лёгкими спиралями спускались на спину и плечи. Капельки влаги стекали по волосам и впитывались в ткань топа, оставляя влажные тёмные дорожки.

– Ты... необыкновенная... – только и мог сказать восхищённый мужчина.

Аня протянула ему пакет с шампунем, губкой и гелем.

– О, великолепно, – обрадовался Макс, – а у меня в сумке только зубная щётка с пастой, бритвенные принадлежности и кое-что из сменного белья. Все остальные личные вещи остались в багаже.

Чуть позже они спустились со скалы свои сумки и позавтракали запасами еды, что остались с вечера.

Пока длился завтрак, и просыхала одежда, Аня украдкой посматривала на стройные ноги Макса, да и на всю его мускулистую фигуру. Что там ни говори и сколько не иронизируй, а занятия спортом и ежедневные тренировки очень украшают человека. К примеру, если бы рядом с ней сейчас находился какой-нибудь тощенький маленький и бледненький человечек, она, может быть, и отнеслась бы к нему с уважением, но наверняка не увлеклась бы внешними данными, и её взгляд не притягивало бы, как магнитом.

– И всё же странно, – нахмурившись, произнёс Макс, – куда нас могло занести?

– Я где-то читала о таких явлениях, – ответила Аня, – они случались и раньше – в старые времена. Бывали случаи, что человек находился в одной местности, а через мгновение оказывался в другой части света или стране. Видимо, что-то похожее произошло и с нами.

– О, Господи! Эх! У меня же с собой мобильник, в сумке! Я сейчас позвоню, и всё прояснится. Нас, наверное, ищут.

– Правда? – обрадовалась девушка.

Макс достал телефон и набрал номер... но в трубке стояла тишина, только светился экран.

– Странно, никаких гудков, ни надписей, ни сообщений. И заряд ещё нормальный. Может, мы вне зоны действия сети?

Аня с любопытством и ожиданием смотрела на него. Мужчина нахмурился и с досадой бросил сотовый в сумку. Лицо его приняло недовольное выражение.

– Ничего не понимаю...

Но, взглянув на растерянную и расстроенную девушку, он смягчился и слегка улыбнулся.

– Не расстраивайся, Энни, вот увидишь – всё будет хорошо.

Первой мыслью спутников было – обследовать окрестности, но, подумав, они решили не тратить время на пустые хождения. Макс взял Анин рюкзак со спальником, а ей достались его спортивная сумка и её дамская сумочка.

– Макс, мы, возможно, выйдем к какому-нибудь населённому пункту, а там наверняка автобусы или ещё какой транспорт, – предположила Аня, – там и позвонить сможем.

– У меня с собой кредитка, – успокоил её Макс, – мы арендуем автомобиль, и все будет о`к, – воодушевился он и бодро зашагал вглубь материка.

Солнце поднималось всё выше и выше. И с каждой минутой становилось всё жарче. Часы на руке Макса показывали, что время неумолимо движется к полудню. Аня сменила шорты на спортивное трико. Из-за многочисленных зарослей кустарника и колочек кожа на ногах уже зудела от царапин. Местность, по которой они двигались, была сплошь покрыта холмами, на которых помимо кустарника встречались редкие деревья. Путники направились вдоль побережья на восток. Справа в поле их зрения находилось море.

Время перевалило за полдень. Солнце поднялось в зенит и беспощадно палило с высоты.

– Как огромная раскалённая сковорода, – проворчал Макс, глянув ввысь сквозь солнечные очки. Тыльной стороной руки провёл по вспотевшему лбу, размазывая осевшую на влажной коже пыль.

– Точно, – согласилась Аня, останавливаясь рядом, – даже насекомые попрятались.

И натянув пониже на глаза козырьки бейсболок, они пошли дальше. Запас воды давно кончился. Чувство голода не давало о себе знать из-за жажды, которая с каждым мгновением становилась всё сильнее и сильнее. Просто нестерпимо хотелось пить. Во рту пересохло, а язык казался шероховатой тёркой.

Измученные и измождённые от длительной ходьбы, путники в очередной раз преодолели подъём.

– Я больше не могу, – взмолилась Аня, падая на жёсткую траву, что покрывала каменистый холм, – если нам снова придётся подниматься в гору, я просто умру.

– Ничего, Энни, мы немного передохнём и пойдём дальше, – сказал Макс, опускаясь рядом, – без воды нам долго не выдержать. Поэтому, пока ещё есть силы, надо идти дальше.

– А ты говорил, что где-то поблизости есть населённый пункт, – разочарованно протянула Аня, – посмотри: кругом, насколько хватает глаз – лишь море да сопки...

Но вдруг взгляд её словно за что-то зацепился.

– Ой, что там? Смотри! Это река?

Они мигом вскочили, забыв об усталости. Внизу между сопками блестел, играя солнечными бликами, неширокий рукав реки. Вдоль берегов расположились квадратами и прямоугольниками более тёмные участки зелени.

– Это могут быть огороды или сады, – предположил Макс.

– Мы проберёмся туда и подкрепимся овощами или фруктами. А если есть охрана, то купим, – обрадовалась девушка, – у меня имеется немного местных денег.

– Раз есть сады, где-то неподалеку должен быть населённый пункт, – предположил Макс, – скоро наши мучения закончатся.

Вид воды придал путникам сил. Они ускорили шаг, и часа через полтора подошли к реке.

Прямо на ходу, сбрасывая ношу и одежду, они ринулись в реку, высоко подняв фонтаны брызг. Пили воду, беря пригоршнями. Затем, смеясь и плескаясь, веселились, как дети. Уставшие, но счастливые, они наконец-то выбрались на сушу и в изнеможении растянулись на песке.

– Ну, вот. Утолили жажду, и есть захотелось, – вздохнула Аня.

– Мне тоже, Эн, – подтвердил Макс, – когда мы пробежали мимо сада, мне показалось, что это виноградник.

– Пойдём, проверим?

Заговорщики оделись и, спрятав вещи в кустах, отправились на разведку. Сады действительно оказались виноградниками. Опасаясь быть замеченными, друзья продвигались вперёд осторожно, озираясь вокруг. Сорвали несколько душистых гроздьев, успевая на ходу отправлять ягоды в рот.

С южной стороны, где жаркое солнце щедро изливало тепло, уже были отдельные спелые гроздья, а с северной виноград был ещё зеленым. Поэтому путники несколько замешкались. Они уже собрались уходить, как...

– Воры! Стойте! – задрезжал позади старческий голос.

– Бежим! – крикнул Макс, но Аня остановилась, как вкопанная. И он, оглянувшись, так же замер.

Навстречу шёл пожилой человек странной внешности. На вид ему было около семидесяти лет. Невысокого роста, худощавый, покрытый очень тёмным загаром, видимо, от постоянного пребывания под палящими лучами солнца. Из одежды – всего лишь набедренная повязка, доходящая

до колен, а от пояса вверх перекинутый через одно плечо кусок ткани того же цвета, что и повязка. Материя столь странного одеяния когда-то была бордового или коричневого цвета, а сейчас совершенно выгорела на солнце. Внешность старого человека настолько поразила путников, что они замерли, разглядывая его.

– Вы что же это воруете в чужих виноградниках? Вот я сейчас крикну стражу, и вам отсекут головы.

– Головы? – Аня и Макс переглянулись. – За что же? Мы готовы заплатить.

– Если все будут брать, что вздумается, то наш господин разорится, – продолжал ворчать старик, но уже добродушнее.

– Дедушка, а сколько мы должны заплатить? У меня есть деньги.

Аня достала из кармана несколько бумажных купюр и мелочь.

– Что это? – изумился старик.

– Как что? Это же деньги.

– Деньги – это золотые и серебряные монеты, – наставительно произнёс старик, – а вы мне даете диковинные кусочки папируса с рисунками, как на фресках или дорогих тканях. Кто вы такие? – насторожился он. – И одежда ваша не как у греков. Вот монеты похожи на деньги, но они не те, что я видел у воинов и нашего господина.

Молодые люди снова переглянулись, ничего не понимая; может, здесь так положено? В глубинке? Старик живёт вдали от цивилизации, поэтому и одет соответственно. А причём здесь тогда стража и головы, которые он грозился отсечь? Аня повернулась к Максy и тихо сказала:

– Ничего не понимаю, деньги я обменяла в аэропорту в Афинах. Почему он не признаёт их?

Тогда в разговор вступил Макс.

– Старик, а кто твой господин?

– Как кто? Наш господин – герой Пелей. И это его сады. А почему вы спрашиваете? Его здесь все знают. Вы что же – путешественники?

– Верно, мы путешественники. А прибыли из далёкой страны, что находится к северу отсюда, – поспешила ответить Аня. – Дедушка, а ты садовник?

– Я один из рабов моего господина. Но здесь есть и охрана, – добавил он грозно, – если я крикну их...

– Нет, нет, не надо. Мы не воры. Мы долго были в пути, очень устали и проголодались. У нас закончилась еда. Поэтому-то и взяли несколько гроздьев винограда.

Аня повернулась к другу:

– Макс, принеси, пожалуйста, плитку шоколада.

– Стой! Куда? Сбежать? – снова разволновался старик.

– Дедушка, он сейчас придёт – я же здесь.

Вскоре Макс вернулся и подал Ане горький шоколад с изюмом и орехами. Ане очень нравился горький шоколад. Все, кто любит ходить в

туристические походы, знают, что ничто так не радует и не утоляет чувство голода при длительных переходах, как шоколад. А горький в отличие от молочного не тает. Поэтому Аня всегда брала в походы несколько плиток, а собираясь в Грецию, да ещё после предупреждения Антона, что невозможно будет сходить в магазин, запаслась десятью плитками.

Развернув обёртку и отломив кусочек, Аня положила шоколад в рот, а другой кусочек протянула старику.

– Попробуй, дедушка, очень вкусно.

Старик с опаской положил его в рот, посмаковал... и удивлённо поднял брови.

– О, дивный нектар богов! Я не пробовал ничего вкуснее.

– Возьми всё, – Аня отдала ему оставшийся шоколад.

– А во что завернуто столь вкусное лакомство? И какой диковинный папирус! А серебро, столь тонкой чеканки! – восторгался старый человек фольгой.

– Ничего не понимаю! – поражённо произнёс молчавший до сих пор Макс. – Что происходит?

– Макс, – повернувшись к нему, тихо сказала Аня, пока старик, прищёлкивая языком, рассматривал обертку. – Я, кажется, догадываюсь, что случилось. Но погоди немного, я позже все объясню.

И вновь обратилась к пожилому человеку:

– Дедушка, а нет ли у тебя немного хлеба? Мы очень проголодались в дороге, а наши запасы закончились. Мы идём к твоему господину и несём ему такие же и другие дары.

– Подождите здесь, – смягчившись, сказал старик и скрылся в зарослях виноградника.

– Эх, так что всё же происходит? – взяв её за руку и повернув к себе, спросил Макс.

– Помнишь наш полёт и как мы, очнувшись, оказались одни совершенно в другом месте? Так вот, – продолжила она, получив молчаливое согласие, – если я всё правильно понимаю, тот старик, или он сам, или его чётки – не знаю, но с помощью их мы перенеслись во времени. Если это не шутка Великого Насмешника.

– Бред какой-то. Этого просто не может быть! Фантастика! Чертовщина!

– Погоди, Макс. Предположим, если дед сумасшедший или кто-то решил подшутить над нами, что маловероятно, то мы скоро всё выясним сами. Продвигаясь вперёд, мы, так или иначе, встретим кого-нибудь – или нам попадётся населённый пункт. Но если верить старику-рабу и судя по его одежде, мы переместились во времени почти на три с лишним тысячи лет назад. Герой Пелей жил во Фтии в двенадцатом веке до нашей эры.

– Вот и мне показалось странным совпадение с известным историческим героем.

– Верно. А Фтия находилась в Фессалии на берегу Пегасейского залива Эгейского моря. Женой Пелея была Антигона – дочь героя Эвритиона.

«На охоте Пелей нечаянно убил Эвритиона, и, опечалившись, он бежал в Иолк», – процитировала Аня фразу из любимой книги. – Но эти исторические факты мы сможем выяснить сами, если действительно находимся в столь древней эпохе.

– А Пелей – отец знаменитого Ахилла, – добавил Макс.

– Вот именно! И мы сможем узнать, верно ли, что его мать богиня Фетида – дочь морского царя Нерея. Нам представилась уникальная возможность во всём разобраться самим! Поэтому и твой мобильник молчит, – почти радостно заключила девушка.

Но тут вернулся старик и подал путникам круглую лепёшку хлеба и сыр.

– Спасибо, дедушка, дай Бог тебе здоровья.

– О, я молню Эскулапа об этом каждый день. И тебе спасибо, дочка, ты славная, добрая девочка.

– А как нам перебраться на другой берег, и далеко ли до Фтии?

– Чуть ниже по течению реки лодочник перевозит смену стражников раз в неделю. Как раз сегодня ожидается новая смена. Если поспешите, то успеете. Пешком до Фтии два – три дня пути.

Путешественники, ещё раз поблагодарив старичка, вернулись к своим вещам и спустились вдоль берега реки к переправе. Берег в этом месте был утоптан, и от него вилась тропинка, круто уходящая вверх по склону к садам, петляя и исчезая в высоких травах.

Макс и Аня спрятались в зарослях, чтобы больше никому не попадаться на глаза. К тому же так было удобнее наблюдать за рекой. Оставшись наедине, они пообедали хлебом с сыром, добавив банку со шпротами, что ещё оставалась от Аниных запасов, и запили всё водой из реки, которую набрали в опустевшую пластиковую бутылку.

– Макс, у нас имеется семь плиток шоколада, и, похоже, это наши единственные «деньги», если мы действительно находимся в древней Греции. Нам просто необходимо сменить одежду, чтобы не привлекать внимания.

– И обувь, – добавил он, – если всё придётся покупать, то минус ещё четыре – пять плиток. Мы можем при необходимости разделить каждую плитку пополам и получим вдвое больше. Древние люди ведь не знают, какого размера шоколад.

– Молодец! Здорово придумал! – похвалила его девушка.

– Энни, как ты догадалась предложить старику шоколад?

– Видишь ли, данный деликатес появится в нашей эре только в XV веке. Он завезён в Европу из южной Америки, а более широкое применение получит во Франции при Людовике XIV. А сейчас его здесь нет. Кстати, и письменность здесь появится значительно позже данного периода времени. Примерно через 200 – 500 лет.

– Но откуда ты знаешь такие подробности?

– Это моя профессия, – пожав плечами, ответила Аня. – Сейчас в Греции, подобно скальдам у викингов, есть рапсоды. Рапсоды – поэты. Они слагают стихи и воспевают под кифары подвиги героев, воинов,

богов. Нет, ты только представь: у них нет ни грамоты, ни письменности, а они сочиняют стихи, песни, поэмы. После троянской войны и путешествий Одиссея величайший рапсод Гомер, кстати, он был слепым, сочинил две поэмы: «Илиада», как тебе известно, Троя в древнем мире называлась Илион, и «Одиссея» о скитаниях Одиссея – правителя острова Итака. Две эти поэмы передавались рапсодами из века в век. Рапсоды Греции устраивали соревнования, кто лучше и точнее прочтёт поэмы Гомера. И только позже, когда появилась письменность, правитель Писистрат приказал записать их на бумагу. По этим спискам в школах Греции изучали язык, мифологию и историю. Греческий язык станет языком искусства и культуры. Поэзия и театр Греции до наших дней остались непревзойдёнными. Из семи чудес света – пять созданы греками. Причём гением скульпторов, художников, архитекторов, а не миллионами загубленных жизней рабов. А философы: Сократ, Диоген, Пифагор и другие. Они достигнут высочайших вершин человеческой мысли. Знаешь, Макс, это удивительная страна! Да ты и сам всё знаешь; не просто так ведь вы решили снять фильм о древней Греции.

– Эни, это ты удивительная девушка, – промолвил Макс, прикасаясь пальцами к её щеке.

От столь невинной ласки кровь прилила к Аниному лицу, и нежный румянец окрасил щёки. Глаза её раскрылись, зачарованно глядя на молодого мужчину.

– Ну что ты, я обыкновенная, – взволнованно ответила девушка, отводя глаза, – но смотри, кажется, лодочник плывёт.

Пикантный момент, к сожалению Макса, был упущен. К берегу причалила довольно большая лодка. Из неё вышло шестеро воинов. Один из них отличался более богатой одеждой и экипировкой

– Видимо, он – начальник караула, – прошептала Аня.

– Смотри, и одеты они, как мы видели в своём времени в кино или на древних рисунках, – в свою очередь сказал Макс.

Воины направились к садам и вскоре скрылись в зарослях.

Лодочник выглядел, как и раб в саду, только несколько моложе. Натруженные сильные руки отдыхали, лёжа на коленях. Мужчина казался спокойным и невозмутимым. В ожидании пассажиров, он прикрыл глаза и как будто погрузился в сон.

Но вот на тропе появилась группа сменившихся стражников, и лодочник встрепнулся, взялся за весла, готовый к отплытию.

– Пойдём, – взяв Аню за руку, тихо сказал Макс.

– Страшно, – повела плечами Аня, но решилась и смело шагнула за другом.

Воины, как по команде, остановились, глядя на странных людей. Кое-кто из них даже схватился за меч. Но видя, что появившиеся странные люди не представляют угрозы, убрали руки с рукоятей мечей.

– Кто такие? – грозно спросил начальник стражи.

– Мы путешественники, – ответил Макс за двоих, – и прибыли издалека.

Он кратко изложил воинам ту же легенду, что была придумана на ходу для старика-раба, и попросил перевезти их на другой берег, добавив, что путь их лежит к Пелею во Фтию. А идут они от своего правителя из далёкой северной страны.

Узнав о столь почётной миссии, начальник стражи Мирон пригласил путников в лодку. Молодые воины безошибочно распознали в Ане принадлежность к слабому полу, хотя, на их взгляд, она была одета так же, как и её мужчина. Юные стражники переговаривались между собой и с интересом посматривали на девушку, но она старалась ни на кого не смотреть, опустив козырёк бейсболки пониже.

Аня села, вплотную прижавшись к Макс, и крепко ухватила его за руку. Она старательно отводила взгляд от полуобнажённых мужчин, как будто её больше занимали красоты окружающего пейзажа.

Макс почувствовал её напряжение и успокаивающе пожимал маленькую руку, что так крепко вцепилась в него.

На другом берегу стражников поджидали кони, запряжённые в колесницы. Мирон подошел к Макс.

– Если бы ты был одет, как мы, я принял бы тебя за воина. Отличная выправка, – оглядев его, похвалил Мирон.

– Я люблю спорт, – улыбнулся Макс.

– Все греки любят спорт, – кивнул, соглашаясь, воин, – но на здешних дорогах беспокойно, разбойники пошаливают. Я смотрю, ты без оружия, а с тобой красивая дева. И по всему – не рабыня. Возьми вот.

Мирон подал Макс, небольшой короткий меч, какие были в ходу в те времена. А Макс, по молчаливому согласию подруги, угостил воина шоколадом. Произошла примерно та же сцена, что и с рабом в винограднике. Когда же восторги стихли, Мирон поинтересовался:

– Но почему у вас столь необычная одежда? К нам из-за моря наезжает много торгового люда. И каких только нарядов я не видел, но таких – никогда. И дева твоя одета в точности, как и ты. У наших жён и сестёр одежда отличается от мужской.

– Потому что в нашей стране на севере намного холоднее, чем здесь. И мы носим такие длинные одежды – брюки. Они нас защищают от холода.

Наконец-то собеседники распрощались, и воины, став по двое в колесницу, скрылись в клубах пыли.

А наши путешественники отправились следом, когда пыль немного улеглась.

Нешадно палившее солнце стало клониться к закату. Подул лёгкий ветерок, охлаждая разгорячённую кожу. С запада набежали тяжёлые свинцово-синие тучи, быстро закрыв полнеба. Потянуло прохладой и влажным запахом дождя. Дышать стало намного легче, но друзья скоро поняли, что необходимо где-то найти укрытие.

Пронзая тучи, в землю всё чаще били яркие бело-голубые мечи, сопровождаемые оглушительными раскатами грома.

Макс схватил Аню за руку и, пригнув голову, побежал к скалистому побережью. Благо их путь проходил вдоль морского залива, и бежать пришлось недалеко.

Первые тяжёлые капли фонтанчиками взбили дорожную пыль. Внезапно налетевший шквалистый ветер норовил сбить путников с ног, пригибая к земле редкие тоненькие деревца, росшие на холмах.

Ветер с огромной скоростью гнал, закручивая в спирали и воронки, тяжёлые тучи. Но прекратился он так же внезапно, как и налетел. Зато с неба сплошной стеной обрушился ливень, погрузив побережье в густые сумерки. По мокрым и скользким камням стало трудно передвигаться, а на расстоянии вытянутой руки невозможно было ничего рассмотреть. Лишь на короткие мгновения стрелы Зевса выхватывали из темноты серые камни и потоки воды, низвергающиеся с небес.

Путники метались по берегу в поисках укрытия. Очередная яркая вспышка помогла рассмотреть небольшой грот в скале. Макс, крепко держа Аню за руку, метнулся к нему. У самого входа в грот Аня поскользнулась на мокром камне и, взмахнув свободной рукой, в попытке найти опору, поранила запястье об острый край скалы. Вскрикнув, она отдернула руку и упала бы, если бы Макс не подхватил её на лету. Он вошёл в пещеру, прижав девушку к себе.

Внутри было темно, но сухо. Чиркнув зажигалкой, мужчина поджёг сухое горючее, и мягкий рассеянный свет отогнал темноту. Словно пугливый зверёк, тьма отшатнулась и притаилась за углами и уступами камней.

Макс посмотрел на Аню и ахнул. Девушка сжимала запястье чуть выше раны, чтобы ослабить приток крови. Но у неё ничего не получалось, и алые капли быстро сбегали по пальцам и срывались вниз вместе с дождевыми струями, насквозь промочившими молодых людей.

Макс выхватил из Аниной аптечки бинт с йодом, обмыл руку спутницы водой из бутылки, промокнул сухой тряпкой, обработал края раны йодом и туго перебинтовал.

– Тш-ш, – успокоил он девушку, когда та пискнула от жжения йода, – хорошо, что вена не задета, тебе повезло.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Как ты? Очень больно? – поинтересовался Макс, заглядывая в глаза.

– Нет, что ты. Я просто очень испугалась, – и, оглядев себя, всплеснула руками, – ой, мы такие мокрые, надо переодеться.

Аня открыла рюкзак и отобрала для себя сухую одежду, а для Макса мужскую рубашку с длинными рукавами.

– Возьми, она тебе хоть и маловата, но всё же лучше мокрой футболки.

– Мужская рубаха? – удивился он. – Твоего друга?

– Нет, – улыбнулась девушка ноткам недовольства, что слышались в голосе Макса, – она моя.

– Она же велика тебе.

– Всего на два – три размера, – и пояснила: – Я люблю брать в походы эту рубашку, днём она защищает от солнечных ожогов, если приходится долго находиться под открытым небом, а вечером от мошканы и комаров.

Макс не очень уверенно, но взял предложенную вещь. Пока Аня переодевалась, Макс накинул рубаху и прошёл в дальний угол пещеры.

– Эн, а здесь уже кто-то ночевал. И не раз. Смотри.

Аня повернулась к нему. Макс шёл с охапкой хвороста.

– Ты что хочешь с ним делать?

– Разжечь костёр и просушить одежду.

– Но хворост пригодился бы нам для ночлега.

– Там есть ещё.

Аккуратно сложив сухие ветки горкой, Макс поджёт их. Маленькие язычки пламени, весело перебегая с веточки на веточку, быстро расцвели большим ярким цветком.

Аня вынула из чехла спальник и, сложив его вчетверо, положила ближе к огню. Друзья сели на него, прислонившись друг к другу.

Чтобы сухой хворост не прогорел слишком быстро, основную его часть Макс намочил под струями дождя и теперь постепенно по одной – две веточки подбрасывал в пламя, которое недовольно шипело и потрескивало, словно рассерженный кот. Искры огня яркими светлячками подпрыгивали над костром и вместе с голубоватым дымком уносились под своды пещеры, постепенно угасая.

За пределами грота всё так же шумел ливень, но уже реже сверкали стрелы молний, а раскаты грозы становились всё тише, докатываясь издалека.

Внутри же пещеры было тихо и уютно. Путешественники поужинали остатками лепёшки с сыром, запили водой, что набрали из реки в опустевшую пластиковую бутылку, и молча смотрели на пляшущие языки пламени. Близость разгорячённых тел втайне волновала обоих.

Если сейчас она отодвинется, думала Аня, то он всё поймёт. Неужели она влюблена в этого человека? У неё что, отшибло мозги? И она потеряла способность здраво рассуждать? Мимолётные прикосновения волнуют так сильно, что затрудняется дыхание, и она не может справиться с собой. А что же он?

Его голубые глаза, не отрываясь, смотрели на костёр, а на губах играла лёгкая задумчивая улыбка. Боже, Аня чувствовала себя полной дурой. Наверняка он всё видит и замечает. С его-то опытом!

А Макс просто наслаждался прикосновением нежного девичьего плечика и завитками волос, что просохли и, упрямо выбиваясь из косы, щекотали его щеку. Как же разительно отличалась обстановка, в которой он оказался сейчас, от того, что бывало с ним прежде. С любой американской подругой он уже в первый вечер познал бы страсти любви. А к Энни не смеет прикоснуться, ну если только вот так, мимолётно, как бы невзначай. Эта девушка недоступна его пониманию. Её нельзя обидеть, нельзя, самоуверенно и властно приобняв, прижать к себе, как многих

других. В ней есть что-то чистое, незапятнанное, непривычное для его современного понимания.

Наконец Аня не выдержала и, чтобы разрядить создавшееся напряжение, сказала прерывистым от волнения голосом:

– Вот бы сейчас колбаски гриль, и поджарить на огне.

– Или мясо на вертеле, – поддержал её Макс.

Они посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

Как часто бывает с грозой, она быстро пронеслась, оставив за собой след чистого воздуха, напоенного озоном. Путники вышли из грота. Дышалось легко и свободно. Солнце опустилось к линии горизонта, скрываясь за холмами. И только тучки, переместившиеся на северо-восток и окрашенные вечерней зарей, атели на синем небе.

– Как «Алые паруса» у Грина, – восторженно промолвила Аня.

Подчиняясь неведомому сильному чувству, Макс подошёл сзади и заключил девушку в кольцо рук, слегка прижав к себе. Нежность, которую Аня давно испытывала к молодому мужчине, отозвалась в каждой клеточке. Она замерла и отогнала прочь мысль о том, чтобы оттолкнуть его или освободиться, настолько хорошо и уютно было в крепких объятиях.

Из двух сердец, опламенённых внезапным порывом, рвалось великое множество восторженных и ласковых слов, что так хотелось сказать друг другу. Но слова отлетели прочь, боясь спугнуть волшебное мгновение и нарушить создавшееся очарование.

Макс чуть склонил голову и прижался к мягкой девичьей щеке. Девушка же в ответ прильнула к нему и потянулась навстречу. Губы их встретились... и ведомая древнейшим инстинктом, не сознавая себя, Аня развернулась к любимому. Руки, словно лоза, обвилились вокруг его шеи, а пальцы-веточки запутались в шёлке волос. Воздушный вихрь подхватил и закружил их, унося в поднебесье.

Два разных полюса: плюс и минус. Две противоположности: пламень и лёд. Две половинки: он и она, когда-то разделённые Всевышним и разбросанные по свету. Две разъединённые половинки, вечно ищущие друг друга. И только по капризу судьбы или по чьёму-то высшему велению, однажды встречаются на перекрёстках жизненных дорог. И вот тогда-то, стоит им соприкоснуться, заглянуть в глаза друг другу, вселенная словно приоткрывает свои тайны. Двое узнают друг друга по наитию, по тончайшим вибрациям души, на подсознании.

Макса ошеломила глубина нахлынувших чувств. В своей жизни он познал множество романтических приключений. Часто в кино приходилось играть героев-любовников. Но то, что произошло сейчас, невозможно было объяснить словами.

Поздно ночью, слушая ровное дыхание любимого, Аня пыталась разобраться в случившемся. Что она натворила?! Боже, влюбиться в актёра! Да она просто сошла с ума!

Ранее такое не могло привидеться и во сне. Аня всегда считала самой большой глупостью подобные бредни и не желала понимать девчонок, что безнадёжно сохли по какой-нибудь «звезде». Но, Господи, как же восхитительно находиться с ним вот так рядом, вдыхать аромат его кожи, пропитанной солнцем, дождём с грозой, цветочной пылью, пылью дорог, ароматом трав и едва уловимым остатком парфюма. Все доводы рассудка были безжалостно растоптаны. Невольно вспомнилась одна из заповедей «не суди – да не судим будешь». Небеса, как бы насмехаясь, послали ей то, что она отрицала.

6

Утренние лучи осветили скалы у входа в грот. В пещере словно кто зажжёт маленький светильник. Прозрачный утренний свет, преломляясь в морской воде, отражался на внутренних стенах грота, проникая через широкий вход.

Макс открыл глаза и нежно чмокнул подругу в висок. Она сладко потянулась и, окончательно проснувшись, села.

- Энни, по-моему, у тебя жар, – заботливо промолвил Макс.
- У меня болит рука, – нахмурившись, пожаловалась девушка.
- А ну-ка давай посмотрим.

Рана заметно воспалилась, что по всей видимости и послужило причиной жара.

Спустившись к заливу, они искупались, осторожно с мылом промыли рану в солёной морской воде, затем пресной из бутылки.

– Энни, тебе придется потерпеть, – сказал Макс, открывая бутылочку с йодом.

– Но это же так больно, – сжалась Аня.

– Видишь ли, вчера я пожалел тебя, и вот результат, – рассудительно произнёс он. – В древнем мире, насколько мне известно, не существовало спиртосодержащих препаратов. Я имею ввиду медицину.

– Зато у них были какие-то мази, отвары и настои, – возразила девушка.

– Но у нас их нет под рукой. А если рану не обработать, может начаться заражение. Ты помнишь, что применяли в таких случаях войны?

– Что?

– Они прижигали раны раскалённым железом.

– О, нет! Только не это! – округлив глаза, воскликнула Аня. И мужественно, но, зажмурившись, протянула руку.

Аня только зашипела от боли, сквозь стиснутые зубы, когда нестерпимое жжение опалило её от кисти до плеча.

– По-моему, никакой разницы, – размахивая рукой, простонала она, сморщив лицо от боли.

– Ты, о чём?

– На мой взгляд, никакой разницы между йодом и раскалённым железом.

Некоторое время спустя они выбрались на дорогу, по которой накануне укатили войны в колесницах, и зашагали в том же направлении.

Утомленная от иссушающего зноя растительность распрямилась, развернулась, раскрылась, напоенная обильной влагой. Под ласковыми лучами солнца распустились яркие диковинные цветы.

По влажной и совсем не пыльной дороге идти было легко и приятно. Лёгкие вдыхали чудный аромат цветов и зелени. Птицы словно только что вернулись в родные края, оглашая мелодичными трелями поля, лес и горы.

Вскоре ландшафт изменился, и путники вошли под кроны не очень густой рощи. То там, то здесь блестели под солнцем небольшие зеркала лужиц, над которыми радостно виляла мошкара.

Аня и Макс несколько расслабились, беззаботно болтая о пустяках. О вчерашнем поцелуе не смел заговорить ни один, хотя оба помнили о пережитых чувствах. И временами, заглядывая в глаза собеседнику, каждый желал найти ответ на мучивший вопрос, а не привиделось ли ему все?

Из еды ничего не осталось, поэтому сообща было решено уничтожить плитку шоколада. Что они и делали, отламывая по маленькому кусочку, чтобы растянуть удовольствие.

– Макс, подожди, – остановилась Аня, прикрыв один глаз и роясь в дамской сумочке.

– Что случилось?

– В глаз... что-то попало.

Наконец Аня вынула из сумочки зеркальце. Поддетый рукой, в траву упал какой-то круглый цилиндрический предмет. Макс поднял его и внимательно осмотрел.

– Зачем тебе газовый баллончик?

– А-а, этот? – искоса, глянув на него, произнесла Аня. – Мама купила. Одно время в Москве часто грабили в подъездах. Просто эпидемия какая-то. А я с учебы возвращалась поздно. Вот мама и позаботилась о моей безопасности. Но, слава Богу, воспользоваться им так и не пришлось.

– А какой газ?

– Перцовый. Кстати, Макс, положи его себе в карман. В случае чего, я не успею быстро достать, – продолжая смотреть в зеркальце и пытаясь подцепить зелёную мошку, говорила Аня.

– Дай-ка я, – сказал Макс, отодвигая её руки в сторону. И легко подцепив букашку носовым платочком, вынул из глаза.

Но он не спешил отстраниться, а задержался несколько дольше, чем следовало бы.

Удушливая волна вновь подкатила к горлу, сковывая по рукам и ногам. Аня смотрела в голубые глаза, ощущая тепло обнимающих рук и погружаясь в чудо волшебного мгновения. Макс очень медленно приблизил к ней лицо и коснулся губ...

– Я же говорил, что это девка, – раздался внезапно голос.

Макс круто развернулся. Позади него полукругом разместились человек семь индивидуумов мужской наружности. Короткие полотняные накидки, подпоясанные простыми шнурами, едва скрывали грязные тела. Давно

нечесанные космы и густая растительность, скрывавшая лица, не позволяли определить возраст индивидуумов. Но внешние признаки явно указывали на принадлежность данного типа людей к бродягам или разбойникам.

– Не поделишься ли с нами своей красоткой, – усмехаясь, выступил вперёд один из них, видимо, главарь. Остальные дружно заржали.

Макс незаметно вложил газовый баллончик Ане в руку и весь подобрался, готовый к схватке.

Вооруженные, кто дубинкой, кто ножом, разбойники подходили всё ближе, мерзко улыбаясь. Один был уже на расстоянии вытянутой руки. Макс сделал резкий рывок и ударом кулака в челюсть отправил его в нокаут. Не ожидавший такой прыти от путешественника, разбойник свалился, как мешок. Остальные, взревев, бросились в атаку. Аня, чтобы не мешать другу и не попасть под случайный удар, отступила ему за спину. Макс лихо наносил удары налево и направо. Аня поняла, почему боевики в кино нападают на героя по очереди, а не скопом. Бандиты поначалу кинулись на Макса все разом, но только мешали друг другу. Поэтому с небольшими интервалами стали нападать по очереди, пытаясь утомить его или сбить с толку неожиданным ударом.

Двое из них обошли Макса и направились к девушке, щерясь наполовину беззубыми ртами.

Аня не могла припомнить столь ответственного момента в своей жизни. Надо было принимать решение – и немедленно. Господи, но как же трудно нанести вред живому человеку. По рассказам Аня знала, что баллончики с перцовым газом приносят ужасные страдания. Не только затруднённое дыхание и першение в горле, но и очень сильное жжение, от которого трудно избавиться. И не дай Бог, если попадёт в глаза.

Но если она пожалеет нападающих, то пострадает сама. По их гадким ухмылкам было видно, что они наверняка замыслили что-то мерзкое. А Макс? Она не может оставить его спину без прикрытия. И девушка решила.

Резкая струя газа под напором ударила в лицо «романтику с большой дороги», оказавшемуся слишком близко и уже протянувшего грязные руки к предполагаемой жертве. Он дико закричал и упал, схватившись руками за лицо.

– Дева-змея! Дева-змея! – завопил второй, отскакивая от Ани.

Вся шайка, как по команде, отбежала назад и уставилась на него.

– Ты что кричишь? – угрожающе зарычал главарь, пришедший в себя от первого удара.

– Дева-змея, – вытаращив глаза, повторял тот, указывая пальцем на Аню, – я видел, как она брызнула яд ему в лицо. Она дочь Горгоны-медузы.

Суеверный страх открыто читался на лицах разбойников.

– Тихо! – крикнул главарь. – Вы! Презренные трусы! Напугались какой-то девки. Сейчас я вам покажу...

И вынув короткий меч, он бросился к Ане. Но Макс преградил ему путь. Он так же выхватил меч, подаренный Мироном.

В жизни ему никогда не приходилось иметь дело с этим видом оружия. Новая роль, в которой он должен был сняться, предполагала сражение на мечах, и инструктор дал несколько необходимых уроков. Но то уроки! Там всё красиво, безопасно, и битва такова, какой её задумал режиссер. А здесь всё на самом деле и всерьёз.

Макс, всё же помня уроки инструктора, отбил несколько ударов. Но бродяга так же не был мастером в фехтовании, а действовал только эмоциями. Он с яростью кидался на молодого мужчину, и тот принимал его мощные удары своим мечом. Оскаленная гримаса оказалась у самого лица Макса.

Но Макс, как спортивный современный мужчина, увлекался искусствами единоборств и боксом, что являлось его амплуа при съемках в роли героя боевиков.

Ему надоело держать на своем мече у груди чужой вес, при этом, вдыхая смрадное дыхание оскаленной пасти, и он, сделав несложное движение, освободился от наседавшего разбойника. Тот не только покатился по траве, но и потерял меч. Отшвырнув меч ногой, Макс продолжил бой врукопашную, когда рассвирепевший «напарник» поднялся и снова бросился в атаку. Но странное дело! Остальная шайка заворожено смотрела на его финты, подсечки, вертушки и прочие выкрутасы, которых они отродясь не видели. Никто даже не подумал броситься на помощь «атаману».

Но тут из-за поворота вылетели две колесницы. Одной из них правил Мирон. Воины с ходу атаковали разбойников, а те, узрев мощную подмогу противникам, тут же бросились врассыпную.

– Я вижу, мы вовремя подоспели, – сказал Мирон.

– Это точно, – потирая многочисленные ушибы, ответил Макс.

Мирон занёс меч, чтобы прикончить бродягу, корчившегося в траве от боли, но Аня остановила его, схватив за руку.

– Прошу вас, Мирон, не убивайте бедолагу. Он и так наказан. Поверьте, ему очень больно.

Затем участливо склонилась над страдальцем и произнесла с заботой и сожалением в голосе:

– Если вы протрёте лицо маслом, то облегчите боль и снимете жжение, но нельзя умывать лицо водой – будет ещё хуже. Право, мне очень жаль, что так вышло, но вы сами виноваты, встав на столь скользкий путь деятельности. Занятия подобного рода чреваты большими неприятностями.

Мирон с удивлением смотрел на Аню, слушая её, но всё же вложил меч в ножны и обратился к Максусу:

– Пелей отправил меня навстречу, как только я поведал ему о вас. И как вижу, не напрасно, – развёл он руками, оглядывая поле сражения.

– Мы очень благодарны вам, – сказала Аня.

– А главное вовремя, – добавил Макс, – если бы на меня снова набросилась вся свора, не знаю, устоял бы? Я уж уставать начал.

– Но почему ты не использовал в сражении меч? – удивился Мирон. – И как ловко ты расправился с разбойником голыми руками! Я никогда не видел ничего подобного! Где ты так научился?

Макс посмотрел на Аню, как бы спрашивая совета. Но она с любопытством смотрела на него – как же он выкрутится?

– У нас в... стране такие единоборства называют техникой рукопашного боя или просто – кикбоксинг. А на мечах я не силён.

– Ты научишь меня так биться? Без меча? – спросил Мирон.

– С удовольствием, только если ты научишь меня биться на мечах, – ответил, улыбаясь, Макс.

Темноволосый юноша, приехавший на другой колеснице, молча слушал и улыбался.

– Друзья. Разрешите представить вам молодого, но отважного воина, – вновь заговорил Мирон, – его зовут Патрокл. Он близкий друг Ахилла – сына Пелея.

Юноша улыбнулся и склонил голову в приветствии. Так вот он каков, один из исторических героев! Выше среднего роста, атлетического телосложения... что ж, он вполне подходил под описание героев древней Эллады. Очень развитое тело, мускулистые руки и ноги резко контрастировали с почти по-детски юным и открытым лицом. Неужели в таком возрасте тогда уже сражались?

– Макс, а как зовут твою прекрасную спутницу? – вновь спросил Мирон. – Она кто тебе, сестра?

– Нет, она моя... – он на мгновение запнулся, посмотрел на Аню и выпалил, – жена. А зовут её Энни. Эн.

Девушка удивлённо взглянула на него, но Макс только улыбнулся.

– Что ж, – задумчиво потёр бороду Мирон, – я также женат. Но вот некоторые молодые воины, что вы видели вчера, огорчатся. Энни их просто околдовала.

Непривычная к комплиментам, Аня смутилась и спряталась за спину друга. Макс обнял её за плечи и слегка притянул к себе.

– Ну, уж нет. Энни моя жена, – улыбнулся он, – и никому я не намерен её отдавать.

Девушка приблизила губы к его уху и зашептала:

– Ты зачем так сказал? Какая жена?

– Эн, я потом всё объясню. А пока, прошу, сделай вид, что так и есть.

– Что ж, друзья, нам пора в путь, – сказал Мирон. – Энни, прошу в мою колесницу, а ты, Макс, к Патроклу.

7

Златокудрый Гелиос направил свою огненную колесницу к западному горизонту, когда путешественники обогнули очередной холм и показались гигантские кипарисы, возвышавшиеся у стен города.

Колесницы въехали на торговую площадь, расположенную у городских ворот.

Яркая, пёстрая толпа людей сновала между рядами. Чего здесь только не было! Ряды гончаров-горшечников с керамикой, торговцы с яркими тканями, привезёнными со всего востока, одеждой и украшениями. Тут же расположились обувщики. А чуть дальше оружейники. Другую сторону рыночной площади занимали торговцы продуктами.

Но рассмотреть всего Аня не успела. Ей очень хотелось остановиться и посмотреть «современные» наряды и украшения, но Мирон напомнил, что их ждут во дворце.

Миновав многолюдную площадь и проехав по узким каменистым улицам, путники остановились у огромного дома. Массивное тяжёлое здание вполне можно было назвать дворцом. Но дворцы у Ани ассоциировались с изяществом, красотой и богатством. Подумав, она решила для себя, что если герой Пелей был хозяином Фтии, то его дом лучше всё же именовать дворцом.

Строения в те далёкие времена не отличались богатством и изысканностью. Даже храмы, посвящённые кому-либо из богов античности, были грубы и массивны. Это позже греки научатся возводить их величественными, лёгкими и изящными, как бы летящими, стремящимися к небесам. А пока строения были просты и массивны.

Дворец возвышался на одном из холмов, у самого залива. Но окружавший его сад действительно был великолепен. Здесь росло великое множество не только фруктовых деревьев, но и различные экзотические виды, о которых Аня не имела ни малейшего представления. Воздух пьянил ароматами цветов, что благоухали по всему саду. Растения, высаженные в определённом порядке, создавали единую, изумительной красоты картину. В разных концах сада располагались роднички и фонтаны, украшенные статуями.

А среди красивейших творений природы возвышался, как уже говорилось, огромный массивный дворец с колоннами и крыльцом во всю ширину строения.

Макс и Аня медленно приближались к зданию, следуя за своими спутниками и заворуженно глядя по сторонам.

Навстречу с высокого крыльца спускались двое мужчин. Тот, что постарше, шёл чуть впереди. Длинный белый хитон, расшитый по низу золотыми нитями, ниспадал широкими складками, не скрывая удобные кожаные сандалии. На вид мужчине было чуть больше сорока. Русые волнистые волосы, схваченные проходящей поперёк лба золотой тесьмой, густой волной струились до плеч. Ухоженные усы и борода обрамляли мужественное лицо. Прямой открытый взгляд характеризовал его, как смелого, честного и уверенного в себе человека. Под свободными складками хитона просматривалась мощная, коренастая фигура. Шрамы на открытых участках рук говорили, что он воин и побывал не во множестве сражений.

Юноша выглядел более щеголевато. Одет он был только в эпоксиду – короткий хитон, закреплённый на одном плече. Широкий пояс, что обычно носили воины, указывал на принадлежность юноши к данной

касте. Других же признаков война на нём не наблюдалось. В том, что это отец и сын, сомневаться не приходилось, внешнее сходство явно читалось в лице и фигуре. Вот только молодой человек был на голову выше отца, и волосы немного светлее. Благодаря своему юному возрасту он, как и Патрокл, ещё не имел ни усов, ни бороды. Зато обладал более могучим торсом и шеей, чем отец.

На широкой груди выделялись рельефными пластинами грудные мышцы. Брюшные мускулы хоть и были скрыты эпоксидой, но легко просматривались в прорехи и вырезы одежды. Чуть ниже узких бёдер вздувались мускулы крепких тренированных ног. Юноша был удивительно красив «античной красотой», подумала Аня.

– Рад приветствовать дорогих гостей, – величаво произнес Пелей, прижав правую руку к сердцу. Затем указал на юношу: – Ахилл – мой сын.

Вперёд выступил Мирон:

– Господин, позволь представить наших гостей – Макс, – произнёс он, и тот коротко кивнул, так же прижав руку к сердцу.

– Энни – его жена.

Девушка мило улыбнулась и слегка присела, как это делали дамы при дворе французских королей. Она просто инстинктивно сделала первое, что подсказала память.

Пелей подошел, взял Аню за руку и сделал приглашающий жест.

Греки хоть и рассматривали с интересом одежду наших друзей, но промолчали, видимо, выслушав ранее объяснения Мирона.

Вся процессия двинулась во дворец. Они вошли в полусвет гигантского зала, стены которого были выложены из простого шлифованного камня. Огромные колонны подпирали высокий потолок, инкрустированный замысловатым узором. По всему периметру зала располагались изваяния богов и героев, привлекая внимание чистотой линий и красотой. Скульптура уже тогда являлась высочайшим искусством Греции. Освещался зал множеством факелов, прикрепленных к стенам, поэтому стены были покрыты копотью.

Один из дальних углов был освещён ярче и уставлен столами, на которых возвышались блюда с яствами. Девушки-рабыни преподнесли всем чаши с водой для омовения рук, а затем молча удалились.

Хозяин пригласил всех к столу. Мужчины с удовольствием приступили к вину и еде. Аня же так устала, что лишь пригубила немного вина и отведала фруктов. Дело в том, что ноги у неё просто гудели от напряжения. Поездка для воинов-греков, стоя в колеснице, являлась обычным делом, но Аня с Максом таким образом путешествовали впервые. Макс, будучи мужчиной спортивного телосложения и благодаря ежедневным упражнениям в тренажёрном зале, перенёс такое «турне» более сносно.

За столом завязался разговор. Пелей поинтересовался, как называется страна, расположенная к северу, откуда прибыли гости и где мастера умеют готовить такие вкусности, как шоколад? И какова цель путешествия?

Первое, что пришло на ум Максиму, так это Англия. Он так и сказал:

– Мы прибыли из Великобритании. А цель нашего путешествия...

– История, – подсказала Аня. Все слушатели повернулись к ней.

– Да. Видите ли, наша страна находится далеко от этих мест, и все вести о событиях, происходящих здесь, доходят до нас в искажённом, а порой совсем не верном свете. И наша миссия – путешествовать по странам, слушать, узнавать о событиях, что происходят в мире, и записывать... – здесь она вспомнила, что в то время в Греции не было письменности, – ну, то есть, пересказывать потомкам только истину.

– Но этим заняты рапсоды. И сказания, переданные в стихах и положенные на музыку, легче запоминаются.

– Верно, рапсоды – поэты. А они склонны приукрашивать и не точно передают события, а историки излагают только факты.

– Почётное дело, – согласился Пелей, – но Энни – женщина, жена. А жены должны заниматься домом и детьми. Наши девушки до замужества воспитываются уединённо, дабы из них выросли послушные скромные жены. Все важные дела у нас решают мужчины.

– У нас так же, – ответил Макс, – только девочки с детства воспитываются вместе с мальчиками. Они изучают науки, обучаются танцам, верховой езде. Но, так же, как и у вас, девочек учат послушанию, а мальчиков учат бережно относиться к девочкам. Всеми же важными делами у нас в стране управляют мужчины. А жена считается верной подругой, – на ходу придумывал Макс, вспоминая, как же на самом деле обстояли дела в Англии три с лишним тысячи лет тому назад. Но на память приходили лишь события не ранее Нового света. – Мы с Энни поженились перед самым путешествием. У нас ещё нет детей, поэтому мы можем вместе заниматься исследованиями. В нашей стране жён очень почитают, и женщины могут наравне с мужчинами вести беседы, – пытался защитить Аню Макс. Девушка благодарно посмотрела на него.

Готовясь к съёмкам в фильме, он изучал немного быт древней Греции. И режиссер заострял его внимание, что женщины Эллады воспитывались зависимыми от мужчин. Но жизнь у них не была унижительной. Девушки воспитывались уединённо для сохранения тонкости их души и целомудрия, чтобы продолжать род, а не размышлять над смыслом зла или добра.

– Как многообразен мир! – философски заметил Пелей. – И мы должны уважать нравы других народов так же, как и они наши.

– Я с вами полностью согласен, – воодушевившись успехом своей речи, важно добавил Макс, – мы с Энни побывали и в других странах. В некоторых, например, женщинам не разрешается появляться перед чужим мужчиной с открытым лицом. Только перед отцом или мужем она может снять чадру – ткань, закрывающую лицо.

– Неужели?! – изумились воины.

– Да, – увлёкся молодой человек. И его, что называется, понесло, – а бывает, что и женщина может править государством, как, например,

Маргарет Тэтчер. – Аня незаметно под столом пнула его ногой. – Ну, или как Клеопатра или Нефертити, – поспешил он исправиться.

– Я ничего не слышал о них, – сказал Пелей.

– Ну да, мир так велик, – важничая, выкрутился снова Макс. Аня только облегчённо подняла вверх глаза и вздохнула.

Ещё некоторое время хозяева и гости обсуждали одежду. О разнообразии и манере одеваться у разных народов. Затронули и необычно сшитую одежду наших друзей.

– Мы с Энни очень хотели бы переодеться и ничем не отличаться от местного населения.

– О, это не составит труда, – обрадовано улыбнулся хозяин, разведя руки в стороны, – мои рабыни приготовят для вас всё необходимое.

Как Аня ни пыталась сдержаться, но лёгкий зевок, прикрытый рукой, был замечен Пелеем.

– Но вижу, что наши гости утомились с дороги и хотят отдохнуть.

После ароматической горячей ванны, что были устроены в огромных выдолбленных камнях, Аню облачили в лёгкий хитон и причесали волосы. Рану на руке перевязали, предварительно наложив на неё какую-то мазь. А затем одна из рабынь проводила её в небольшую комнату.

В отличие от большого зала, спальни тогда не отличались шиком. Это были небольшие выбеленные комнаты. В одну такую Аню и привели. На окнах, не имевших тогда стекла, висели плотные шторы, которые чуть шевелил ветерок. Посреди спальни стояло большое широкое ложе, застеленное лёгким покрывалом. Подушек не было совсем, но небольшое возвышение в изголовье всё же имелось. Мягкие шкуры животных устлали пол. А в углу находилась чаша с водой для умывания.

Аня подошла к окну и, отодвинув штору, посмотрела на цветник, что источал дивный аромат, находясь под окном спальни. В это время за спиной послышался шорох, и она обернулась. Вошёл Макс. На нём, как и на Ахилле была короткая эпоксида. Молодые люди с восхищением некоторое время рассматривали друг друга. Макс подошёл к Ане и взял за руки.

– Энни. Ты – как настоящая дочь Эллады, только намного красивее.

Нежный румянец покрыл её щёки. Одежда в то время была очень свободной и достаточно открытой. В широких прорезях по бокам почти не скрывалось обнажённое тело. Греки являлись одним из красивейших народов, населявших землю. Но, воспитывая в женщинах целомудрие, для них одежду шили более закрытой, чем для юношей. Хотя тонкость ткани обрисовывала достоинства фигуры девушки и при ходьбе подчеркивала её контуры больше, чем скрывала.

Макс не сдержался и притянул Аню к себе. Легко за подбородок приподнял зардевшееся лицо и нежно поцеловал. Вновь закруживший их вихрь легко подхватил её руки, заставив обнять любимого. Не отдавая себе отчёта, девушка инстинктивно прижалась к нему... Но за пологом, закрывавшим вход, раздался голос:

– Извините, друзья, к вам можно?

Влюбленные отпрянули друг от друга.

– Войдите, – ответил напряжённо Макс.

На пороге возник Мирон.

– Прошу простить меня, – виновато сказал он, правильно оценив ситуацию. – Пелей и Ахилл приглашают тебя, Макс, завтра на ежедневные утренние упражнения. Для совершенствования в воинских искусствах и атлетике.

– О, с удовольствием, – с готовностью ответил Макс.

– На рассвете я зайду за тобой, спокойной ночи, – и Мирон быстро вышел.

Макс улыбнулся и снова шагнул к Ане, но она его остановила.

– Ты почему всем сказал, что я твоя жена? Это же не так.

– Эн, ты хотя бы представляешь, где мы находимся?

– Я-то представляю. А вот что ты нёс насчет Маргарет Тэтчер и других дам, правивших значительно позже этого времени?

– Ну, виноват, – стушевался Макс, – увлёкся. С кем не бывает? Но я о другом. Ты же изучала Древнюю Грецию и должна помнить их обычаи. Нравы в старые времена были очень строги к девушкам. Да и не только в Греции. Назвав женой, я хотел всего лишь обезопасить тебя от сплетен, осуждений и возможных поползновений на твою честь. А ещё нас поселили бы в разных комнатах, если бы не данный факт.

– Так ты будешь спать здесь? В этой постели? – округлила она глаза.

– А что? Кровать довольно широкая. Мы с тобой спали уже и на более узком «ложе».

– Да, но... – и девушка слегка зарделась, посмотрев в сторону кровати.

Макс обхватил широкими ладонями её плечи и повернул к себе.

– Эн, посмотри на меня, – сказал он. Она робко подняла глаза. – Энни, чтобы вернуться обратно, нам нельзя разлучаться, даже на ночь. Вдруг с одним из нас что-то случится. Нам необходимо быть вместе. И к тому же я не собираюсь покушаться на твою честь, – добавил он, улыбаясь. Румянец вновь покрыл её лицо, оттого что он точно понял её мысли.

– Макс, какой же ты молодец! – воскликнула она, преодолев смущение. – Я совсем не подумала...

«Я догадываюсь, о чём ты подумала», – мысленно произнёс молодой человек, но вслух ничего не сказал.

– Мне так хочется спать, – сказала Аня, – но я не могу при тебе переодеться.

– Эн. Ты боишься меня? – спросил он.

– Нет, но... – и она отвела глаза.

– Мы уже две ночи провели в обнимку, и я не давал тебе повода, – обиженно произнёс Макс и вышел за полог.

Аня достала из рюкзака пижаму, быстро переоделась и легла на самый край кровати, укрывшись покрывалом. А через минуту уже крепко спала.

Макс немного подождал, но так как из комнаты больше не доносилось ни звука, вошёл. Он посмотрел на спящую девушку и вздохнул. Затем поправил на ней покрывало и лёг на другой край постели.

До сих пор женщины с радостью дарили ему свои сердца и не только. Он практически не знал отказов. А Энни? Она тоже любит его, он не мог ошибиться. У неё такие чистые «говорящие» глаза. Она хотела скрыть чувства и казаться равнодушной. Но она плохая актриса, улыбнулся Макс. Энни, как дитя природы, – открыта и естественна, стоит ему лишь прикоснуться к ней... Она как открытый, дикий огонь. Но в то же время не похожа на своих сверстниц. Есть в ней что-то... какой-то внутренний «сторож», что не позволяет допустить вольностей по отношению к этой принцессе. Поразительно, что девушка начала XXI века может быть столь целомудренна, в её-то возрасте – двадцати двух лет. Где её воспитывали? Наверное, в заповеднике, – улыбнулся он.

– Господи, воистину неисповедимы пути Твои, – вздохнул Макс. И повернувшись на бок, закрыл глаза.

8

В утренних лучах, пробивающихся в щели сквозь плотные занавеси, кружились многочисленные мельчайшие пылинки. Они создавали впечатление чего-то живого одушевлённого, живущего своей осмысленной жизнью. Пылинки исполняли какой-то только им понятный танец.

Некоторое время Аня наблюдала за игрой пылинок и света. Затем села и огляделась по сторонам. Макса в комнате не было. Она провела рукой по постели, которая ещё хранила его тепло и, улыбнувшись своим мыслям, перекатилась на его половину. Немного понежившись в постели, она встала, умылась, почистила зубы и выглянула из спальни... Ни души. Опустив за собой полог, Аня вышла на длинную анфиладу, быстро пробежала её всю и оказалась на огромном крыльце, что находилось с противоположной стороны дворца. Широкие ступени заканчивались далеко внизу, почти у самого залива. По обеим сторонам лестницу украшали статуи из белого мрамора и вазы, в которых росли розы и другие цветы. Глянув на плещущиеся внизу волны, Аня быстро вернулась в свою комнату, надела купальник, взяла полотенце и, накинув хитон, спустилась к заливу.

Раздевшись, она окунулась в тёплые ласкающие волны. Сквозь прозрачную воду хорошо были видны камешки на дне и стайки мелких рыбок. Немного поплавав, Аня вышла на берег и легла на горячий песок, блаженствуя под утренними лучами.

– Госпожа! – услышала она. – Вот вы где. Я так испугалась, не найдя вас в спальне.

Перед Аней стояла невысокая смуглая девушка в простом полотняном хитоне. Волосы цвета воронова крыла стягивал на затылке шнур. Девушка была та же, что ухаживала за ней во время купания, а потом проводила до спальни.

– А что случилось? – спросила Аня.

– Я ваша служанка на то время, пока вы гостите у моего господина.

– Тебя как зовут?

– Эллис, – всё так же потупившись, но бросая на неё заинтересованные взгляды, ответила девушка.

– Вот что, Эллис, ты будешь моей подругой, а не служанкой. Хорошо? Меня зовут Аня. Повтори.

– Что вы, госпожа, я не могу. Я рабыня, – испуганно запротестовала Эллис.

– А мы никому не скажем, это будет наша тайна, – заговорщицки прошептала Аня, – повтори, как меня зовут?

– Аня, – улыбнувшись, сказала девушка.

– Вот и отлично, мне будет очень приятно знать, Эллис, что ты моя подруга.

– Госпожа Аня, какая странная у вас одежда, – осмелев, сказала девушка.

– Таковую одежду носят у нас в стране, и в ней очень удобно.

– Но это всего лишь узкие полоски, и они почти ничего не скрывают, – рассматривала Эллис Анин купальник. Вдруг она насторожилась, прислушиваясь.

– Госпожа, оденьтесь! Я слышу голоса, это хозяин с воинами. Что, если они увидят вас раздетой?

Аня вскочила и накинула тунику.

С восточной стороны показались пятеро мужчин.

– Ты хоть и держал меч впервые, но у тебя хорошие задатки воина. И хватка. А это главное, – говорил Ахиллес. – И всё-таки удивительно, что в вашей стране не все мужчины обучаются воинскому искусству. Из тебя выйдет настоящий воин, тем более что в спорте ты показал отличные результаты.

– Но до тебя мне далеко, – улыбнулся Макс.

– А ты на него не равняйся, – дружески похлопал его по плечу Мирон, – Ахилл лучший и сильнейший воин не только Эллады, но и за её пределами.

Аня смотрела на Макса и поражалась, насколько равным он смотрелся с новыми друзьями. Он не уступал им ни ростом, ни развитостью мускулатуры. И красив был, как бог. Трудно было отдать первенство кому-либо из них; и Макс, и Ахилл были удивительно красивы. Но сердце девушки уже сделало свой выбор.

– Энни, ты прекрасна, как юная Эос, – восторженно промолвил Пелей, взглянув на неё, – ты как будто родилась в Элладе.

Макс подошел к подруге, взяв за руки, и прошептал:

– Я ревную. Но советую прогуляться по саду. Воины собираются искупаться, а тебя это может шокировать, ведь в этом времени ещё нет купальных костюмов.

Аня, взяв Эллис под руку, пошла по направлению к саду.

– А откуда ты родом? – спросила Аня девушку. – И почему рабыня?

– Я с острова Крит. Мой отец торговец. Однажды мы с подружками гуляли и забрели далеко от дома, к самому побережью. Мы решили

искупаться. На нас набросились пираты и захватили в рабство. Больше я не видела своих родителей. Затем нас выставили на невольничьем рынке. Но, слава богам, меня выкупил Пелей, он добрый господин и не обижает меня.

Девушки, не спеша, брели по дорожкам сада. Но что это?!

Аня увидела странное явление. Старик, что дал ей чётки... он стоял у одного из фонтанов в тени густой кроны дерева и смотрел на неё.

– Дедушка! – закричала Аня и, сорвавшись с места, побежала к нему.

Но старика вдруг подёрнула дымка, которая закачалась, и старик... нет, не он, а его изображение, похожее на отражение в воде, пошло рябью и... он исчез. Аня остолбенела. Потом сорвалась с места и бросилась вновь к фонтану, где только что был старик.

– Дедушка! – кричала она. – Подожди! Вернись!

Прибежал Макс. Он прижал Аню к себе, а по её щекам уже катились слёзы.

Услышав крик девушки, он не стал одеваться, а прибежал, как был – в плавках. И Эллис поспешила отвернуться.

– Что случилось? Энни? Почему ты плачешь? Ну, успокойся, – говорил он, глядя её по голове.

– Макс. Я видела его, – подняв мокрые глаза на друга, всхлипнула девушка.

– Кого?

– Старика, что в Афинах дал мне чётки. Он был здесь, у этого фонтана. Но он исчез! Растаял! Испарился! Понимаешь, как только я подбежала к нему, он исчез.

И все тревоги, переживания, волнения и сомнения, что таились в душе с тех пор, как друзья попали в прошлое, словно вырвались на свободу и пролились горючими слезами. Излив горечь, переполнявшую её, Аня стала затихать.

– Макс, – всхлипывала она, – но как же мы вернёмся домой, в своё время? А если мы не найдём его? Почему он скрывается? И зачем дал мне те злосчастные чётки?

– Послушай, Энни, рано или поздно, но старик объявится. Без причины он нас сюда не затащил бы. А сейчас успокойся и...

– О чём вы говорите? Кто вас сюда затащил?

– И почему ты плачешь, Энни? Тебя кто-то обидел?

Воины тем временем оделись и поспешили выяснить причину слёз гостьи. А Аня с Максом, увлекшись разговором, не слышали, как те подошли. Потеряв на короткое время бдительность, они не подумали, что их могут слышать.

– Кого ты здесь видела, Энни? – спросил Пелей. – Если тебе кто-то угрожает, я прикажу страже – и обыщут весь сад, но найдут наглеца.

– Нет, что вы, никто мне не угрожал. Дело в том, что... – она посмотрела на друга, не зная, что сказать.

– Энни, расскажи всё нашим новым друзьям. Может, они знают, кто этот старик. Здесь нам больше не на кого положиться. Без чьей-либо помощи мы можем надолго застрять в этом времени.

– Как странно ты говоришь, – сказал Ахилл, – что значит – застрять во времени?

– Ладно, – согласилась Аня, – вы можете счесть нас сумасшедшими, но дело в том, что... Мы и сами в это не сразу поверили. Да ещё и сейчас... всё кажется хорошо поставленным кем-то спектаклем. Но факт – упрямая вещь. Мы с Максом родились и живём не в этом времени, а намного позже, и попали сюда не по своей воле.

И Аня подробно рассказала обо всём, что с ней случилось с того момента, как она получила известие о поездке в Грецию.

Слушатели не проронили ни звука, пока девушка не закончила рассказ.

– Так вот, значит, откуда те необычные вещи и одежда с обувью, что мы видели на вас, – произнёс задумчиво Ахилл, – у меня теперь возникло ещё больше вопросов, когда я узнал, кто вы.

– Спрашивайте, мы ответим.

– Макс, тот блестящий браслет, что ты снял с руки вчера, как только мы приехали. Что это? Я таких ещё не видел.

– То были часы. Они показывают время дня, ночи, вечера. Их изобретут ещё очень не скоро. Потом как-нибудь на досуге, если захочешь, я объясню их действие.

– Но мы и так знаем, когда наступает утро, день или вечер, – сказал Патрокл.

– Естественно, – согласился Макс, – но день длинный, и человечество для удобства общения придумало разбить время суток на части. Каждая часть названа часом. Всего их в сутках двадцать четыре. Очень удобно. К примеру, вы назначили встречу между полуднем и вечером – это большой отрезок времени. И чтобы не разминуться, люди назначают час, в котором они хотят встретиться. В нашем веке всё устроено по-другому, и без часов просто не обойтись.

– Хорошо, – снова вступил в разговор Ахилл, – вчера вечером, когда вы приехали, твоё лицо...

– А что с моим лицом?

– На нём пробивались усы и борода, но не как у юноши, а намного гуще. А с утра оно чистое, как у меня, – удивлялся молодой воин.

– У нас все мужчины, кто пожелает, сбривают усы и бороду. Для бритья есть специальный станок.

– Странный обычай. С бородой воин выглядит мужественнее.

– Ты вот – без бороды и усов, а воин – хоть куда, – улыбнулся Макс. – Не в них оказывается дело.

– А ещё...

Но Пелей, видя нескончаемый поток вопросов, перебил сына:

– Энни, ты говорила о медальоне, что тебе достался в наследство от отца. Можно его посмотреть?

– Конечно, пойдёмте во дворец. Он в нашей комнате.

Пелей некоторое время сосредоточенно рассматривал медальон.

– Да, очень древняя вещь, даже для нашего века, – согласился он. – На нём изображен Минотавр и какие-то непонятные рисунки. Я думаю, надо обратиться к Хирону, он должен знать.

– Верно, отец! – воскликнул Ахилл. – Ведь он дольше всех живёт в этом мире. Он мне рассказывал о Минотавре, когда я был ещё ребёнком.

– Хирон? – удивилась Аня. – Так он существует? И кентавры не миф?

– Нет, не миф, – ответил Пелей, – кентавры – очень древний народ. Раньше они жили на острове Крит. Их и тогда было не очень много, но во время сильнейшего землетрясения все, кроме Хирона, погибли. Хирон очень мудр и о многом знает. Кентавры были умнейшим народом на земле. Да, в общем-то, он сам вам всё расскажет, если захочет.

– А он далеко?

– Не очень. Если отплывём сейчас, то к полудню будем на месте.

9

Лодка плыла через залив на восток к обиталищу легендарного мифического кентавра. Время близилось к полуденной черте. С высоты нещадно палило зноем. Слабое волнение, от движения лодки, поколебало зеркальную поверхность воды, и сверкающие блики закачались, отражаясь в волнах.

– Макс, – зашептала Аня, беря за локоть друга, – для меня всё это – как сон. Ты только представь, что скоро мы увидим настоящего живого кентавра. Просто фантастика! Историки его относят к мифическим персонажам, неужели он не вымысел?

– Я также поражён, Энни, – и обняв её за плечи, прижал к себе. Девушка взволнованно огляделась, не наблюдает ли кто за ними?

Днище прошуршало о песок, и нос лодки вынесло на сушу. Несколько воинов прыгнули в воду через борт, и сильные руки легко вытащили лодку на берег.

Метрах в ста от воды начинались заросли миндаля, кустов орешника, мирта и лавра. Ароматные виды флоры в изобилии произрастали на холмах, что громоздились по всему побережью. Не напрасно же, на протяжении всех времён, исследователи называли эту местность – холмистая Фтия.

Гребцы, выбравшись на берег, расположились в роще, укрывшись от полуденных палящих лучей. А наши друзья по едва заметной тропинке углубились в густые заросли. Тропа пролежала в густой высокой траве, и несведущий человек мог её просто не заметить. Путники шли осторожно, след в след. Но вот Ахилл свернул с тропы и раздвинул густые ветви орешника. Друзья шагнули и замерли. Их взглядам открылся высокий и широкий грот прямо внутри холма.

– Хирон! – громко крикнул Ахилл.

Все замерли в ожидании. Но вот из глубины пещеры донёсся приглушенный топот не одной пары ног. Неужели? Аня и Макс затаили дыхание.

Плети лиан, плюща или какого-то другого вьющегося растения, что как шторы свисали над входом в грот, шелохнулись, и появилось

фантастическое существо, виденное нашими современниками только на картинах или в мультфильмах. Аня с Максом застыли, приоткрыв рты... На самом настоящем лошадином туловище выше передних ног лошадиная грудь плавно переходила в человеческий торс. Торс хорошо развитого мускулистого мужчины с крепкими сильными руками. На мощной шее возвышалась гордо посаженная голова. Он выглядел примерно на сорок пять – пятьдесят лет. Чёрные волосы и бороду слегка припорошило сединой. Из-под густых прямых бровей на людей смотрели тёмно-карие умные глаза.

– Хирон! – Ахилл крепко обнял склонившегося к нему, вставшего на одно колено кентавра.

– Давно ты меня не навещал, мальчик мой, – густым, бархатным баритоном произнёс Хирон, отстраняясь и с нежностью отца глядя на Ахилла. – Какие дела привели тебя ко мне?

– Мне нужна твоя помощь, Хирон. А точнее – мои друзья нуждаются в ней.

Кентавр пристально посмотрел на новых гостей и, закрыв глаза, некоторое время молчал, уйдя в себя. Снова посмотрел на них с некоторой озадаченностью.

– Я не вижу вас здесь. Странно, вас как бы не существует.

– Здесь нет ничего странного, Хирон, – начал Ахилл, но тот его остановил.

– Ничего не говори, подожди. Я сам попробую во всём разобраться. Располагайтесь здесь, а я пойду, посмотрю в вечность.

– В вечность? – удивилась Аня. – Как странно. Обычно все экстрасенсы смотрят в кристалл или магический шар.

– Я не экстрасенс и не маг, – посмотрев на Аню как строгий учитель, ответил кентавр и повернулся к Ахиллесу, – прими и угости друзей.

Путники расположились в тени на мягкой зелёной травке. Распаковали приготовленную корзину с едой, Ахилл принёс блюдо с фруктами, и все с аппетитом пообедали.

– Макс, – тихо обратилась Аня к другу, – а что, если Хирон не сможет нам помочь?

– Хирон мудрее любого из людей! – важно и с гордостью сказал Ахилл, услышав Анин вопрос. – Он обязательно поможет.

– Благодарю, мальчик мой. Мне приятно знать, что ты, как и в детстве, безгранично веришь в меня, – промолвил появившийся вновь Хирон.

Вновь неожиданно прозвучавший густой баритон, похожий на низкие ноты, издаваемые музыкантом на баяне или аккордеоне, просто поразил наших путешественников.

Кентавр подошёл и по лошадиному, подогнув колени, улёгся на траву рядом с гостями.

– Я слышал об этом, но в моей практике такое случается впервые. Вы сейчас не существуете, вас как бы нет. Нет вас и в прошлом. Ваше бытие отражается далеко в будущем. Настолько далеко, что я смог разглядеть только

две светящиеся точки. Подожду полнолуния, когда концентрируются энергии. Я могу полюбопытствовать? Кто вы и откуда?

– Вот поэтому Ахилл с Пелеем и посоветовали нам обратиться к тебе, – поднимаясь, сказала Аня, – ничего не надо перепроверять. Дело в том, что мы действительно родились и живём в далёком будущем. А точнее – спустя тридцать два столетия, если вести счёт с этого момента. Я знаю, что здесь ещё не существует письменности, но надеюсь, ты понимаешь, о чём я говорю?

– Да, я знаком со счётом и письменностью. На Крите всё это уже было до землетрясения. Я слушаю тебя.

И девушка вновь поведала свою историю с самого начала. Пока Аня вела рассказ, Хирон всё больше и больше хмурился.

– А где медальон?

– Вот он.

– Я так и думал, – сказал кентавр, рассматривая реликвию, – это очень древняя и магическая вещь. Она отяжелела душами, – задумчиво молвил он, – многими душами.

– Я не понимаю, – сказала Аня удивлённо, – как это – отяжелеть душами?

И Хирон рассказал слушателям историю о своём народе:

– Нас – кентавров, с давних пор называли детьми солнца. По древней легенде наш народ пришёл в эту землю со стороны Солнца. Люди тогда жили полудикими племенами и ничего не умели делать. Одевались в шкуры животных, пользовались каменными орудиями труда. Кентавры, а нас и тогда было немного, поселились на Крите, облюбовав этот удивительный остров. Мой народ научил людей ткать и шить одежду, плавить металл, изготавливать орудия труда. А ещё позже научили людей письменности, стали обучать разным наукам, доступным в те времена для человеческого понимания. Люди на Крите стали строить дома в два-три этажа. Вы, конечно же, слышали историю о Минотавре? А ведь ещё мой дед воспитывал и обучал Дедала. В своё время Дедал построил для Миноса в Кноссе величайший дворец-Лабиринт. Дворец имел пять этажей, и несколько из них уходило под землю. Во дворце действовал водопровод, вентиляция и канализация.

– Да, да! Извините, что перебиваю, Хирон, – вступила в разговор Аня. – Но в 1900 году нашей эры английский ученый Эванс нашел кносский дворец. И ваши слова подтверждают всё, что было обнаружено Эвансом. Правда, на раскопки ему потребовалось двадцать пять лет. Но извините меня, пожалуйста. Продолжайте.

И Хирон, согласно кивнув, продолжил:

– Так вот, при дворце у Миноса жил сильнейший, по тем временам, маг по имени Абдерос. В Лабиринте, в самом нижнем этаже под землёй, у него была тайная лаборатория. В ней он занимался алхимией и колдовством. Абдерос мечтал о бессмертии и абсолютной власти. Этот

золотой знак, что у вас, он создал при помощи алхимии и магии. Мой дед, обладая ясновидением, был прекрасным звездочётом, он мог проникать в чужие мысли, мог заглядывать в прошлое или будущее. Дед и передал мне свои знания. Он знал о делах Абдероса, но этой тайной я не владею. Мне не ведомо, каким образом мой дед всё разузнал, ведь маг создал сильную защиту. Я только знаю, что дед не владел магией и не мог противостоять Абдеросу в его злодеяниях. И он так же рассказывал мне, что Минотавр был несчастнейшим созданием, заточённым в Лабиринте. Он совершенно не был злым, как о том позже сложили легенды.

Представьте себе: каково это, годами слоняться во мраке по узким и пыльным проходам, ограничивающим свободу? И люди, слышавшие ужасные звуки, доносящиеся из глубин Лабиринта, что наводили ужас, когда Минотавр ревел от тоски и горя, страшно пугались. Такая ситуация была на руку магу. Он обманул Миноса, сказав, что если Минотавр однажды вырвется, он всех погубит. Якобы он требует в пищу себе молодых непорочных людей. Вот тогда-то Минос, чтобы не губить свой народ, потребовал дань от правителя Афин за то, что тот убил его сыновей, когда они победили афинян в спортивных состязаниях. Дань заключалась в следующем: каждые девять лет афиняне должны были присылать ему по семь юношей и семь девушек, которых отдавали на растерзание Минотавру.

А ведь истинное имя Минотавра – Астерий, что означает «звёздный». На самом же деле маг Абдерос, желая получить бессмертие, изготовленный знак, или как вы его называете медальон, омывал кровью юношей и девушек, которых сам же и убивал. Чтобы знак наполнился магической силой, дающей бессмертие и власть, он должен был, принося жертву злым силам, которым служил, убить определённое количество человек. Затем оставалось в конкретный период произнести заклинание.

Вы, видимо знаете по легенде, что Тесей убил несчастного Минотавра, встретив его в Лабиринте. Минотавр обрадовался, увидев человека, и бросился к нему, как соскучившийся пес. Тесей не знал об этом и убил его, думая, что спасается сам и спасает других. Но, к сожалению, других он не спас, так как их заманил и убил маг.

Знак, что перед вами, ещё не имеет силы бессмертия. Абдеросу не хватило крови одного человека, потому что Тесей выбрался из Лабиринта при помощи клубка нитей, что дала ему дочь Миноса – Ариадна. Впрочем, для достижения своей мечты, маг с легкостью нашёл бы недостающую жертву. Он не стал бы ждать новую дань с Афин, обошелся бы кем-то из Кносса. Но в ту ночь случилось сильнейшее землетрясение, уничтожившее Критскую цивилизацию. Никто более не мог читать надписи на забытом языке.

– А ты?

– Я постарался забыть его, чтобы никто не смог прочесть заклинание, если оно когда-нибудь будет найдено и попадет в руки людей. Люди должны жить столько, сколько им отмерено.

Хирон задумчиво помолчал и произнёс:

– Я не знаю, кто тот маг, что забросил вас сюда, но я отыщу его в прошлом или будущем. Мне необходимо иметь от вас по небольшой пряди волос, – обратился он к Ане и Макс, – чтобы у меня была с вами связь, где бы вы ни находились.

Друзья с готовностью позволили срезать у себя по небольшой прядке, и Аня спросила:

– Хирон, а я могу остаться с вами здесь на несколько дней и посмотреть, как вы работаете?

– Буду рад, – развёл он руками.

– Но, Энни, а где ты будешь спать? – разволновался Макс.

– А ты привези мой спальный мешок и одежду, более удобную для работы.

– Как хочешь, – обиженно сказал Макс, но это заметила только Аня.

Мужчины поднялись, собираясь отправиться в обратный путь.

– Макс, у меня в рюкзаке, – начала Аня.

– Эн. Я всё привезу, не волнуйся.

И Макс, поцеловав подругу в щёку, пошёл за воинами.

– Можно мне посмотреть ваше жильё? – спросила девушка, когда они с Хироном остались одни.

– Прошу...

Они вошли в довольно просторную пещеру, ступив на плотно утоптанной земляной пол. Пучки сухих трав и цветов, развешенных на стенах, источали тонкий аромат. В ответвлениях, ведущих к другим помещениям, к стенам скалы также предусмотрительно были прикреплены факелы. У одной из стен стоял невысокий, но широкий деревянный стол. На столе возвышались глиняные блюда с фруктами. Хирон поджёт один из факелов и осветил следующую пещеру. В дальнем углу располагалось большое ложе из высушенного сена, которое также издавало приятный аромат сухих цветов и трав. В изголовье лежало свёрнутое одеяло из простого сукна. Пол возле ложа устлала шкура животных. Напротив ложа, у другой стены, был сложен из простых камней очаг, очень похожий на современный камин.

– Хирон, это же камин! – удивилась девушка.

– Да, он согревает меня в холодное время года.

– А где ты готовишь еду? Где у тебя посуда?

– Для кухонной утвари есть отдельное помещение. Есть и подземелье, где я храню некоторые продукты.

– А кто тебе доставляет продукты? Фрукты и овощи растут вокруг твоего жилья – я сама видела.

– Пелей с Ахиллом заботятся обо мне. В своё время мне пришлось воспитывать Ахилла. Но фруктовые деревья я посадил здесь сам много лет назад. Когда я нашёл этот грот и понял, что поселюсь здесь, я и позаботился о фруктовых саженцах.

– А почему ты не живёшь во дворце с Пелеем?

– Как ты могла заметить, я выгляжу несколько иначе, чем люди. То, что удобно для ног и роста обычного человека, мне не всегда подходит, – Хирон вздохнул. – Я астроном, и мне нравится жить в уединении. По ночам, когда все спят, я бодрствую.

– Твоё ложе расположено на полу. А стены каменные. Ты не мёрзнешь в холодное время года?

Кентавр улыбнулся:

– Для меня это ложе удобнее обычной вашей кровати. А Ахилл, когда воспитывался у меня, так же спал на подобном ложе.

– Скажи, Хирон, а кто была мама Ахилла? Ну, не богиня же морей Фетида – дочь морского царя Нерея, как о том гласят легенды, дошедшие до наших дней. Люди нашего времени очень образованы и не верят в олимпийских богов, считая, что это просто вымысел, легенды. Хирон, мне важно знать обо всём, что происходит в вашем веке. Для истории.

– Хранить секрет меня просил Пелей, но для человека из далёкого будущего, пожалуй, скажу. Ведь ты не собираешься предать тайну огласке сейчас же?

– Что ты! Она уйдет со мной в будущее, если мне суждено будет вернуться обратно. Но потомки должны знать правду.

– Хорошо, – кивнул кентавр, – многое вымысел, но здесь кроется не моя тайна. Матерью Ахилла была Антигона – дочь героя Эвритиона. Так уж случилось, по воле богов, что Пелей однажды на охоте убил своего друга Эвритиона. Это случилось не намеренно, и ему пришлось некоторое время скрываться, родственники Эвритиона были разгневаны. Но юные Пелей и Антигона любили друг друга и тайно встречались. Антигона забеременела и обо всём поведала матери. Пелей покаялся, что на охоте всё вышло случайно. Родственники всё ещё были в гневе, но Антигона вскоре родила прекрасного мальчика и умерла при родах. Фтии нужен был наследник, но старейшины города знали, что Пелей был изгнан, поэтому не признавали маленького Ахилла. Вот родные Антигоны и выдумали легенду о Пелее и Фетиде – проверить-то никто не мог. А если Ахилл – сын богини, то это считалось покровительством богов. И старейшины молчали, но несколько раз тайно они подсылали убийц к малышу, чтобы в дальнейшем выбрать правителя из своей среды.

Поэтому Ахилла отдали мне на воспитание. А сейчас, когда он стал сильнейшим воином Эллады, никто уж не посягнёт на его жизнь.

– Но в легенде говорится о том, что Фетида закаляла мальчика, опуская его то в огонь, то в реку Стикс.

– Поначалу мальчика растила кормилица, которая была замечена в колдовстве. Она-то и пыталась несколько раз убить Ахилла. Однажды ночью Пелей проснулся и увидел, что она хочет положить маленького Ахилла в огонь. Пелей выхватил у неё ребёнка, а саму колдунью прогнал из дворца. Чтобы спасти ребёнка, он отдал его мне на воспитание. Я как-то составил гороскоп мальчику, и звёзды открыли мне, что он будет

величайшим из Героев Эллады, но умрёт в расцвете лет. Многого сбывается. Он уже прославился своими подвигами.

– Это так. И в наше время, спустя три тысячелетия с лишним, люди всей земли, а не только Эллады, знают об Ахилле. Знают и о тебе, Хирон. Только человечество предполагает, что ты вымышленный персонаж. Ведь кентавров на земле больше нет.

– Да, – грустно произнёс он, – я последний из нашего рода.

– Хирон, а что случилось с твоим народом?

– Все кентавры погибли на Крите в то страшное землетрясение. Огромная волна смыла всё живое с острова. Из жителей Крита мало кто остался в живых. Из моего народа уцелел лишь я и дед мой. Я тогда был молод и многому учился. Мы с дедом в ту ночь наблюдали за звёздами, поднявшись на самую высокую гору острова, что почти не пострадала и осталась недосягаемой для грозной волны. Дед от горя и ран вскоре тоже скончался, а я, будучи молодым и сильным, через некоторое время поправился и перебрался сюда.

– А сколько тебе лет?

– По земному летоисчислению мне чуть больше четырех тысяч.

– Удивительно! Для земного жителя ты очень молодо выглядишь.

– Мой народ – дети солнца! – гордо повторил кентавр. – Наш жизненный век составляет около пяти тысяч лет.

– А Ахилл? По легендам мы знаем, что он горд, неукротим, тщеславен и даже жесток в бою. А я его вижу, как очень доброго, нежного и благородного юношу.

– Так то дома, – развёл руками Хирон. – А в бою он и должен быть гордым, сильным и беспощадным с врагом, иначе сам погибнет.

– А это, правда, что он неуязвим, и его тело закалялось особым образом?

И Аня рассказала, что знала по легенде об ахиллесовой пяте. Хирон улыбнулся.

– Его неуязвимость – это сила, ловкость, быстрота и умение владеть оружием. Я сам учил его воинским искусствам с детских лет. Он действительно обладает необычайной силой. Его щит и копье почти никто не может поднять, не то чтобы ими сражаться.

– В легендах и об этом говорится. А ты знаешь, Хирон, что на земле примерно через восемьсот – восемьсот пятьдесят лет в Македонии родится человек, который силой покорит и завоюет большую половину известных в его время земель? Его имя – Александр Македонский. Он, так же, как и Ахилл, один из самых знаменитых людей земли. И говорят, он является потомком Ахилла по материнской линии. Это те данные, какими располагают наши историки, но проверить их никто не может.

– Энни, ты рассказывала про вашего ученого и упомянула что-то о вашей эре. Я правильно назвал? Что это слово значит?

– Если исходить с данного момента, то через тысячу двести лет на земле родится Спаситель. Родится он на иудейской земле. Произведёт его

на свет Дева по имени Мария, и назовётся он – Сын Божий. С момента Его рождения начнётся новое летоисчисление, и назовётся оно – наша эра. А всё, что было до Рождества Спасителя, об этом времени будут говорить: «До нашей эры».

– Его так и будут называть Спаситель? Без имени?

– Имя Его – Иисус Христос. Он будет учить людей законам Божиим.

– Да, конечно, ведь богов много, и у них разные законы. Только Зевс держит всё в своих руках. Это его сын?

– Нет. Христос-Сын – второе лицо Святой Троицы. А Святая Троица – это Отец-Вседержитель, Христос-Сын и Святой Дух – одно целое.

– Так Зевс же и есть вседержитель.

– Ваша религия утверждает, что Зевс живёт на горе Олимп и повелевает молниями и громом. А Бог-Вседержитель сотворил весь мир, вместе со звёздами, землёй и жизнью на земле, со всеми громами и молниями. Он придёт на землю, чтобы дать законы людям, по которым они должны жить. Он будет творить чудеса: исцелять больных и оживлять мёртвых. Многие примут Его и пойдут за Ним. Но ещё больше людей возненавидят Его за чистоту и праведность. Ведь очень трудно жить по тем законам, которые он даст. Люди побьют и умертвят Христа, распяв на кресте. На третий день Иисус Христос воскреснет, и будет являться только своим ученикам, и учить их. А затем вознесётся на небо.

– Подожди, – остановил её Хирон, – так он сын или отец?

– Отец, Сын и Святой Дух – единое целое, – пыталась объяснить Аня, – но на земле Его воплощение называют Сыном, потому что Он родится от земной Матери. Возьмём, к примеру, солнце – от него свет и тепло – три составляющие, но это одно целое. Так и здесь.

– А что потом?

– Его ученики пойдут по всей земле, в разные страны учить другие народы Слову Его. Кстати, Иисуса Христа в писании называют Словом, воплощённым на земле.

– Почему?

– Потому что он принёс Слово Божье на землю для всего человечества. Греки, между прочим, одними из первых примут крещение и веру Христа.

– А почему Спаситель?

– Потому что через Его страдания на кресте человеку дана была возможность очищаться от грехов. Верящие в него и исполняющие слово его, спасутся, когда наступит день Страшного Суда и Конец Света.

– А разве Конец Света наступит?

– Так написано в Священной книге – Библии, что объединяет Старый завет до Рождества и Новый завет, что дал сам Бог, воплотившийся на земле. Ведь ничто не бывает вечным в этом бренном мире.

– У тебя на груди маленький крестик, а на нём человек...

– Да, это Иисус Христос. Все, кто верят в Него, носят такое распятие. А также все, кто принял Святое Крещение – Христиане.

– Почему?

– Христос подарил нам свой крест для защиты от злых сил.

– А что же боги Олимпа?

– Они также созданы Вседержителем. Они прежде были Ангелами Света, но восстали против Создателя, и Он низверг их. И если бы Он не дал им власти на земле, они ничем бы не управляли. Я не хочу обидеть тебя в твоей вере, но последователи Христа говорят, что олимпийские боги – суть злые силы, принимающие образ богов и обманывающие людей. Со временем христианская вера вытеснит ложных богов. Они имеют власть на земле до второго пришествия Спасителя. А человек имеет свободу выбора – за кем идти.

– Но как это можно доказать?

– Один из основных законов Бога – не убей. А боги Олимпа, мало того, что враждуют и сражаются между собой, так ещё сталкивают в боях людей и убивают их. Они так развлекаются, ненавидя человечество в целом. Так могут поступать только низшие озлобленные существа – демоны. А Бог – есть Любовь.

– Очень любопытно и интересно всё, что ты мне поведала. Я также никому и никогда не должен открывать сию тайну?

– Это не тайна. Задолго до рождения Христа о Нём говорили пророки.

– А знаешь, Аня, – вдруг назвал её имя правильно Хирон, – боги Олимпа – не мои боги. Я, как и мой дед, следую только науке.

– А как ты узнал правильное произношение моего настоящего имени?

– Я заглянул в тебя и увидел твою маму.

Они ещё долго вели беседу, пока не появились Макс и Ахилл. Девушка радостно побежала навстречу другу, но, смутившись смотрящего на неё Ахилла, остановилась.

– Как вы здесь? – спросил её друг.

– Отлично.

– Да. Мы с Энни провели интересную, увлекательную беседу. Надеюсь, у нас найдётся ещё много тем, которые мы обсудим, – ответил Хирон.

– Эн, я привез все наши вещи, мы с Ахиллом решили остаться так же здесь.

– Ура! Здорово, Макс! – захопала Аня в ладоши, рассмешив тем мужчин.

Расположившись на лужайке, друзья решили приготовить ужин. Собрали хворост для костра, чтобы зажарить дичь, которую Ахилл подстрелил из лука, направляясь сюда.

– Дай-ка мне кремень, – попросил Хирон Ахилла, собираясь разжечь костёр.

– Не надо, – сказала Аня, – вот зажигалка.

Макс поднес её к сухому сену, положенному в костёр для растопки, и чиркнул колесиком. Появившийся язычок пламени привёл в изумление Ахилла.

– Чудо! Вы, случайно, не дети Зевса? – спросил он удивлённо.

– Нет, мы не его дети, – улыбнулся Макс. – Ты так же можешь совершить это чудо, если сделаешь вот так...

Ахилл осторожно взял зажигалку из рук Макса и чиркнул колесиком, чуть не отбросив зажигалку в сторону, когда появилось пламя. Пока костёр разгорался, Ахилл с Хироном поочередно извлекали пламя из маленькой диковинной вещи, пока не удовлетворили своё любопытство. Макс объяснил принцип работы зажигалки.

– Так значит, в ней находится такой же кремень, как и наш?

– Вот именно. Только очень маленький. Со временем кремень сотрётся и газ закончится, а зажигалка перестанет функционировать.

– Фунс... что делать?

– Функционировать. Имеется в виду – работать, гореть.

– Зачем же затрачивали столько труда, если она будет не нужна?

– Зажигалки у нас продаются на каждом шагу и очень дешёвые, – попытался объяснить Макс, – они разовые. Поэтому, когда одна зажигалка выходит из строя, её выбрасывают и берут другую.

– Как можно обижать мастера, пренебрегая таким чудесным изделием?

– Мастер сам так придумал. Зажигалки бывают и дорогие, длительного использования, но это мелочь. В нашем веке много других более важных вещей.

– Расскажи, – попросил Хирон.

Макс достал из своей сумки мобильный телефон и включил. Заиграла мелодичная музыка и появилась стартовая анимация.

– Какой удивительный музыкальный инструмент! – воскликнул Ахилл. – И какая дивная мелодия!

– Это не музыкальный инструмент, а телефон. С помощью таких аппаратов люди могут общаться друг с другом, где бы они ни находились. К примеру, если бы у твоего отца, Ахилл, была такая трубка, мы могли бы с ним поговорить сейчас.

– А почему ты не можешь поговорить с кем-то из своих? У них же там есть такие трубки?

– Мне бы очень хотелось, но связь между временами невозможна.

– А как происходит, что люди могут слышать друг друга в такую маленькую коробочку?

Неожиданно ответил Хирон:

– Когда ты бросал в воду камень, то замечал, как по воде расходятся волны? Или когда рапсод ударяет по струнам кифары, ты видел, как они дрожат? Что-то похожее происходит и с воздухом, когда мы говорим. По всей видимости, – Хирон взглянул на Макса, – люди научились при помощи таких коробочек улавливать голоса.

На этот раз Макс и Аня открыли рты от удивления.

– Откуда ты знаешь об этом? – спросил Макс.

– Я же вам рассказывал, что мои предки – дети солнца, и многие науки известны нам. А мой дед посвятил меня в те науки, что знал сам.

– Получается, вы дети какой-то исчезнувшей цивилизации?

Кентавр печально улынулся и продолжил:

– Я не хотел говорить, но раз человечество достигло невероятных высот в знаниях, открою и сей секрет моего народа.

Наш народ был рождён и обитал, мирно соседствуя с людьми, на другом чудесном континенте, что находился в океане к северо-западу отсюда. Наша высокая цивилизация достигла пика своего развития. Несколько тысяч лет тому назад люди, которых мы всему обучили, стали злоупотреблять магией и знаниями во вред природе. Мои предки предупреждали людей, что континент может погибнуть. Но люди не хотели нас слышать. Часть моего народа оставила тот континент и переселилась на Крит с некоторыми благоразумными людьми, которые потом стали прародителями египтян и фараонов.

– Предки египтян? – воскликнула Аня. – Атланты? Так вот почему в Египте установилось поклонение солнцу и животным? Твой народ – дети солнца? И вы сами... – Аня на мгновение замялась, обдумывая фразу, чтобы не обидеть кентавра, – являетесь собой единение человека и животного. Выходит, данным континентом была Атлантида?

– Вы и об этом знаете? – удивился Хирон.

– Да, но совсем немного. Знания почти полностью утрачены. Люди ищут ответы на многие вопросы, связанные с Атлантидой. Например, где находился континент и по каким причинам затонул?

– Я тогда ещё не был рождён. А многие знания ушли с моим народом, погибшим на Крите. Я лишь хочу попросить вас передать всему человечеству в своем времени: будьте осторожны в знаниях! И берегите Землю – она очень уязвима и хрупка.

10

Огненный шар медленно катился к горизонту, окрашивая редкие перистые облака в пурпурные цвета, когда друзья решили искупаться в море. Аня отделилась от мужчин, зайдя за скалу, что довольно далеко выступала в воду, почти разделив маленькую бухточку пополам. Искупавшись, она надела трико и футболку. А на ноги кроссовки, чтобы удобнее было передвигаться по каменистому берегу. Она встала лицом к заходящему солнцу и расчесывала ещё влажные волосы.

Солнце нависло над скалами огромным алым диском. И вдруг на его фоне, на скале, Аня увидела фигуру старика в длинном развевающемся балахоне.

– Макс! – крикнула она. – Смотри на солнце!

Молодые мужчины уже вышли из воды и одевались, когда услышали крик. Они одновременно повернулись и замерли, увидев старика, который вдруг заколебался, как вода, тронутая рябью от дуновения ветерка, затем изображение замерцало, пошло более сильными волнами и исчезло.

– Похоже на голограмму, – сказал Макс.

– На что похоже? – очнулся Ахилл.

– На голограмму – искусственно созданное изображение.

- Да это просто магия.
- Возможно и так.
- Макс, ты видел?! – подбегая к ним, восторженно воскликнула Аня.
- Видел, – нахмурился он. – Вот что, Эн, у меня такое впечатление, что ты не должна никуда отлучаться одна. Здесь что-то не чисто.
- Почему?
- Потому что он действительно уже давно мог встретиться с нами открыто и всё объяснить. И эти странные изображения? Для чего?
- Верно, что-то здесь не так, – поддержал его Ахилл.
- Но вы же не думаете, что его изображение может навредить мне? – испуганно оглянувшись, промолвила девушка.
- Беседуя, они вернулись в лагерь. Хирон помолчал, выслушав их, и сказал:
- Таким образом, маг может наблюдать за тем, кто его интересуется. Для этого у него должна быть какая-то вещь, принадлежащая человеку. Ты ему что-то давала? – спросил он у Ани.
- Нет, он дал мне чётки, но потом они исчезли. Хотя, подождите... я вспомнила! Он упал, поранив руку, и я перевязала её своим носовым платком.
- Так и есть. Он следит за тобой. Сколько раз он являлся таким образом?
- Дважды.
- А с тобой рядом всегда кто-то был?
- Да, в прошлый раз Эллис, а сейчас Макс и Ахилл.
- Вот в этом всё и дело. Посторонние люди мешают ему. Он хочет застать тебя в одиночестве.
- Он намерен похитить её? – спросил Макс, обнимая Аню, как бы пытаясь защитить от невидимой опасности.
- Возможно, так и есть, – ответил Хирон.
- Но для чего ему я? Он мог перебросить сюда Энни одну, – недоумевал Макс.
- А вдруг ему нужен медальон? – осенило девушку.
- Может, и он. Даже – наверняка, – сказал Хирон.
- Но он может украсть его у нас, – предположила Аня, – тогда я буду носить медальон при себе. Ведь без него мы, возможно, не сможем вернуться обратно.
- Но для тебя это опасно, – возразил Макс, – дай его лучше мне.
- Макс, я никогда не бываю одна, так что мне ничто не угрожает.

***

Бархатным чёрным покрывалом окутала волшебница-ночь землю. Огромным куполом выгнулось тёмное небо. И засияла, засверкала по нему россыпь самоцветов. Серебристый месяц завис над уснувшим заливом, любуясь на своё отражение в зеркальной глади воды. Даже дуновение ветерка, боясь потревожить поверхность океана, замерло в ветвях сонных деревьев. И только сверчки, настроив маленькие скрипочки, затянули свою, веками не меняющуюся симфонию, заполнив ночь умиротворением и покоем.

– Боже! Красотища, какая! Я никогда не видела небо так низко. Кажется, протяни руку – и дотронешься до звёзд, – восхищалась Аня, поднявшись с Хироном и Максом на вершину холма.

– А спустя тридцать два столетия небо изменилось? – спросил Хирон.

– Нет, но наши города очень освещены. Поздним вечером светло, почти как днём от искусственного освещения. А когда множество электрических фонарей сияют, как маленькие солнышки, ночное небо кажется тусклым. А здесь!

– Говоришь, яркие, как маленькие солнышки? Дед мне рассказывал о таких светильниках.

Между тем, за разговором Хирон осматривал звёздное небо. Потом он, показывая на созвездия, рассказывал легенды, которые Аня с Максом знали, но может, несколько изменёнными, что вполне объяснялось со ссылкой на время.

В эту ночь мужчины устроили себе ночлег из сухих трав прямо под открытым небом. Аня расположилась в спальнике недалеко от Макса.

Прошла неделя, потянулась другая. Лагерь часто навещали Мирон с Патроклом и, по возможности, оставались на несколько дней. Эллис, в качестве служанки, с первого дня была доставлена к гроту, чтобы Аня ни на минуту не оставалась одна. За что Аня была очень благодарна Пелею. Ведь, находясь ежедневно среди мужчин, ей просто необходима была подруга.

Мужчины по утрам упражнялись в спорте и воинских искусствах. Макс обучался битве на мечах, а Ахилл, Патрокл и Мирон – приёмам восточных единоборств. Ахилл был в восторге, что неопытный в боях Макс мог легко победить его без оружия. Они крепко подружились за это время.

Аня же с удовольствием помогала Эллис в приготовлении еды. Юная гречанка поначалу возмущалась, но потом смирилась. Аня ей объяснила, что в будущем рабство отменено, и все люди могут позаботиться о себе сами.

– Даже цари?

– И они тоже. Но у царей и правителей полно слуг, которым они платят деньги за работу.

– А рабы куда подевались?

– У нас рабство отменено законом. Если кто нарушит закон, его наказывают, лишая свободы.

Аня призадумалась, вспоминая, сколько всё же насилия происходит и в нашем времени.

– В нашем веке тоже бывают случаи насилия, – сказала она, – но их совершают преступники. Во все века ведь рождаются злодеи. Но рабство отменено.

– Вот бы дожить до такого времени, – мечтательно сказала Эллис, и на её глаза навернулись слезы. Аня обняла девушку, сожалела, что не в силах ей помочь.

К вечеру Эллис собралась готовить ужин, и Аня решила кое-чему научить её. Она разрубила мясо дичи на куски и обжарила их в котле над

огнём. Добавила в котел всевозможных овощей и потушила с мясом. Получилось своеобразное жаркое. От котла шёл такой дивный аромат, что мужчины по одному невольно стали подтягиваться к очагу.

– Что за аромат?

– Чем так вкусно пахнет? – спрашивал каждый из них, подходя к девушкам.

– Мы готовим жаркое, – пояснила Аня, – такое блюдо готовят у нас дома.

– Наконец-то мы поедем настоящей еды, – шепнул Макс на ушко Ане, – мне уже надоело питаться сухомятку.

За ужином Хирон сообщил:

– Я пытался проследить путь родословной критского мага. Ниточка тянется от его сына к другим потомкам и обрывается примерно через семьсот лет. Один из потомков Абдероса того времени переместился в наш век. Что-то ему здесь надо. Вы не догадываетесь, кто бы это мог быть? – хитро улыбнулся кентавр. – Возможно, это и есть ваш старик с чётками.

Воины-греки уже давно перестали реагировать на непонятные слова, которыми пользовались в лексиконе Хирон и наши современники. Кентавр и раньше был для них более мудрым и умным, чем кто-либо из людей.

Однажды рано поутру Макса разбудил знакомый запах. Аромат кофе приятно щекотал ноздри. Молодой человек, не открывая глаз, сел на ложе из трав.

– Господи, – простонал он, – я не хочу просыпаться. Какой чудный божественный аромат.

– Это не сон, – засмеялась Аня, – открой глаза и возьми чашку.

– Элли, но откуда? – и сделав глоток, он снова блаженно закрыл глаза.

– Я вчера перебирала свои вещи и нашла его в рюкзаке.

– Как можно найти то, чего сам не клал?

– Это все мама. Она завернула в полиэтиленовый пакет банку растворимого кофе и пачку чая в пакетиках. А затем весь свёрток спрятала в моих вещах, которые я собиралась надеть, если только представится подходящий случай.

– Какой ещё случай? – лукаво спросил Макс, приподняв брови. – И какие вещи?

– Мало ли? – смутившись, отвернулась девушка. – Вечернее платье и туфли. Макс! Ну не смотри на меня так! Я же летела в другую страну. Не могла же я всё лето пробегать в джинсах и кроссовках. Мало ли что могло случиться? Вдруг какая-нибудь деловая встреча или ещё что. А кофе и чай я не хотела брать с собой. Такого добра и в Греции полно. Вот мама и «позаботилась», пока я не видела.

Макс сделал ещё глоток.

– М... м... м... я обожаю твою маму.

Аня посмотрела на Макса и, поняв, что он потешается, просто подшучивает над ней, прыснула со смеху. Тогда Макс вскочил и, схватив девушку в охапку, закружил. Аня только взвизгнула от удовольствия.

От шума проснулись все обитатели жилища Хирона.

– Что случилось!? – спросил Мирон. – Мы проспали?
Макс, смеясь, прекратил кружить и отпустил подругу.
– Энни, давай угостим всех кофе?
– Я уже подумала об этом и всё приготовила.

***

– Я раньше никогда и подумать не мог, что подобная мелочь, как кофе или чай из пакетиков, может так осчастливить, – говорил Макс чуть позже, сидя с Аней на берегу залива. – Дома я пил только свежемолотый натуральный кофе и чай дорогих отборных сортов.

– Потому, что ты скучаешь по нашему времени. А такие мелочи, хоть и незначительные, они всё же напоминают о доме. Одним словом – ностальгия, – ответила Аня, прислонившись к его плечу.

Дни летели, похожие один на другой. Но однажды прибыл со свитой Пелей и долго о чём-то говорил с Ахиллом. Выглядел он крайне встревоженным. Ахиллу явно не нравилась весть, что принёс отец. И он, хмурясь, нервно метался из стороны в сторону, как бы ища выход из создавшегося положения. Подозвал к себе Патрокла с Мироном, посоветовался с ними. И, наконец, подошел к Максиму.

– Я вынужден оставить тебя и Энни, – обречённо сказал Ахилл. – Мне не хочется делать этого, зная, что моя помощь вам просто необходима и может понадобиться в любую минуту. Вы стали мне очень дороги, как друзья. Но отец привёз весть об опасности, что грозит ему и нашему дому. Я не боюсь, но отец просит меня на время оставить Фтию. Я должен отплыть немедленно на остров Скирос во дворец к Ликомеду – другу отца. Мой сыновний долг не велит послушаться его.

– Ахилл, – перебил его Макс, помня из легенд, что Ахиллу необходимо скрыться на острове. А сам он, человек из другого времени, не смеет хоть в чём-то нарушить ход истории, иначе она может непоправимо измениться, – ты должен делать то, что должен, а о нас не беспокойся. Ты был отличным учителем и многому научил меня. Не беспокойся – с одним стариком я как-нибудь справлюсь. К тому же со мной Хирон.

– Но если вдруг понадобится моя помощь, ты знаешь, где найти меня, – он подозвал своих друзей и, стоя в тесном кругу, сказал, обращаясь ко всем трем, – Патрокл и Мирон остаются здесь, с вами. Для всех других место моего пребывания – тайна.

Друзья крепко обнялись, и Ахилл подошёл к Ане.

– Я безмерно благодарна случаю, что познакомил нас, – первая начала разговор Аня, – надеюсь, мы ещё встретимся, – и, встав на цыпочки, девушка поцеловала воина в щеку.

Лицо Ахилла покрыла краска смущения, и он взглянул на Макса, как бы извиняясь. Макс подмигнул ему и улыбнулся:

– Не робей, воин, ведь это дружеский поцелуй. У нас так, при желании, можно выразить чувство крепкой дружбы по отношению юноши к девушке и наоборот.

Ахиллес улыбнулся и также поцеловал Аню в щёку. Затем попрощался с воинами и Хироном, обняв всех по очереди. У Хирона выступили слёзы, когда юный воин уходил с отцом и свитой.

– Он больше не вернётся? – тихо спросила Аня.

– Я больше не увижу его, – печально ответил кентавр.

– Значит, предстоит война с Троей, – так же тихо предположила девушка, горько сожалея, что не может поведать друзьям о будущем, чтобы не вмешиваться в ход истории, но её никто не услышал.

11

В небольшом посёлке, что образовался у грота, в месте обитания Хирона, жизнь текла своим чередом. Мужчины занимались своим делом, а девушки готовили еду, собирали цветы и украшали пещеру кентавра. Тот только посмеивался в усы и бороду. По ночам Аня с Максом поднимались на сопку вместе с Хироном и, наблюдая за звёздами, вели беседы. Они рассказывали кентавру о строении вселенной и солнечной системы. О том, что люди летают в космос и запускают спутники. О Млечном пути и обо всём, что они знали о вселенной. Хирон был очень удивлён, как далеко люди продвинулись в науке.

– Я уж думал, что мои знания уйдут со мной. Да и не хочу я ускорять развитие человечества. На примере Атлантиды я понял, что нельзя неподготовленных людей посвящать в глубокие знания. И оказывается я прав. Вы – тому доказательство. Человечество само дойдёт до всего постепенно.

***

Напевая незамысловатую мелодию, Аня брела между садовыми деревьями, решив к обеду набрать свежих фруктов.

Лёгкий ветерок играл в кронах деревьев, нежно перебирая и шевеля листочки. Птички комично вертели головками, наблюдая за девушкой то одним, то другим глазом. Мохнатая пестрая гусеница не спеша поднималась вверх по липкой паутине. Но вдруг чёрной тенью промелькнул скворец, и паутинка одиноко взлетела, лишившись груза.

Под ногами потрескивали сухие веточки, садовая роща звенела пением птиц, где-то у скал шумело море, а высоко в небе чёрной точкой завис ястреб, выслеживая добычу.

Казалось, всё мирно, тихо и спокойно.

Поэтому Аня не расслышала или просто не обратила внимания на крадущиеся шаги.

Неожиданно тёмная пелена упала на глаза, и чья-то сильная рука зажала ей рот. Через мгновение в рот вбили кляп, крепко спеленали её по рукам и ногам – ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни закричать. Кто-то чужой легко поднял её и, перекинув через плечо, как мешок, побежал. Бег болью отдавался во всём её теле. От непривычного положения к голове прилила кровь, и звон в ушах приглушал слышимость.

Но вот запахло морской водой, и человек, нёсший Аню, ступил на шаткий мостик. Он быстро взобрался наверх, и, пройдя ещё немного, остановился.

Пленницу опустили на что-то мягкое. Освободили от пут и вытащили кляп, от которого она уже просто задышалась и была на грани потери сознания.

***

А тем временем воины после утренней разминки, не спеша, подходили к обиталищу Хирона.

– Как вкусно пахнет, – потянул Макс носом в предвкушении обеда. – Эллис, а где Энни?

– Она пошла набрать свежих фруктов к обеду, – но вдруг Эллис тревожно замерла, промолвив: – Но она должна была уже вернуться. О, боги! Аня сказала, что не пойдёт далеко.

В отличие от мужчин, Эллис называла девушку по-русски – Аня.

Радостное и светлое лицо Макса вдруг словно потемнело. Тревога закралась в сердце и разрослась, заполнив собой всё его существо. Брови, нахмурившись, сошлись к переносице, а складка рта сделалась жёсткой и упрямой.

– Энни! – с отчаянием и надеждой в голосе крикнул он. Резко повернулся к девушке-рабыне: – Куда?! В какую сторону она пошла?!

– Туда, господин, – заплакала Эллис, указав в направлении фруктовых садов.

Макс бежал, не разбирая дороги. Он окликал подругу, звал её, но тишина была ответом. Ну почему? Почему он оставлял её одну так надолго? Надо было не разлучаться ни на минуту, брать её с собой на тренировки. Господи, ну почему он не подумал об этом раньше? Почему не забрал у неё тот злосчастный медальон? Где она теперь? Что с ней? Может, ей грозит опасность, может, её уже нет в ж... Нет! Не надо думать об этом. С Энни все будет хорошо. Ну, где же она?

Патрокл с Мироном догнали его и присоединились к поискам. На расстоянии видимости они втроём осматривали каждый кустик, заглядывали за каждое дерево. Идти старались как можно быстрее, но вдруг Патрокл увидел лежащую корзину, а вокруг разбросанные раздавленные фрукты. Он подозвал друзей.

– Её похитили. Видите, следы? – говорил он, склонившись над тропинкой. – Фрукты раздавлены, по ним в спешке кто-то топтался.

– Да, она выронила корзину, когда её схватили, – поддержал его версию Мирон.

– Но у неё же газовый баллончик для обороны! – воскликнул Макс и схватился за голову. – Что я говорю? Как может слабая девушка одна противостоять здоровому мужику?

Вдруг Макса словно осенила какая-то идея, и он со всех ног бросился к заливу. Друзья за ним. Добежав до берега, они увидели удаляющийся корабль.

– Энни! – что было сил, закричал Макс и, бросившись в воду, поплыл за кораблём.

– Макс, остановись! – Мирон поплыл следом и догнал друга. – Не делай глупостей, вернись. Если она на том корабле, они далеко не уйдут – мы догоним их.

– Но корабль уходит! Удаляется!
– Ты не догонишь его вплавь.
– Но как мы узнаем, куда увозят Энни?
– Хирон нам поможет. Успокойся, Макс. Патрокл сейчас же отправится к Пелею за кораблем. Мы догоним её.

– Но время уходит, – тяжело дыша, Макс в отчаянии сопротивлялся доводам Мирона. – Энни сейчас там, и ей грозит опасность!

– Ты вплавь не догонишь корабль, а просто выбьешься из сил. А если утонешь, то лишишь подругу надежды на спасение. Внемли же здравому рассудку.

Наконец-то разум возобладал над отчаянием, и Макс повернул к берегу.

Хирон уже знал о происшествии от Эллис. Между тем Патрокл вскочил на спину коня, и тот широкой размашистой рысью унёс седока, скрывшись в густых зарослях кустарников.

– Энни на корабле, что направляется к острову Крит, – пророкотал Хирон, появляясь из пещеры. – Думаю, что до полнолуния с ней ничего не случится. Маги творят заклинания, в большинстве случаев, при полной луне, чтобы усилить воздействие.

– Говори яснее, – не выдержав, почти крикнул Макс, – она что, у того мага?

– Да, – глянув с укоризной на молодого мужчину, тихо произнёс кентавр.

– Ты говоришь, что с ней ничего не случится, а насилие, издёвки? – вспльчиво продолжал Макс, от волнения не заметив взгляда Хирона.

– Не думаю, – возразил кентавр, – ведь даже Абдерос требовал от афинян непорочных людей. Девушка нужна ему чистой.

– Он что? Он собирается её... – Макс замолчал, боясь вслух произнести ужасную фразу.

– Да. Думаю, для того чтобы завершить обряд, начатый критским магом.

– Она и медальон в последнее время носила только при себе.

– До полнолуния ещё четыре дня, и мы успеем, – успокоил его Хирон.

– Подождите, – вступил в разговор Мирон, – вы всё время говорили, что магу нужны непорочные люди, но ведь Энни замужем за Максом. В таком случае, она ему не подойдёт.

– В том-то всё и дело, что она не жена мне, – горестно произнёс Макс, без сил опускаясь на землю. – Мы с ней выдумали эту историю, чтобы обезопасить Энни от посягательств. Мы ведь не знали, как к нам отнесутся в этой стране.

– Выходит маг знает об этом? – спросил воин у Хирона.

– Да. Ему, как и мне, известно о таких вещах.

Вечером, как Мирон и обещал, корабль стоял у берега, готовый к отплытию. Пелей отправил на корабле часть своих воинов-мирмидонцев, любимых воинов Ахилла.

В последнее мгновение Эллис упала на колени перед Максом.

– Господин, я виновата, что отпустила госпожу одну. Но не оставляйте, возьмите меня с собой. Крит – моя родина, я могу пригодиться вам.

Аня закашлялась, как только кляп вынули изо рта.

– Пить, – прохрипела она.

Перед глазами ещё плавали цветные круги, и она не видела человека, подавшего бокал. Девушка припала к воде и с наслаждением впитывала её иссохшими губами. Живительная прохладная влага быстро возвращала утраченные силы, и Аня осмотрелась вокруг.

По всей видимости, она находилась в помещении, сооружённом из дерева и плотно покрытого шкурами животных. Что-то наподобие шалаша. Здесь было довольно темно, но в щель, образованную свободно свисающими шкурами у входа, проникал луч света. Аня подумала, что это какая-то надстройка прямо на палубе. Ведь корабли того времени представляли собой большие парусные лодки с лавками для гребцов, расположенными вдоль бортов.

Дошчатые стены и перекрытия вдруг натужно закрипели, и корабль, несколько раз дёрнувшись, шурша днищем о песок, тронулся с места, а затем плавно закачался на волнах. Наверное, его столкнули в воду, готовясь к отплытию, подумала Аня. И в подтверждение – на корабле забегали люди, отдавая и исполняя какие-то команды.

Пленница встала, чтобы тихо пробраться к выходу и посмотреть, можно ли убежать?

– Если будешь вести себя тихо, – неожиданно прозвучал рядом голос, – тебе ничто не грозит. В противном же случае – свяжу, и весь оставшийся путь проведёшь без движения и без воды.

Приглядевшись к темноте, Аня заметила человека внушительных размеров, что сидел недалеко от неё, скрестив на груди руки. Это конец, подумала Аня. У неё даже нет шанса, чтобы незаметно сбежать, прыгнуть в воду и поплыть к берегу.

Неужели это всё? Макс! Она даже не успела признаться, что очень любит его. Она думала, что ещё будет время. Она сомневалась, надо ли говорить ему о своих чувствах. Ведь они такие разные, и вернувшись в своё время, возможно, расстанутся навсегда. Поэтому не стоит так рано открывать сердце. А вот сейчас – всё рухнуло! И ничего невозможно исправить.

Страх! Такой холодный и колючий, морозцем пробежал по спине, коснулся затылка и мерзкой когтистой лапой стянул кожу на голове. Аня, наконец, поняла, что значит выражение «зашевелились волосы». Ощущение тревоги не проходило, наоборот – оно становилось всё сильнее и отчётливее. Её разум лихорадочно работал, пытаясь найти выход их положения.

Она украдкой взглянула на человека, охранявшего её, и спросила:

– Кто мой похититель?

– Хозяин сам всё скажет тебе, – невозмутимо бросил человек, – если будешь много говорить – свяжу.

Аня была разумной девушкой и решила смириться до подходящего случая. Всё же лучше иметь свободными руки и ноги. Как хорошо, что,

собираясь за фруктами, она надела джинсы с кроссовками и футболку. «Представляю, как бы я выглядела сейчас, в просторном хитоне», – подумала она.

Примерно час Аня провела наедине с меднокожим слугой, что как изваяние застыл на своем месте в абсолютном молчании. И только белки глаз светились в полумраке.

Аня села на мягкую шкуру, прислонившись спиной к деревянной перегородке, и закрыла глаза. Ей хотелось заснуть, забыться, чтобы хоть на миг избавиться от гнетущего страха и ужаса неизвестности. Но сон не шёл. Что же с ней будет? Куда её везут? А ведь всё началось даже не в Афинах. Аня вспомнила рассказ Хирона. Это из-за злосчастного медальона она оказалась здесь. Зачем она всюду таскала его с собой в последнее время? Пусть бы его взяли, даже если они с Максом не смогут вернуться в своё время. Зато они бы были вместе, и их никто не разлучил.

Рука Ани невольно потянулась к медальону, который лежал в нагрудном кармашке футболки. Но под пальцами она вдруг ощутила маленький нательный крестик. Неведомые ранее чувства лавиной нахлынули на неё. Любовь, нежность, надежда и ещё что-то, чему она не могла дать объяснение, заполнили всё её существо. Слезы благодарности росой выступили на глазах. Вот она – защита! А она всего лишь прикоснулась к маленькой святыне. Девушка встала на колени, прижала руку к груди и, может, впервые в жизни, от всего сердца, прошептала, закрыв глаза, слова единственной молитвы, которую она знала:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и остави нам долги наша, как и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Аня впервые в жизни твердила слова молитвы от всего сердца, от всей души, со слезами на глазах, катившихся по щекам, и не слышала, как в шатёр вошел и смотрел на неё старик, вручивший ей в Афинах чётки.

– Интересно, какому богу ты молишься сейчас и в вашем веке? – с иронией спросил он.

За иронией ему хотелось скрыть удивление и замешательство, завладевшие холодным разумом. Он увидел, что его появление не удивило и не напугало пленницу после того, как она открыла глаза и увидела его, а также силу, исходившую от хрупкой девушки.

– Ты не хочешь со мной говорить? – усмехнулся старик. – Это не в твоих интересах.

– А как прикажешь мне вести себя, – гневно сказала она, – когда ты крадёшь нас и забрасываешь в другое время против нашей с Максом воли? Ты что, не мог открыто объяснить, что тебе надо? Зачем играешь в прятки: то появляешься, то исчезаешь, используя дешёвые трюки? Этим нас не удивишь, мы в кино и покруче насмотрелись. Ты похитил меня

снова у друзей и везёшь в неизвестном направлении. И после всего ждёшь, что я встречу тебя с распостёртыми объятиями? При нашей первой встрече в Афинах, я, как мне кажется, не обидела тебя.

– О, нет. Должен признать – ты была мила и любезна. И мне действительно искренне жаль, что на этом месте оказалась именно ты. Я сожалею, что пришлось так поступить с тобой. Но владеешь этой вещью, – и маг пальцем ткнул в медальон, – именно ты!

– И что же это, такое ценное, что ради него ты готов пуститься на подобные ухищрения? – решила поинтересоваться девушка. Раз уж оказалась в таком положении, так хоть узнать до конца ради чего.

– Амулет власти и бессмертия, что изготовил мой предок-маг, – с гордостью пояснил старик. – К счастью, он хранил все свои записи и расчёты дома, а не в лаборатории, которая находилась во дворце. Его сын выжил в той катастрофе и сохранил записи, что из века в век передавались потомками, как память о столь великом предке. И только я, великий мидийский маг Гаумата, смог расшифровать и прочесть их. Мало того, я настолько преуспел в магии, что понял и вычислил тайну перемещения во времени.

– Ты – Гаумата?! Живший за 500 лет до нашей эры?! – Аня даже привстала со своего места. – А если считать с этого столетия, то родишься только лет через 700? – Аня с удивлением указала на него пальцем. – Ты тот, кто обманом царствовал в Персии под именем младшего брата Кира, которого убил старший Камбис?

– Ты хорошо осведомлена, – улыбнулся Гаумата, – мне льстит, что моё имя известно столь дальним потомкам.

– Возможно, но твоё имя упоминается рядом с ложью и коварством. Так что не тешь себя тщеславием.

– Да какая разница, – надменно и зло прошипел маг, – зато моё имя не кануло в Лету.

– Но тогда, если ты путешествуешь во времени, – с долей иронии дерзко воскликнула Аня, – то должен знать, что Дарий – будущий царь Персии, казнит тебя, как только разоблачит обман.

– Я знаю об этом, поэтому и искал амулет. Дай его мне! – приказал старик.

Аня поняла, что сопротивляться бесполезно, и отдала амулет.

– На, возьми, мне эта побрякушка уже порядком надоела.

Гаумата схватил его трясущимися руками и прижал к груди. Вот он! Наконец-то! Теперь он так близко к заветной цели.

Аня с усмешкой смотрела на старика: неужели он и впрямь верит бредням о бессмертии?

– А почему ты не вернулся в прошлое и не взял его, пока он был скрыт под руинами? – резонно заметила она.

– Пока был жив мой предок, сотворивший сие чудо, – благоговейно произнёс маг, с трепетом и восторгом глядя на амулет, – я не мог появиться у него без риска для жизни. И, к тому же, преклоняюсь перед

его величием и силой. Но позднее я всё же пытался найти его среди развалин. Это оказалось мне не под силу, дворец превратился в руины, а лаборатория моего предка находилась в самом нижнем этаже под землёй.

– А как ты вышел на меня? – продолжала расспросы Аня. Ей хотелось выведать у него как можно больше, благодаря появившейся возможности. И Гаумата, окрыленный обретением своего сокровища, не скупился на ответы.

– Я перемещался из одного времени в другое, пока не натолкнулся на одного чудака в начале вашего века, в котором и ты родилась. Тот чудакустроил раскопки дворца. Амулет нашёл и утаил от него один из его помощников. У меня не получилось обманом выманить у помощника амулет. Он увез его в страну Германию. Вскоре началась война, и я однажды чуть не погиб, пытаясь завладеть амулетом. Ну и страшны войны в вашем времени, скажу я тебе, – промолвил Гаумата сощурившись.

– Но ты мог завладеть им перед началом войны.

– Немец прятал его где-то в священном месте, куда я не мог проникнуть. Кажется, то место называется – часовня. Странное название, но в ваше время появится много новых слов, как и вещей. После окончания войны, – продолжал он, – след от амулета потянулся в Россию.

– Верно, мой дед был в плену в Германии, а после войны вернулся, – кивнула, вспоминая, Аня.

– Я долго не мог обнаружить амулет и в России. Там он неожиданно исчез. Словно погрузился в туман. Всё произошло, как и тогда в часовне. Даже используя магию, я не мог найти его.

«Стоп! – мысленно воскликнула Аня. – Рядом со шкатулкой, в которой хранился амулет, в комод лежали принадлежащие ещё бабушке с дедушкой – иконы! А святые образа... Неужели?..» Бабушка с детства говорила ей о том, что нет ничего сильнее искренней веры и святых.

В старое время, когда власти рушили храмы, преследовали верующих, хранить или открыто держать в доме иконы, Библию и молитвословы было очень опасно. Поэтому люди хранили святые в ящиках, шкафах, столах; кто где мог.

– Но однажды, глянув в магический кристалл, – продолжал между тем Гаумата, – я увидел его снова. Я вычислил, где это, и отправился в ваше время в Афины. Дальше ты всё знаешь.

– Но почему ты не попросил амулет у меня в Афинах? Я бы отдала.

– Потому что ты также нужна мне, – сказал маг, оторвав взгляд от амулета.

– Для чего? – недоумевала девушка.

– Ты связана с ним. Очень уж длительное время амулет находился в вашей семье.

– А Макс?

– Он мне не нужен и оказался здесь случайно. Он постоянно мешал мне, иначе всё закончилось бы раньше.

– Что закончилось бы? Говори яснее.

– Ещё не время. Об этом ты узнаешь позже.

Гаумата вдруг пристально уставился на Аню. Зрачки его глаз сошлись в узкую точку. Но тут же расширились, заполнив всю роговицу сплошным тёмным пятном. Казалось, взгляд его проникал до самых недр души, острым клинком пронзая глубины сознания и извлекая, опустошая все тайники, безжалостно обнажая сокровенные мечты и надежды. Аня хотела воспротивиться, но не смогла, застигнутая врасплох.

– А ты отважная, смелая девушка, – улыбаясь, произнес маг, – ты вся дрожишь внутри от страха, но держишься великолепно, с достоинством.

– Я не боюсь тебя! – в гневном раздражении крикнула Аня.

– Ну-ну, – снисходительно продолжил старик, – только не надейся на своего героя. Я потому и выкрал тебя, чтобы он не мешал.

– Макс и воины найдут меня! – уверенно заявила она вслед уходящему магу. Но он даже не обернулся.

Аня села на своё место, обхватив колени руками, и с тоской прошептала:

– Макс, любимый, найди меня.

13

Весла мощно врезались в толщи воды, и корабль, набрав большую скорость, казалось, птицей легко летел над самой водой. А брызги, порой взлетающие над носовой частью, охлаждажали разгорячённое лицо.

Макс стоял впереди и всматривался в морскую даль. Он надеялся, что на горизонте вот-вот мелькнёт долгожданная цель, и он увидит корабль, на котором томилась в заточении его Энни.

Удивительная штука – жизнь. До сих пор ему неоднократно приходилось сниматься в роли исторических героев и романтиков, полицейских и преступников. Но даже и предположить было невозможно, что жизнь подкинет сюжет покруче, чем в любом из фильмов.

Макс – красивый мужчина, секс-символ, мечта множества женщин всего мира. Неудивительно, что вокруг него вилось огромное число светских красавиц и актрис. Девушки влюблялись, и он с благодарностью принимал знаки внимания. Случалось, ненадолго и сам увлекался. По сути, он был джентльмен, и, если имел с кем-либо близкие связи, старался не скомпрометировать ни одной дамы. Вот только папарацци порой до оудри доставали и не давали свободно вздохнуть.

Энни же – обычная девушка из далёкой и незнакомой ему страны. Нет, конечно же, он знал о России, но только то, что выдавали средства массовой информации, и то, что запомнил на уроках истории в школе. Русские ему представлялись бесплотными существами. Ну, живут там где-то и пусть живут. Тем более, что в прессе ничего хорошего о них не говорилось. Наоборот, с детства он привык считать их врагами номер один, которые хотели напасть на добрых и хороших американцев. Пресса всегда пугала угрозой войны со стороны русских, а людей изображала ободранными бомжами, страшными и некрасивыми. И жизнь их показывалась в серых ободранных домах, с грязными неметёными улицами, да и вообще: обнищавшая, хмурая и некрасивая страна.

Он был поражён, увидев археологов, вошедших в самолёт. Приветливые, улыбающиеся, симпатичные люди, знающие английский язык. Говорящие с акцентом, но легко владеющие разговорной речью. Внешне они ничем не отличались от его соотечественников. А женщины милы и привлекательны. А Энни! Что-то необыкновенное произошло с ним в тот момент, когда он увидел её.

А дальше всё закрутилось, завертелось, как в калейдоскопе. Судьба предоставила им другие реалии. Здесь они свободно говорят на языке, который прежде и не слышали – на языке древних греков.

А незнакомая и далёкая прежде девушка Энни, или как она там представилась? Аня? Сейчас он не мыслит себя без неё. Она необходима ему, как воздух, как частичка самого себя. А её удивительные глаза... Они так зачарованно и широко открывались, когда он брал её за руку или обнимал за талию, желая привлечь к себе. Ни грамма притворства! Лишь безграничное доверие и очарование. Энни – чистое, искреннее создание, дитя природы, которое, казалось бы, невозможно встретить в нашем практичном, расчётливом и до боли лицемерном мире.

– К утру, мы нагоним их, – сказал Мирон, прерывая размышления Макса, – хоть и вышли на полдня позже.

– Я надеюсь, – тяжело вздохнул Макс.

Примерно через час Мирон снова подошёл к Максусу.

– Видишь на горизонте то маленькое облачко?

Макс утвердительно кивнул.

– Хирон говорит, что надвигается шторм. Необходимо подготовиться.

Гребцы с беспокойством всё чаще и чаще вглядывались в горизонт. А маленькое облачко разрослось и, превратившись в огромную тучу, закрыло собой полнеба и неотвратимо надвигалось на маленькое беззащитное судёнышко, волею судьбы, казалось, затерявшееся в бескрайних просторах океана.

Налетевший ветер вскоре поднял огромные волны, которые с силой и мощью ударили по кораблю, грозя разметать его в щепки.

– Поднять вёсла! – сквозь рёв шторма гаркнул Мирон.

Гребцы втащили вёсла на борт, чтобы их не искрошило разъярённое море. Воины, привязав себя страховочными верёвками к кораблю, стали молиться и ждать. Только рулевой, как монолит, застывший у штурвала, пытался править в этом кипящем котле.

Небо слилось с водой в единую свинцовую субстанцию, и только стрелы молний рассекали, разрывали, словно трещины полотно, это бурлящее, клокочущее, разыгравшееся светопреставление.

Казалось, Зевс-громовержец затеял невиданную охоту и пытается поразить своими стрелами мореплавателей. А его брат Посейдон, бог морей, оспаривал с Зевсом право захвата добычи и, в свою очередь, поднимал и вспенивал море, желая потопить корабль. Волны поднимались, как огромные скалы, и с силой обрушивались на палубу, захлёстывая людей и грозя снести

мачты. В такие минуты казалось, что выплыть уже не удастся. Но маленький и лёгкий, как скорлупка, кораблик хоть и стонал в борьбе со стихией, неизменно выныривал на гребень очередной волны. Всю ночь корабль, словно щепку носило по бушующему океану. Греки молились своим богам, а Макс тихо просил:

– Господи Иисусе, если можно, спаси Энни.

Чья же молитва была услышана? О том молчат небеса. Но к рассвету ветер стал затихать, успокаиваться. А когда совсем рассвело, облака развеялись и шторм утих, полностью исчерпав свои силы. Изрядно потрёпанное, но уцелевшее морское судёнышко тихо покачивалось на затухающих волнах, когда край горизонта вдруг высветлился, и свежее умытое утро расправило золотистые прозрачные крылья зари.

14

Изможденная и обессиленная, Аня сидела на скамье, крепко обхватив руками поручни.

Шторм лишь краем коснулся того участка моря, где находился корабль её похитителей благодаря более раннему отплытию. Пираты почти подходили к Криту, когда налетел шторм, хоть и не такой сильный, как в эпицентре. Но рассерженное море всё же изрядно потрепало их, не позволив подойти и высадиться на берег. Пиратское судно всю ночь дрейфовало в открытом море.

Аня мужественно перенесла качку, хотя её и мучила морская болезнь. Но унижаться перед врагами? Ни за что!

Слуга-критянин привязал девушку к переборке, рядом с которой крепилась лавка, и вышел на палубу, как только налетел шторм. Видимо, его помощь на палубе была более необходимой, чем в шатре. Аня осталась одна в полной темноте.

Девушка сжалась в комок, спиной прижавшись к борту. Но вскоре корабль стало дико швырять в бушующих волнах, а шалаш захлёстывала солёная морская вода. Деревянное морское судно стонало и натужно скрипело, борясь со стихией. Казалось, что корабль вот-вот разлетится на части, девушку бросало из стороны в сторону, временами больно ударяя о дощатые стены. Намокшие ремни, что стягивали её туловище, растянулись и ослабли, но больно врезались в тело при каждом рывке. Вскоре на Ане не осталось ни одной сухой нитки. Ветер срывал с шатра шкуры и уносил в море. Девушка, привязанная к переборке, могла только отплеиваться от заливавшей корабль солёной воды. Вдруг очередной толчок с силой швырнул её, и она со всего маху ударилась обо что-то головой. Яркие звёздочки и радужные круги завертелись перед глазами.

***

К полудню следующего дня море полностью успокоилось, и корабль вошёл в юго-западный Срединный залив.

Покрытые густыми лесами, округлые тёмные валуны горных склонов спускались к самой воде. Полукружия лазурных бухт драгоценностями

сверкали под яркими полуденными лучами. Солнце пронизывало влажный и прозрачный после бури воздух. Цветные коромысла радуг зависли в небе, соединяя воду с древними лесами, словно невиданные, диковинные арки. У самых берегов вода омывала белые известняки, что от времени покрылись мелкими трещинками, пещерками и впадинами.

А в скрытых сизыми туманами плоскогорьях притаились развалины построек далёкой древности. Оливковые деревья росли из растрескавшихся лестниц и фундамента, которые не пощадило время. Мощные колонны подпирали кое-где сохранившиеся портики и лоджии. Высокие кипарисы и платаны укрывали в своей тени остатки не успевших разрушиться стен. На стенах местами проступали яркие красочные фигуры.

Аня изучала историю Крита в вузе и помнила, что критяне, по одной из версий, если так можно выразиться, закрылись на своём острове, недоступном в те времена никому. Они ревностно хранили и не передавали своего духовного богатства окружающим народам. Хотя охотно вели с ними торговлю. Защищённые своей корабельной мощью, критяне не опасались нападения диких народов. Поэтому на острове не было видно никаких следов укреплений.

Критское искусство, одно из прекраснейших, совершенно не изображало ни насилия, ни военных подвигов, ни величия царей. В причудливых орнаментах переплелись дельфины, осьминоги, морские звёзды и другие обитатели океанских глубин. Сильные, атлетически сложенные юноши изображались только в спортивных состязаниях, девушки в ярких, глубоко декольтированных платьях с высоким корсажем соперничали красотой и изяществом с гибкими лилиями и орхидеями. На их головах искусные причёски, на ногах богато украшенные ботинки или сапожки на тонком высоком каблучке. Лица мужчин и женщин хранили следы косметики.

Радостная, лёгкая и светящаяся яркими красками живопись. Разве была где-нибудь в мире ещё такая страна, что посвятила своё искусство, воспевая чудо единения, гармонии человека с природой. Кого могла прогневить столь цветущая цивилизация? За что её так безжалостно уничтожили? Подобные мысли теснились в Аниной голове, когда она разглядывала следы былого великолепия. Они отвлекли её от ужаса и страха, что сжимали сердце перед неизвестностью.

Девушка шагала вслед за магом, а позади, замыкая их маленькую группу, – слуга-критянин.

Тропинка, выложенная ровными каменными плитами и от времени поросшая лишайником, тянулась от развалин вниз холма и упиралась в громадную глыбу, над которой возвышались бычьи каменные рога. Отбрасываемая от них тень протянулась к путникам, как будто один из быков подземного царства Аида решил выбраться на поверхность. А может, сам Минотавр, поражённый заклятием, так и замер, навсегда застыв в камне.

Ещё шагая по тропинке, с высоты холма Аня заметила тёмный подземный вход, что располагался под самой глыбой. Гаумата уверенно, видимо, не впервые, зажёл факел, приготовившись к спуску.

Девушка поняла, что другой возможности для побега, может и не быть. Если не сейчас... Она резко толкнула локтем в живот слугу, шедшего сзади, и, рванувшись в сторону, шмыгнула в узкий лаз между каменными глыбами, что возвышались в метре слева от них.

Хотя Аня была и тоненькой, но еле-еле протиснулась в лаз. Слуга, справившийся с шоком от неожиданного действия девушки, а не от силы удара, бросился следом за ней и застрял между глыбами. Ему пришлось «дать задний ход», чтобы освободиться из каменной ловушки.

Аня выскочила с другой стороны валунов и с лёгкостью горной лани понеслась прочь. Она неслась, не разбирая дороги: то взбираясь вверх, то сбегая вниз, пока силы не начали сдавать. И спускаясь с очередной возвышенности, почти потеряв все силы, запнулась и кубарем полетела под уклон, пока не ударилась о ствол многовекового неохватного дерева. Сноп искр брызнул из глаз, и беглянка потеряла сознание.

...Аня стояла на вершине холма и смотрела на сияющий силуэт, плывущий к ней прямо по воздуху. «Как странно, – думала она, – он идёт по воздуху и не падает». Её охватило чувство умиротворения, лёгкости и покоя. Чувство безграничной любви и нежности излучал сияющий силуэт. Казалось, эту встречу она ждала всю жизнь.

– Я умерла? – легко, без эмоций спросила девушка.

– Нет, – сказал он и улыбнулся.

– Тогда – кто ты? Ангел?

– Я – Посланник. Я пришёл сказать тебе, что ты не одинока. Что бы ни случилось – ничего не бойся. Страх на руку твоим врагам.

– А Макс? Гаумата сказал, что он здесь оказался случайно.

– У Всевышнего нет ничего случайного. Макс – один из земных воинов Света, только пока сам этого не знает. Он здесь, чтобы защищать тебя. А теперь слушай и запоминай: с этого момента, что бы ни произошло, ни при каких обстоятельствах, даже на мгновение, не снимай с себя распятие. А в трудную минуту молись...

И Посланник прочёл ей слова.

– Я знаю эту молитву, это же «Живые в помощи...», но вот запомнить, никак не получалось.

– С этой минуты ты будешь помнить её. Всё, мне пора. У тебя есть просьба?

– Да, – поспешно сказала Аня, – я хотела бы... если нам с Максом будет дана возможность вернуться назад... чтобы нам оставили знание языка, на котором мы сейчас говорим.

Посланник улыбнулся и...

И Аня очнулась. Связанную по рукам и ногам, её несли, перекинув через плечо вниз головой. Спуск в подземелье был долгим по тёмному и

сырому тоннелю. Шедший впереди маг освещал дорогу зажжённым факелом, и едкий дым, поднимавшийся вверх, резал Ане глаза и мешал дышать. Хорошо хоть рот не заткнули кляпом, как в прошлый раз.

Наконец они вошли в освещённое многочисленными факелами помещение. Слуга, не церемонясь, опустил пленницу прямо на каменный пол, и она тихо застонала, ощутив боль в боку и на голове.

Слуга нашёл её, лежащую без сознания, под оливой.

Сейчас же он наклонился и развязал верёвки, стягивающие ноги и руки.

– А ты не боишься, что я снова убегу? – с вызовом спросила девушка.

– Отсюда ещё никто не убегал, – донёсся до неё надменный голос, – это та часть лабиринта, что осталась неразрушенной. Вокруг завалы и выбраться отсюда, не зная дороги, невозможно.

– Но ведь и ты не здесь родился, а дорогу нашёл, – продолжала иронизировать Аня.

– Я вижу её и в темноте – я маг! Но ты смело держись. Похвально.

– А ты думал, что я буду плакать, кричать и умолять отпустить меня?

– Примерно так.

– Не дождёшься! – вздёрнула подбородок девушка.

Гаумата расхохотался и вышел, подав знак слуге. Оставшись в одиночестве, Аня решила осмотреться. По всей видимости, она находилась в каком-то храме.

Из истории Аня знала, что каждый очень древний греческий храм, хоть и выглядел тяжеловесным и массивным, но строился на возвышенных местах. Многочисленные рисунки и знаки испещряли толстые массивные стены и колонны. Храм укрывался от просторов земли и неба. Мёртвое и грозное молчание царило в нём, скрытом глубоко под землёй. С каждым шагом сгущался мрак, и Аня как бы погружалась во тьму прошедших веков. Если в храмах Эллады, расположенных на возвышенностях, только тонкая грань отделяла смертных от обитателей Олимпа, то здесь, казалось, – шагнёшь и встретишь души умерших, что бродят во мраке царства Аида.

Стерегли храм изваяния львов, крокодилов и других животных с человеческими и бараными головами. Изваяния полулюдей-полуживотных угнетающе действовали на девушку. Но вскоре она увидела и другое божество, высеченное из камня – Минотавра. Он стоял, грозно склонив голову, выставив вперёд рога и раздув ноздри. Взгляд свирепых глаз предупреждал о грозящей опасности каждому, кого он встретит на своём пути.

15

– Нас отнесло далеко на запад, – говорил Мирон друзьям, – надо привести корабль в порядок.

Что они и сделали, поправив мачты с парусами, очистив палубу от разбросанных снастей, корабельной утвари, и установили весла.

Корабль, быстро набирая скорость, весело полетел на восток к греческим островам. Несмотря на свежий попутный ветер, гребцы опустили вёсла на

воду и дружно налегли, желая, как можно быстрее нагнать упущенное время. Вдоль бортов вспенивались буруны и широкими волнами расходились в стороны, оставляя за кораблём огромный шлейф.

К полудню на горизонте показалось юго-западное побережье Эллады. И мореходы, повернув к югу, взяли курс на остров Крит.

***

Чтобы занять чем-то время, Аня то часами ходила по храму, рассматривая идолов и стенные росписи, а то, как сейчас, просто отдыхала в своём уголке, задумавшись.

– Ну, что, ознакомились со своим новым жильём? – раздался голос.

– Это храм Минотавра? – вместо ответа спросила она.

– В некотором роде, – задумчиво произнёс Гаумата, – мой слуга принёс тебе еду. Поешь.

Аня давно ощущала сильное чувство голода. Второй день у неё не было ни крошки во рту. Когда её выкрали, она только собиралась пообедать и для этого собирала фрукты.

А затем, уже в море, разбушевавшийся шторм заставил отложить все дела, кроме борьбы за выживание.

В одной из многочисленных ниш слуга бросил на пол шкуру животного и лёгкое покрывало, чтобы можно было прилечь и отдохнуть.

Аня приступила к еде без церемоний. Ей принесли зажаренное мясо какой-то птицы, сыр, фрукты и воду. Утолив голод, она попросила ещё воды, чтобы умыться и гребень для волос. Маг усмехнулся, но отправил слугу исполнить её просьбу.

– Меня здесь долго будут держать? – спросила пленница.

– Три дня.

– А затем отпустят? – с иронией спросила Аня, зная, что ответ будет отрицательным. Не для этого же её везли в такую даль, чтобы, наигравшись, как птичку выпустить на свободу.

– Можно сказать и так, – с вежливой гримасой улыбнулся маг.

Пленница давно уже догадывалась, для чего она здесь, ведь Хирон объяснил, что движет магом. И она в течение всего времени лихорадочно искала выход из создавшегося положения. Необходимо как можно больше выведать у врага.

– А почему ты держишь меня здесь? Мне нужна вода, я привыкла мыться ежедневно, – решила она завязать разговор.

– Ты не в том положении, чтобы ставить условия, – жёстко сказал Гаумата и ушёл.

Что же ей делать, думала Аня, оставшись в одиночестве. Она поёжилась, продрогнув. Несмотря на множество факелов, в подземелье было довольно прохладно. Со вчерашнего дня она ещё ни на минуту не смыкала глаз, если не считать забытья, что случилось с ней на трапе во время шторма. Аня огляделась, и пушистая белая шкура какого-то животного, что бросил в угол для неё слуга, магнитом потянула к себе. Девушка села на мягкое

импровизированное ложе и накинула на плечи покрывало. Глаза её тут же смежились. Аня прилегла, и сон, мягко окутав, заключил её в свои объятия.

Проснулась Аня, как от толчка, резко открыв глаза. Подземелье по-прежнему было освещено светом горящих факелов, только многие из них уже прогорели и еле тлели. В сумеречном свете по храму двигались какие-то фигуры. Аня протёрла глаза, чтобы избавиться от пелены, ещё застилающей глаза после сна. И вновь взглянув, отпрянула.

При свете слабо колеблющегося пламени от противоположной стены, огибая статуи и колонны, по направлению к ней плыли туманные полупрозрачные фигуры. Они простирали к девушке туманные руки и что-то говорили, но Аня их не слышала. «Призраки!» – пронеслось в голове. Ледяной волной её захлестнул страх. Мысли помутились, как будто пелена густого тумана заполнила мозг, лишив возможности думать. Первые фигуры уже совсем рядом – только протяни руку и... спасительная темнота, словно ладонями, закрыла глаза, и девушка потеряла сознание.

Рядом что-то громко звякнуло о каменный пол, и Аня очнулась. Слуга-критянин поставил рядом поднос с едой.

Боже, как же болит голова! И в ушах неприятный звон. Аня села и потёрла пальцами виски. Наверное, уже утро, подумала она.

– Я бы хотела помыться, выведи меня к морю, – попросила девушка, – я не убегу.

– Не положено, – скрестив на груди руки, заявил критянин.

– Но мне надо! – и, не удержавшись от сарказма, добавила: – Или ваш храм можно осквернять?

– Следуй за мной, – равнодушно сказал слуга и пошёл в противоположный конец зала.

За дальней колонной темнел коридор, ведущий, видимо, в лабиринт. Пройдя длинный коридор, они вошли в маленькое помещение. Под ногами скрипели обломки камней и какой-то хлам.

– Можешь сюда ходить по нужде, – сказал слуга и вышел, оставив прикрепленный к стене факел.

Когда они проходили по узкому коридору, Аня успела заметить и другие ответвления. Она решила, что позже исследует все закоулки, оставшиеся невредимыми в лабиринте. Маг упоминал, что свободных от завалов ходов осталось очень мало, основная часть разрушена землетрясением.

Девушка вздохнула свободнее. Теперь-то, окрылённая надеждой, она ни за что не сдастся. Она будет бороться до последнего, но найдёт выход. Ура! Она не будет сидеть, сложив руки и ждать «у моря погоды».

Аня позавтракала. Воды в кувшине оставалось ещё больше половины. Спрятавшись в одну из ниш, девушка попыталась вымыться. Несмотря на недостаток воды, она получила облегчение.

Взяв в руки один из факелов, который показался Ане самым большим и надёжным, решительно приступила к осмотру подземелья. Прежде всего она проверила вход, через который была доставлена сюда. Наверх вели

каменные, потрескавшиеся от времени, а может от землетрясения, ступени. Подняв факел над головой, Аня начала подъём. Через метр – полтора путь ей преградила массивная деревянная дверь. Судя по крепости и цвету, её соорудили совсем недавно.

– Подготовились! – усмехнулась она.

Надавив на дверь плечом, Аня попробовала открыть её. Но не тут-то было. Тогда девушка закрепила факел на стене в специальное крепление, что делались для факелов в древние времена. Затем встав спиной к двери, она упёрлась в стены руками, а ногами в ступени и что есть силы, налегла на дверь. Но тщетно. Только от напряжения заныли ушибы, заработанные после падения с горы. Аня ещё несколько раз беспомощно пнула такую ненавистную преграду, подёргала ручку на себя, но дверь даже не шелохнулась.

Вздыхнув, горемыка присела на ступеньку и, подумав, прижалась к двери ухом – может, удастся что-нибудь услышать? Но и здесь её постигло разочарование: с той стороны не доносилось ни звука.

– Будь честной, ты же не надеялась, что с первой попытки у тебя всё получится? – успокаивала себя узница. Даже если бы ей и удалось открыть дверь, наверняка наверху выставлена охрана. – Надо искать другой путь. Ну вот, я уже разговариваю с собой – это первый признак...

Аня улыбнулась и направилась к тоннелям лабиринта. У самого входа остановилась и подумала, а что если она заблудится?

– Что же, я буду, как корова для заклятия, сидеть на одном месте и ждать своей участи? – возразила девушка внутренним предостережениям. – А если суждено погибнуть, то какая разница там или здесь? Так хотя бы есть надежда.

Старые каменные стены, сплошь испещрённые трещинами, покрытые многовековой пылью и копотью, психологически угнетали и как бы сдавливали со всех сторон. А если ещё представить массу земли над головой, то и вовсе становилось жутко.

– Вот где была бы пытка для клаустрофоба, – осматривая потолок, пробормотала девушка.

Под ногами скрипела каменная крошка, смешанная с песком. Ещё один поворот. Аня опасливо оглянулась – позади ещё оставался слабый рассеянный свет, проникавший из большого зала. Не увлекайся, мысленно напоминала она себе.

– Я только посмотрю ещё немного и вернусь, – ответила она своим мыслям.

Новый коридор был похож на предыдущий. Из него так же вели другие ходы.

– Ничего страшного, я же помню, как шла. И прошла то всего – ничего. Я только гляну что за тем поворотом – вдруг где-то дальше есть выход на свободу? – уговаривала Аня себя.

Она ходила из тоннеля в тоннель. Кое-где коридоры заканчивались обвалом, девушка возвращалась назад и находила новое направление. Но вот лабиринт вывел её к одной из комнат. Комната была тупиковой и имела

только один вход. Аня решила установить – для чего предназначалась комната? Она отвела руку с факелом в сторону, чтобы пламя не слепило глаза. Осмотрела потолок, стены. Впереди на стене какие-то рисунки с изображением людей и животных... надо подойти поближе. Аня сделала шаг и оступилась, покачнувшись. Из-под ноги вылетел камень, ударился в стену и отскочил. Звук замер... и повторился уже приглушённым, эхом отозвавшись в пустоте. Аня остановилась, прислушиваясь, странно, здесь не должно быть эха. Она подняла факел выше над головой и глянула вниз... Боже! Еще шаг, и она улетела бы за камнем в колодец, на краю которого остановилась.

Держа факел над головой, Аня наклонилась и попыталась рассмотреть – что же там? Заглянув вглубь колодца, она увидела лишь непроглядный мрак и ощутила холод, тянущийся из бездны. Преодолев страх, взяла небольшой камешек и бросила вниз. Секунды через три донёсся слабый звук, как будто камень упал на что-то не слишком твёрдое. Это мог быть просто песок. Аня осмотрелась и, подобрав кусок почти истлевшей древесины, поднесла к факелу. Пламя тут же охватило сухую корягу, и девушка бросила её в колодец.

От падения пламя сбилось, и Аня напугалась, что оно совсем погасло. Но, коснувшись дна колодца, огонь на несколько мгновений ярко вспыхнул. Коряга прогорела очень быстро, но то, что увидела Аня, заставило её в ужасе отшатнуться. На дне котловины громоздились белые кости и черепа, что когда-то имели плоть и были живыми людьми. То была не могила, а просто свалка. Кто-то, избавляясь от тел, не побеспокоился об их захоронении, а как ненужный мусор сбросил в яму, даже не присыпав землёй.

Аня в панике бросилась обратно. Лучше в тот ужасный храм – там всё же свет. И пусть там враги, но они живые люди.

Она то и дело натыкалась на стены и тупики, которым не было конца. И, в конце концов, поняла, что заблудилась.

Аня в изнеможении сползла по шершавой стене, опустилась на корточки и заплакала. Горькими рыданиями, рвущимися из горла, зывала к себе сдерживаемая до сих пор жалость. Девушка вновь почувствовала себя маленькой и беззащитной. Глупая! Она решила бросить вызов здоровому крепкому мужику, да ещё магу! Зачем её понесло в темень неизвестного? Гаумата же говорил, что здесь нет выхода. А теперь? Мало того, что она находится глубоко под землёй, так ещё и заблудилась в остатках лабиринта. Теперь-то уж её точно никто не найдёт, и она умрёт медленной мучительной смертью, погребённая под толщами земли, от голода и жажды, а ещё скорее, от ужаса и страха. Как жаль, что она не догадалась прихватить в спешке что-то похожее на нить Ариадны. Или хотя бы рисовать стрелы на стенах, по которым можно было бы найти обратно выход.

Она плакала, размазывая по лицу пыль и копать.

Но, наконец, и слёзы иссякли. Судя по ощущениям, Аня находилась в лабиринте уже достаточно долго. Факел почти прогорел и только слегка

тлел, почти не давая света. Странно, а кто же меняет их в храме? Такая мысль впервые пришла ей в голову. Но Аня никого не видела, кроме слуги, приносившего еду. Надо понаблюдать, решила она. И тут же горько усмехнулась – если удастся вернуться.

Аня напряжённо вглядывалась в царившую кругом непроглядную темень. Ей вспомнились ночные привидения, но ведь и здесь тоже ночь.

Вверх по позвоночнику цепкими липкими лапками снова пополз страх. От сильного напряжения в глазах, мрак казался живым призрачным существом, которое неумолимо тянет к ней свои мерзкие щупальца. Сердце готово было разорваться от разрастающегося в нём ужаса.

– Это всего лишь темнота. Давай же не трясись, – дрожащим голосом пыталась успокоить себя девушка.

Речь её предназначалась тем чудовищам живым или бестелесным, что могли скрываться в темноте. Вдруг до её слуха долетел отдалённый шорох... Что это? Шаги? Сердце пропустило один удар. Аня вся превратилась в слух. А что если здесь во мраке действительно бродят монстры, невиданные на поверхности, при солнечном свете? Шаги, шурша, приближались. Всё ближе и ближе... Вот он... уже за поворотом. Аня подавила, рвущийся из груди крик, зажав рот ладонями.

Но из-за поворота вначале показался свет, а за ним и слуга, держащий факел над головой.

***

– Таким вот образом ты решила свести счёты с жизнью? – спросил её Гаумата. – Однако, какой странный способ ты избрала.

– Я заблудилась, – хмуро проворчала Аня.

– Если ты искала выход, то его там нет. Единственный вход, что сохранился – это тот, каким ты попала сюда. Но выйти тебе через него не удастся, так что не трать напрасно силы.

Всё существо Ани возмутилось. Да как он смеет распоряжаться её жизнью! Кто он такой, в конце концов?! Жалкий сумасшедший! Этот ничтожный тип, возмнивший себя богом и решивший, что может безнаказанно творить всё, что ему вздумается.

– Ты что, в самом деле уверен, что у тебя всё получится? – с вызовом, насмешливо сказала она.

– Я в этом не сомневаюсь. А ты надеешься на своего героя? Даже и не думай, – и, прищурившись, с улыбкой сказал: – Я им сегодня такое устроил, что они и до завтра в себя прийти не смогут.

– Так Макс здесь? – радостно воскликнула девушка. – Они ищут меня! И найдут!

– Мы ещё посмотрим, – подняв палец кверху, промолвил маг и удалился.

Аня осталась одна.

– Макс, любимый, ты ищешь меня. Я знала! И ты обязательно найдёшь меня, – с нежностью шептала девушка. Она с благодарностью помолилась, и сев на свое «ложе», призадумалась.

Она вспомнила колодец... кто же те люди? Одна догадка вертелась в голове, но то была лишь догадка. Господи, какое же это страшное место. Место, ставшее пыточной камерой и могилой для ещё совсем юных, не познавших жизни, людей.

Вечером, утолив жажду, Аня не притронулась к еде. Ко всему увиденному в лабиринте, добавилось её живое воображение. А при взгляде на еду, тошнота подкатывала к горлу. Аня панически боялась предстоящей ночи, но знала, что ни уйти, ни скрыться некуда. Призраки – это возможно, те юноши и девушки, ставшие жертвой критского мага во времена Миноса. И это их кости покоятся в колодце. Если они снова придут среди ночи, надо поговорить с ними, спросить, кто они и чего хотят от неё? Не надо бояться, они всего лишь несчастные души, что не могут найти упокоения. Так Аня пыталась успокоить себя и настроиться на предстоящую ночь. Хотя ей всё равно было страшно.

Среди ночи она снова проснулась, как от толчка. Призрачные фигуры снова плыли в полумраке храма, постепенно приближаясь. Морозец пробежал по коже.

– Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй, – в страхе зашептала девушка. – Ангел, мой хранитель, защити меня.

Прозрачная, туманная фигура остановилась в метре от неё и, словно в мольбе, протянула к ней руки. Аня, преодолев ужас, сковавший тело и волю, присмотрелась к призраку и увидела прозрачные слёзы, что капельками капались по туманному светящемуся лицу. Другие фигуры так же подплывали и простирали к ней в мольбе руки.

– Что вы от меня хотите? Кто вы? – дрожащим голосом спросила Аня.

И до её слуха донёсся лёгкий, словно шелест листвы, голос:

– Освободи нас...

– Но как? Что я могу сделать?

– Уничтожь амулет...

– Но у меня его нет... я не могу...

– Если маг произнесёт заклинание, мы останемся вечными его пленниками.

– Но, как я это сделаю? Он хочет и меня убить...

Но фигуры, молча, поплыли в обратном направлении.

16

Чтобы не быть замеченными врагом, воины высадились чуть западнее того побережья, где причалил пиратский корабль. Хирон уже знал, где находится пленница.

– Она в развалинах лабиринта, я вижу её в нижнем храме. Странно, что он не пострадал от разрушений. Но дорога к лабиринту осложнится из-за завалов. После землетрясения она совсем исчезла.

– Я знаю, как пройти, – воскликнула Эллис, – здесь есть тропинка. Мы с подружками бегали сюда купаться. А будучи детьми, часто ходили к развалинам играть. Родители нас наказывали, но мы всё равно убегали. Среди камней мы находили различные диковинные вещи. Поэтому знаю, как пройти.

– Хорошо, – согласился Хирон, – но как только покажешь тропинку, вернёшься на корабль. Впереди много опасностей.

– Но, может быть, я...

– Нет! Ты вернёшься, – нахмурившись, пророкотал кентавр.

И девушка смиренно опустила голову.

Оставив на корабле охрану, группа воинов во главе с Мироном отправилась в путь. Расстояние до Лабиринта предстояло преодолеть намного большее, чем пиратам. Пройдя вдоль берега, Эллис вывела группу на едва заметную тропу, ведущую между булыжниками.

– Эта тропинка доведёт вас до самых развалин, – сказала Эллис и спросила с надеждой: – А может, я всё-таки пойду с вами?

– Спасибо, Эллис. А теперь быстро возвращайся на корабль, – твёрдо повторил кентавр.

Отряд уверенно штурмовал сопки и скальные возвышенности. Некоторые из высот приходилось обходить из-за невозможности взобраться на них или из-за непроходимых зарослей. Но вот отряду открылась удивительно ровная поверхность, поросшая шелковистой, нежно-зелёной травой. В центре поляны, сверкая ровной водной гладью, серебрилось под лучами солнца небольшое озеро с песчаными жёлтыми бережками. Оно так и манило окунуться в прохладные глубины утомлённых путников.

– Осторожно, – сделал попытку предупреждения Хирон.

Но один из молодых воинов, сорвавшись с места, бросился к озеру.

– Я быстро, только напьюсь воды.

Подбежав, он опустился на колени, и, зачерпнув пригоршнями воду, жадно припал к ней губами. Вдруг тело его стало быстро засасывать в зыбучие пески. Юноша закричал, но тут же захлебнулся, погрузившись в мокрый песок с головой. Всё произошло так стремительно, что когда отряд опомнился, берег озера был таким же гладким и жёлтеньким. Воины метнулись к берегу.

– Назад! – закричал Хирон. И когда все в недоумении остановились, пояснил. – Это проделки мага. Он устроил нам ловушки, чтобы преградить дорогу. С этого момента все идут за мной шаг в шаг. Никто никуда не сворачивает и ничего не трогает. Аникериду, к сожалению, уже ничем помочь нельзя.

Двое молодых упрямых воинов, послушавшись, метнулись, было, к берегу в надежде найти друга, но старшие и опытные друзья остановили их, крепко скрутив. Закалённые в боях воины сурово что-то втолковывали юным бойцам. Решительность, написанная на упрямых лицах, постепенно сменилась обречённой покорностью. Угрюмо, ещё раз взглянув в сторону озера, они повернули обратно.

Отряд, соблюдая осторожность, двинулся дальше. Но странное дело: сколько бы они ни шли, лесные заросли, виднеющиеся впереди, оставались на одном и том же месте, не приближаясь ни на йоту. Хотя озеро давно скрылось за холмом.

– Что за чертовщина? Идём уже часа четыре, а всё как будто на одном месте, – с досадой промолвил Макс.

– А мне кажется, – сказал Патрокл, – что мы только что отошли от озера, а солнце уже движется к закату.

У всех в отряде было разное восприятие времени, но каждый ощущал нереальность происходящего.

– Это маг окружил нас вытянутым пространством, – пояснил Хирон, – скоро ночь, нам лучше расположиться на отдых. А я подумаю, как выбраться из создавшейся ситуации.

Подавленные и уставшие, путники разбили лагерь. Поужинав, многие улеглись вокруг костра, сморённые сном.

Макс с Мироном тихо переговаривались, а Хирон, отойдя от костра, смотрел в звёздное небо.

Весь лагерь отдыхал, и только красавец Патрокл хмурил брови, прислушиваясь к ночным шорохам. Чуть позже его сменил другой часовой.

Перед рассветом, в самое тёмное время суток, когда, случается, даже часовые засыпают на посту, Хирон тихо разбудил друзей.

– Маг сейчас спит, и мы можем выбраться из заколдованного круга.

– Откуда ты знаешь, что он спит? – недоверчиво спросил один из молодых воинов.

– Знаю! – тихо, но твёрдо сказал Хирон. – И этого достаточно. Кроме того, он тоже человек и сон ему необходим. А сейчас быстро и бесшумно идите за мной.

И кентавр в кромешной тьме уверенно зашагал, повернув под прямым углом в сторону от прежнего маршрута. Совсем скоро отряд вышел к зарослям какого-то кустарника. Преодолев заросли, путники в замешательстве остановились – им открылся бескрайний простор океана.

– Во, дела! – воскликнул Макс. – Где мы?

– Мы же должны быть внутри острова, – поддержал его Патрокл.

На горизонте, над самой кромкой воды, уже высветлился небосвод.

– Да, друзья, мы оказались на восточной стороне острова. Маг пытается затуманить наш разум. Как он это делает – не могу объяснить, но знаю, что это возможно. Он и в дальнейшем будет препятствовать нам. Поэтому запаситесь терпением. Нам потребуется вся собранность и сосредоточенность. Идите старайтесь осторожно, на каждую мелочь обращайтесь внимание. И помните: ничего не трогать, ни поднимать никаких предметов. К водоёмам без моего разрешения не подходить. Все понятно? – спросил он и, получив молчаливое согласие, произнёс: – Тогда в путь.

С рассвета до полудня отряд преодолел значительную часть пути. Это расстояние они прошли без приключений. В полдень, чтобы отдохнуть и пообедать, расположились у небольшого родника. Хирон опустил в родник ветку, затем поймал букашку и бросил в воду. Букашка благополучно добралась до ветки и, взобравшись на гладкую поверхность листика, замерла, поводя усиками. Вода была пригодна для питья.

Пообедав, путники отправились дальше. Спустя какое-то время дорогу им преградили высокие скалы. Немного посоветовавшись, воины решили совершить марш-бросок через перевал. Если идти в обход, то пришлось бы затратить ещё день пути.

Осторожно по петляющим тропам и крутым каменистым уступам, они поднимались всё выше. Параллельно скале, по которой двигался отряд, пролегалла другая такая же гряда, а внизу в ущелье бежал бурлящий горный ручей.

Воинам пришлось выстроиться и идти цепочкой по очень узкой тропе. Иногда из-под ноги выскакивал камень и, сорвавшись, летел в ущелье. Иногда кто-то оступался, но дружеская рука тут же приходила на помощь. Наконец отряд выбрался на небольшое плато, где воины смогли передохнуть от напряжения и обсудить дальнейший путь.

Случайно бросив взгляд на противоположные скалы, Макс чуть не прыгнул в пропасть, но его вовремя удержала рука Мирона.

Прикованное к противоположной скале, тело Ани безвольно поникло, удерживаемое ремнями. Облако волос скрывало её лицо и туловище. Но, странное дело, хотя в горах был небольшой ветерок, волосы жертвы свободно свисали вдоль тела, не колеблясь даже самую малость.

– Энни! – крикнул Макс, и, если бы не руки друзей, готов был сигануть в ущелье.

– Успокойся, – сказал тихо Хирон, – это мираж. Маг хотел бы погубить нас, и как можно больше. Даже хитростью. Помнишь, он уже являл вам так себя.

И подняв лук, метнул стрелу. Макс только дёрнулся в направлении кентавра, но стрела прошла сквозь тело Ани и упала, отскочив от скалы. Изображение замерцало, заколебалось и исчезло.

Где-то над головами у них что-то загрохотало.

– Прижаться к скале! – крикнул Мирон.

Отлично обученные воины, привыкшие беспрекословно подчиняться команде, молниеносно отскочили, кто на тропу, кто, прижавшись к скале. Мирон резко дёрнул растерявшегося Макса за руку и отбросил к скале. Все случилось в мгновение, а следом град камней обрушился на плато, где находился отряд. Двое воинов, отскочившие на тропу, были сброшены обвалом в ущелье. Тропа впереди и часть плато были завалены камнями.

– Я думаю, что все поняли, как стал опасен путь, – мрачно сказал Мирон, – я лишь хочу повторить слова Хирона: каждый должен удвоить своё внимание, силу и волю.

– Маг постарается уничтожить отряд, – подтвердил Хирон, – обвал, как вы догадались, тоже не случаен.

– А что же с погибшими? – взволнованно сказал Макс. – Мы что, так и бросим их?

– Позже, оставшиеся в живых вернутся и совершат обряд погребения, – хмуро сказал Патрокл.

Макс удивлённо посмотрел на него, как бы говоря: «И только-то?»

– Маг всеми силами старается задержать нас в пути, – напомнил Хирон, – но нам, во что бы то ни стало, надо успеть до полнолуния. Макс, я понимаю твои чувства, мы так же скорбим о друзьях, но помочь им уже нельзя. Если мы не поспешим, то твоя подруга погибнет.

Закончив с разборкой завала, отряд двинулся дальше. Преодолев перевал, они спустились в долину. За горами уже скрылось солнце, и, как это бывает в горах, резко наступила ночь.

Макс отошёл от костра и прилёг в траву на пригорок. Его взгляд тонул в молчаливом холодном мерцании звёзд. Мысли его были рядом с Энни. Где она? Что с ней? Вдруг она испытывает невыносимые страдания, а он не может сию же минуту прийти на помощь. От таких мыслей становилось ещё мучительнее.

– Энни, ну где же ты? Хоть отзовись? – с болью и невыносимой тоской в сердце прошептал он.

Господи, хоть бы словечком обмолвиться с ней, услышать родной голос...

Чистое пожелание, исходящее из самого сердца, устремилось ввысь, и было услышано...

Максу показалось, что он на мгновение задремал, погрузившись в лёгкое непрочное состояние сна. Но он чётко видел, что находится в каком-то незнакомом помещении среди мрачных статуй, изображавших не то животных, не то людей. Помещение слабо освещалось горящими факелами.

– Я здесь, Макс, – услышал он до боли родной голос.

Макс круто повернулся и увидел её... Энни, милая родная Энни. Она сидела, подогнув колени в углу какой-то ниши, прижав руки к груди, и в изумлении смотрела на него. Макс бросился к ней и с размаху налетел на невидимую преграду. Он посмотрел перед собой, но ничего не обнаружил. Протянув руки вперёд, вновь почувствовал упругость и плотность воздуха, что стал препятствием на его пути к любимой.

– Я иду к тебе, милая. Жди меня, – тихо промолвил он, глядя ей в глаза. И очнулся.

Что же это было? Сон и не сон. Так все чётко и ясно...

На рассвете, лишь только трепетные крылья зари развернулись нежными всполохами, маленький отряд под командованием Мирона уже давно находился в пути.

– Полнолуние будет уже этой ночью. И если мы не поторопимся... – Хирон не договорил начатую фразу – всем и так было понятно, о чём он.

– Мы уже близко, я чувствую это, – сказал Макс.

– Но как? – удивлённо посмотрел на него Хирон.

– Такое ощущение, как если бы приблизить два магнита, и они начинают притягиваться.

– Поразительно, – изумился Хирон, – так могут ощущать только оракулы с огромным опытом.

Макс пожал плечами.

– Ну да, что же удивительного? – продолжил кентавр. – Сердца влюблённых всегда поражали великие умы своей проницательностью и чувствительностью. Когда человек любит, сердце его обнажено.

К полудню отряд подошёл к развалинам Кносского дворца. Каждый из путников старался осторожно ступать по сохранившимся ступеням и плитам, чтобы не нарушить покой и память древних жителей этих мест. Они с интересом рассматривали бывшее великолепие дворца, как и Аня несколько дней назад.

Мужчины любовались росписью, что сохранилась на стенах. Внезапно рухнула одна из арок, которая казалась крепкой и нерушимой. Просто чудо, что никто не пострадал. Но данный инцидент послужил уроком. Расслабившиеся было воины, вновь внутренне подобрались и приготовились к любым неожиданностям. И как оказалось не напрасно.

Макса преследовало странное чувство тревоги. Он остановился, прислушался, посмотрел вокруг... Откуда же такое гнетущее чувство опасности? С неба ярко светило солнце, кругом благоухали цветы, пели птицы и порхали бабочки. Воины уже ушли вперёд, и только Хирон остановился у одной из стен, рассматривая фрески и что-то вспоминая.

Вдруг животный страх сковал руки и ноги Макса, он не увидел, а скорее почувствовал, как что-то тёмное и страшное разрослось под плитами, на которых стоял кентавр. Казалось, само пространство, окружавшее их, завибрировало. Кентавр удивлённо оглянулся.

– Хирон! Назад! – крикнул Макс.

Дальше всё произошло, как в замедленном кино. Хирон не успел сделать и шага, как плиты под ним зашатались, раздался страшный треск, скрежет ломающихся камней, и вся площадка рухнула, увлекая за собой кентавра. Он ушёл вниз, не успев даже вскрикнуть.

– Хиро-о-он! – дико закричал Макс и бросился к краю обрыва.

Но в клубах пыли, поднявшихся и заполнивших воронку, ничего нельзя было рассмотреть. Подбегали другие воины, кричали, звали Хирона, но он так и не откликнулся.

Гибель Хирона, которого все привыкли считать бессмертным, полубожеством, потрясла всех до единого. Воины с младенческих своих лет знали его. Кентавр за время их жизни даже не состарился. Казалось, что он вечен и с ним ничего никогда не случится, но вот...

– Что же нам Ахилл скажет? – со слезами на глазах, произнёс Патрокл, опускаясь на колени перед провалом.

– Хирон ему был, как отец, – скорбно подтвердил Мирон, но, преодолев себя, упрямо добавил, – но всё же, нам надо спешить, друзья. Необходимо отыскать вход в лабиринт. Ведь помощи от Хирона уже ждать не приходится.

– Вход где-то здесь. Рядом, – промолвил Макс и указал, куда следует идти.

Отряд двинулся в указанном направлении. Но неожиданно, со всех сторон на них напали чужаки. Эти люди были все вооружены мечами и выглядели опытными воинами. Их численность вдвое, а то и втрое превышала отряд Мирона.

Друзья заняли круговую оборону, и начался отчаянный бой, который длился до самого вечера.

Нападавшие были не так сильны и искусны в бою, как воины Мирона, но они превосходили численностью.

Максу пошли на пользу уроки с мечом и помощь новых друзей. Он ни в чём не уступал опытным воинам, а врагов намного превосходил в силе и ловкости. Временами он использовал элементы рукопашного боя. Сражение оказалось долгим и изматывающим. Враги то нападали, то отступали, давая себе и противнику короткое время для отдыха и передышки. Макс с воинами-мирмидонцами хотелось как можно быстрее закончить с боем, но преследовать врагов оказалось невозможным. Как только воины начинали яростно атаковать, противники вдруг исчезали, словно растворяясь среди древних развалин. А затем так же неожиданно вновь появлялись и нападали с новыми силами. Но с каждым разом чужаков становилось всё меньше. А бои всё короче и ожесточеннее.

К исходу боя Макс уже не ощущал руку в плече. Казалось, она действует механически. Но вот и последний из врагов повержен. Бойцы остановились, тяжело дыша. С ног до головы они были забрызганы кровью. И трудно было разобрать, где своя, а где чужая.

Макс медленно, почти ничего не видя перед собой, побрёл вперёд. Упал в изнеможении лицом в траву и затих. Сердце бешено колотилось. Болел каждый мускул в спине ногах и руках. Напряжение постепенно уходило. «Если мне посчастливится вернуться в своё время, – думал он, – мне уже не надо будет брать уроки фехтования, чтобы сняться в какой-нибудь из сцен. Я сам могу подрабатывать тренером».

– Макс, нам надо спешить, уже почти стемнело.

– Да, я готов, – ответил тот, поднимаясь.

– А ты молодец! – похвалил Мирон. – Ты был равен с опытными воинами. Я бы взял тебя в свой отряд.

– Благодарю, – проворчал Макс, – только в отличие от вас, я свалился в изнеможении.

– Потому что это твой первый бой. Так бывает с каждым.

Макс во главе отряда уверенно зашагал по тропе, которой совсем недавно шла Аня. Под ногой что-то хрустнуло, и он, наклонившись, поднял заколку, которая потерялась, когда девушку несли без сознания вниз головой.

– Вход где-то рядом, – сказал Макс.

Скоро они увидели каменные рога, а под ними вход в лабиринт. Взяв в руки зажжённые факелы, воины начали спуск в подземелье.

Аня не знала день сейчас или ночь, утро или вечер. В подземелье она видела только коптящие факелы. Ей приносили еду и питьё, и только тогда она определяла примерное время суток. Если же она уставала бродить по храму и рассматривать достопримечательности, то ложилась в свой уголок и засыпала. Затем, просыпаясь, снова ходила по храму и размышляла. Вот бы у неё был фотоаппарат, чтобы заснять реликвии для истории. Это ведь такая древность... возможно древнее египетских пирамид, до сих пор поражающих людей своей таинственностью.

Но чаще всего она думала о Максе, мечтая, что однажды он ворвётся в эти стены и спасёт её, как настоящий герой. Помнит ли он о ней? Ищет ли? Она гнала все сомнения прочь, помня, что ей сказал Посланник. В такие минуты она устремляла взор и мысли ввысь и читала слова молитвы, которую ей оставил в памяти Ангел.

Так однажды, закончив молитву, она испытала сильнейшее чувство тоски и желание, хоть на мгновение увидеть друга. И тогда перед ней предстала полупрозрачная фигура Макса.

– Я здесь, Макс, – позвала девушка.

Короткое видение, и он исчез тогда так же внезапно, как и появился. Но с той минуты в душе девушки поселилось ликование, что давало силу и надежду. Жаль, конечно, что он исчез, но он успел сказать, что идёт к ней. И поэтому она больше ничего не боится. И наконец-то, впервые за долгие дни, сон её был спокойным и крепким.

Слуга, как всегда, принёс поднос с едой. Проснувшись в хорошем настроении и окрылённая надеждой, Аня с удовольствием съела всё, что ей принесли. Фрукты и виноград послужили вместо питья, а воду из кувшина она использовала для умывания. Как же хотелось встать под душ или окунуться в мягкие, ласкающие волны океана. А рядом с собой она представила Макса, такого сильного, крепкого, загорелого...

Размечтавшись, она не заметила, как вошёл Гаумата и наблюдал за ней.

– Прекрасно, просто прекрасно, – с усмешкой произнёс он.

Аня встрепенулась и повернулась к нему.

– Что тебе надо? – спросила она и смутилась, как будто её поймали на месте преступления.

– Ах, молодость, молодость, – вздохнул Гаумата. – Мечты юных всегда одинаковы и не меняются на протяжении веков.

– Тебе-то что до них? – возмутилась девушка. – Что ты как вор, ходишь, подслушиваешь, подсматриваешь и крадёшь чужие мечты? Это потому, что изначально в твоей чёрной душе нет ничего светлого. А в твоей голове только грязь и копать.

– Довольно! – грозно прикрикнул маг. – Сегодня полнолуние. И я завершу обряд, ради которого ты здесь. Готовься.

Ужас вновь пробрался во все уголки каждой её клеточки.

– Какой обряд? Ты что, собираешься убить меня? Как тех афинских юношей и девушек? Но почему я? Я ведь из другого времени, и моя кровь не поможет тебе. Я ведь ещё как бы и не родилась.

– Ты ошибаешься, девочка. В вечности нет ни прошлого, ни будущего. В вечности всё существует здесь и сейчас. Для вечного космического Разума все события, что для людей были, есть и будут, для Него все происходит в настоящем.

«Так вот почему Хирон ходил посмотреть в вечность, как он тогда сказал», – подумала Аня. А маг продолжал:

– И мой предок окроплял амулет кровью людей, рождённых не в одно время. Юношей и девушек ему доставляли в Лабиринт через каждые девять лет. А твоя кровь завершит обряд и добавит амулету ещё большую силу. Между теми людьми и тобой лежат многие тысячелетия. И очень важно, что амулет много лет хранился в твоей семье, напитываясь вашей энергией.

Аня совсем пала духом, но как тонуший хватается за соломинку, она спросила:

– А где чётки?

– Они у меня. Когда вы переместились во времени и были без сознания, я взял их у вас.

– Но почему ты не похитил меня тогда же?

– Твой герой помешал мне. Он быстро очнулся, почти сразу же, и я еле успел скрыться.

– И ты носишь чётки с собой?

– Да, вот они, – улыбнулся старик и достал из кармана, спрятанного в складках балахона, чётки. – Но не надейся, что завладеешь ими. Да и выбраться отсюда тебе не удастся.

И маг ушёл, оставив Аню одну.

Неужели это конец? Макс не успел её найти, обречённо подумала узница.

Весь остаток дня Аня провела в размышлениях, ожидании и молитве. Всё ждала чуда, что Макс с воинами вот-вот найдут её и освободят. Но они всё не приходили. Что же делать? Если она сейчас пойдёт и скроется в переходах лабиринта, то её все равно отыщет маг, как уже было однажды. А если не найдёт, то она умрёт от голода и жажды медленной и более мучительной смертью. Пусть уж лучше быстро, раз ей это суждено.

А вдруг в последнюю минуту Макс всё же придёт, а её нет? И Аня решила ждать: будь, что будет.

***

Сначала послышался отдалённый стук барабанов. Постепенно звук нарастал и становился всё громче и отчётливей. Со всех сторон, словно ниоткуда, появлялись люди в длинных, скрывающих лица, балахонах. «Наверное, жрецы», – подумала Аня. Она забилась в угол своей ниши и прикрылась покрывалом, оставив открытыми только глаза.

Из-за статуи Минотавра вышел Гаумата и остановился. Барабаны стихли. Он подошёл к небольшому углублению в полу и вложил в него амулет, жестом отдал приказ, и к пленнице направились два жреца.

Девушка ещё крепче вжалась в стену. Но жрецы крепко схватили её за руки и рывком поставили на ноги, отбросив покрывало. С силой подтащили её к магу. Аня сопротивлялась изо всех сил, отчаянно извиваясь в крепких, как стальные тиски, руках. Она упиралась ногами во все препятствия, что встречались на пути. Жрецы подтащили её к двум столбам, что располагались как раз напротив фигуры Минотавра. Они затащили ноги и руки пленницы кожаными ремнями, другим оплели её талию и, продев ремни в скобы, закрепили узницу между столбами.

Девушка пыталась высвободить руки из пут, стягивающих запястья, но они только больнее врезались в кожу. Она медленно подняла голову и оказалась лицом к лицу с Гауматой, что стоял между ней и каменной фигурой. Опустив глаза вниз, она заметила, что ноги её помещались в небольшом углублении, от которого тянулись две канавки под небольшим уклоном и сходились к круглой выемке, где сейчас лежал амулет.

«Так вот как он убивал свои жертвы, – промелькнула мысль, – жаль, что об этом так никто и не узнает».

Аня ещё раз посмотрела в пустые отрешённые глаза мага и поняла, что молить о пощаде, грозить, пытаться убедить его в чём-то – столь же бесполезно, как обращаться к каменным жутким истуканам и идолам, наполнявшим подземелье.

Гаумата сделал знак жрецу, и тот приблизился к ней. Он резким движением сорвал с пленницы футболку, обнажив до пояса. Аня закричала от стыда и боли, от наглой бесцеремонности, что позволяли себе эти существа в человеческом обличии. То же самое жрец попытался проделать и с джинсами, но ткань оказалась очень крепкой, а с замком он был не знаком. Поэтому, подцепив пояс джинсов остриём ножа, распорол их в нескольких местах. И дёрнув, сорвал их так же, как футболку. На девушке осталась только тонкая полоска белья. Она опустила голову, и волосы плащом укрыли её.

– Господи! Помогите! – рыдая, взмолилась Аня.

Вдруг жрец в изумлении отпрянул и, как ужаленный, отскочил от Ани. Она с удивлением смотрела, как другие жрецы, обнажив ножи, пытались приблизиться к ней. Но, закричав, так же отбежали прочь.

– Подойдите сзади и снимите с неё крест! – зло прошипел Гаумата, начав читать заклинание.

Один из жрецов приблизился к жертве сзади и уже прикоснулся к цепочке, чтобы разорвать её, но с диким криком отдёрнул руку.

У выхода из Лабиринта послышались голоса, а затем стук. Через мгновение сильнейший удар сотряс всё подземелье, и дверь с грохотом отлетела. В подземный храм ворвались Макс и воины. Одного взгляда им хватило, чтобы разобраться в происходящем.

– Вау! Знакомое помещение, – воскликнул Макс.

Он тут же бросился к подруге, но дорогу ему преградили несколько жрецов, с которыми он вступил в сражение. Между воинами и жрецами завязалась ожесточённая схватка.

Гаумата до последнего надеялся, что ему не помешают. Он столько ловушек расставил на пути Аниных друзей, что почти был уверен в их гибели. Но вот поди ж ты... Во что бы то ни стало ему требовалось закончить обряд, на достижение которого он потратил столько сил и времени. Он подозвал своего слугу.

– Ты можешь с расстояния, точным ударом попасть ей в сердце?

– Да, мой господин, – и обнажил жертвенный нож.

Но ему тут же пришлось отбиваться от налетевшего воина.

Аня, увидев Макса, радостно рванулась изо всех сил, но, ощутив несокрушимую крепость ремней, в отчаянии взглянула на мага. Гаумата поймал её взгляд и, удерживая его в своих чёрных глазах, что-то прошептал. Голова девушки склонилась на грудь, ноги подкосились, и она безвольно повисла, поддерживаемая ремнями.

Открытые участки тела у Макса кровоточили от многочисленных царапин и ран. Но своя кровь давно смешалась с вражеской и покрывала его с головы до ног. Впрочем, он мало чем отличался от своих друзей. Но вот, сразив ещё одного противника, он подбежал к Ане. Опустившись перед ней на колени, убрал волосы с её лица и приподнял подбородок.

– Энни, милая, очнись. Всё уже закончилось, и ты спасена.

Он обхватил её поперёк туловища и, придерживая, срезал ремни. Аня безвольно упала в его объятия, и тут он почувствовал лёгкий, едва уловимый толчок в затылок. Макс покачнулся и начал медленно падать...

***

Тело его вдруг потеряло вес. Какая-то сила оторвала от пола, и он взмыл под потолок. Макс удивлённо оглянулся и увидел себя, лежащего на полу между столбов и держащего в объятиях Энни.

Время словно остановилось, и место сражения показалось шахматной доской с беспорядочно расставленными фигурами, замершими без движения. Казалось, что вот-вот рука игрока протянется и переставит фигуры в нужном порядке.

В следующее мгновение неведомая сила потянула его вниз к амулету, лежащему в углублении. Макс не успел даже удивиться или испугаться, а только подумал: «Вот сейчас разобьюсь». Но, соприкоснувшись с амулетом, он не разбился...

Амулет быстро увеличивался... Он рос прямо на глазах. А потом, как магнитом, Макса потянуло внутрь. Он почувствовал себя Джином, но не выходящим из бутылки, а втягиваемым обратно.

Всё происходило словно во сне и не во сне. Макс смотрел вокруг и не мог понять – где же он? Со всех сторон возвышались огромные скалистые стены, сходящиеся куполом над головой. Мрачное и пустынное место. Узкая тропа проходила между скалами и скрывалась за поворотом.

Необычный, шевелящийся, клубящийся, точно живой, туман скрывал ноги до коленей. Осторожно ступая, Макс пошёл вперёд. Он всей кожей ощущал множество взглядов, устремлённых на него из трещин, расщелин и пещер. То ли шорох, то ли шёпот достигал его ушей...

– Это он...

– Он пришёл...

Макс настороженно вертел головой, прислушиваясь к голосам. Нельзя сказать, чтобы он испугался, но чувство оцепенения слегка сковывало. Но вот скалистые стены отступили, и перед ним открылась долина. Окутанная как бы вечерними сумерками, долина была залита густым, как молоко, туманом. В центре просматривался островок, окружённый широким рвом. Прикинув на глаз, Макс понял, что без моста или каких-либо приспособлений, ему не перебраться на остров. А зачем? – вдруг возникла мысль. Но тут он заметил, что на острове кто-то есть. Макс напряг зрение, но сквозь молоко тумана, невозможно было ничего рассмотреть.

Тогда ему вспомнились занятия по аутотренингу. Макс сосредоточился и представил, что туман расходится, уползает... И вдруг, как бы услышав его, туман зашевелился, подобно белому медведю, пробудившемуся от спячки. Белая масса за клубилась, задвигалась и медленно поползла к острову, прячась и скрываясь во рву.

Макс оторопел... его Энни, так же, как и в подземелье, прикованная к столбам, находилась в центре острова. Ноги подкошены, голова опущена, и волосы плащом укрывали безвольное тело. А перед ней, спиной к Максусу, стоял мужчина в длинном чёрном плаще. Чёрные волосы спускались ниже плеч.

– Эй! – крикнул Макс. – Ты кто? Освободи девушку!

Человек медленно обернулся. Это был мужчина средних лет с резкими чертами лица. Как у большинства брюнетов, у него были тёмно-карие, почти чёрные глаза. Рот его скривила ухмылка.

– Я ждал этого тысячу лет. А ты просишь отпустить её?

– Я не прошу, а требую! – Макс ещё раз оглядел его с головы до ног. – И кто ты такой?

– Я Абдерос! Великий маг Крита!

– Похоже, здесь вокруг одни «великие» маги, – с иронией усмехнулся Макс. – Ты знаешь, я с одним таким уже даже знаком. Надо же! А тут ещё один! Не много ли «великих» для одного острова?

– Молокосос, – гневно прошипел Абдерос, – да что ты можешь знать о величии? И о тысячелетних муках одиночества, когда ты заключён в ограниченном пространстве гением своей же мысли.

– Ты сам загнал себя сюда и ещё жалуешься? Пытаешься сорвать зло на других?

– Скоро я стану властелином мира!

– Знакомая песня, – кивнул, соглашаясь, Макс, – очередной бред сумасшедшего.

Он снова посмотрел в сторону Энни. Что-то напоминала её скорбно склонившаяся фигура. Где-то он уже видел это... точно! Изображение на скале, когда случился обвал. Но как же перебраться на остров? Он оглянулся в поисках чего-то, что помогло бы решить проблему. И тут до его слуха донёлся размеренный стук копыт. Макс обернулся и увидел, как из тоннеля позади него выбежал Хирон.

– Садись мне на спину, я помогу тебе.

Макс бросился к кентавру и обнял его.

– Хирон! Ты жив! Как же ты огорчил нас, – радостно воскликнул Макс, – мы думали, что ты погиб.

Хирон грустно опустил голову. Затем, вздохнув, положил руку на плечо друга.

– Мой жизненный путь на земле закончен. Но здесь я ещё могу помочь вам. Садись ко мне на спину.

– Хирон, если бы не мы, ты бы ещё жил. Мне так больно и безмерно жаль...

– Не кори себя, ибо так предначертано... Так должно было случиться, и я всегда об этом знал – с тех пор, как принял эстафету от деда. Но у меня мало времени, мой народ ждёт меня. Садись.

Макс вскочил к нему на спину, и кентавр, разбежавшись, легко перемахнул через ров. Спрыгнув, Макс хотел уж было бежать к Ане, но Хирон остановил его.

– Я ухожу, мне пора. Больше ничем не смогу тебе помочь. Я счастлив был встретить тебя и Энни.

– Хирон, мы расскажем людям будущего о тебе. Ты будешь всегда в памяти землян.

Кентавр пристально посмотрел на Абдероса, который, казалось, не обращает внимания на присутствующих.

– Ты всё преодолеешь, – сказал Хирон Макс, – прощай.

И ещё раз оглянувшись, кентавр Хирон исчез в тумане навсегда.

Казалось странным, что маг бездействует, не пытается напасть. Он напоминал сторожевого пса, замороженно стерегущего нарушителя.

Макс искоса взглянул на Абдероса и побежал к Энни. Но у мага внезапно появилась огненная плеть. Он взмахнул, и плеть со свистом обвилась вокруг щиколотки Макса. Абдерос дёрнул плеть на себя, и молодой мужчина упал, не добежав до подруги. Он зашипел от боли, а на ноге остался след от ожога. Макс вскочил и в гневе бросился на мага, но налетел на невидимую стену. Это была не та упругая стена, что не пускала его во сне к Ане. Эта была твёрдой и становилась видимой, как стеклянный купол, при малейшем прикосновении.

Несколько раз Макс бросался то к Ане, то на Абдероса с кулаками, когда тот огненной плетью, раз за разом, останавливал его. Но все попытки оставались безрезультатными, молодой мужчина не мог приблизиться к противнику. Маг же хохотал во всё горло, издеваясь над неопытностью молодого человека.

– Я думал, что ты воин, как это было предсказано, и что-то из себя представляешь. А ты, шенок, даже подойти ко мне не можешь.

Макс, тяжело дыша, зло посмотрел на Абдероса и, отойдя в сторону, в изнеможении опустился на остров. Он ещё раз глянул на девушку и с отчаянием взмолился:

– Господи! Ну что же мне делать? Как спасти Энни? Помогите мне, научи меня.

И тут он почувствовал, что в ребро ему что-то давит. Он опустил взгляд и ошел: в ножнах был меч, которого секунду назад, он мог поклясться, не было.

«Странно, – подумал Макс, – я же его выронил, подхватив падающую Энни, когда срезал ремни».

Но времени на размышления не было. В мозгу лишь сверлила одна мысль – почему Абдерос не нападает сам? Макс выхватил меч и снова бросился на врага. Размахнувшись, он ударил по невидимой преграде, что окружала Абдероса. И, странное дело, лезвие меча вдруг засветилось голубым лазерным сиянием. Преграда вокруг мага издала звук, похожий на лопнувший пузырь, и исчезла. На мгновение в глазах Абдероса отразился страх. Но он тут же пришёл в себя и из складок балахона выхватил меч. Лезвие его меча высветилось мрачным багровым светом.

– Мне очень не хотелось убивать твою душу, – прохрипел маг, – а тебя удивляло, что я не нападаю первым. Как ты, видимо, уже понял, здесь находятся только души. Твоя душа пригодилась бы мне здесь для ещё большей силы амулета, когда я выйду на волю. Но видимо придётся с тобой расправиться окончательно. Эта девушка уже принадлежит мне. Как только Гаумата, совершив обряд, убьёт её, она будет вечно принадлежать мне.

– Ты ошибаешься. Каждая душа, даже такая ничтожная, как твоя, принадлежит Всевышнему. А ты – жалкий безумец, возомнивший себя властелином мира! Твой родственничек, кстати, такой же. Он тоже мечтает о власти, но даже и не предполагает, что является орудием в твоих руках. Ты его обвёл вокруг пальца. Поздравляю.

И Макс бросился в атаку, скрестив свой меч с мечом Абдероса. Маг оказался достойным противником и не уступал молодому мужчине. Бой был упорным и равным, с небольшим перевесом то в одну, то в другую сторону. Силы у Макса начали сдавать. Абдерос понял это и сделал обманное движение. Юноша споткнулся и упал. Маг победно взревел и бросился на противника, занося меч сверху. Макс сгруппировался, как его учил Ахиллес, и, подкатившись под ноги магу, вонзил в него свой меч, направляя острие снизу-вверх. Удар же Абдероса пришелся в то место, где за мгновение до этого лежал Макс. Абдерос удивлённо расширил глаза.

– Не может быть, – прохрипел он и свалился в ров, на краю которого стоял. Его тут же поглотило плотное молоко тумана.

Макс вложил меч в ножны и побежал к Ане. Он снова освободил её от ремней, и девушка, не приходя в себя, упала ему на руки.

– Я здесь, Энни, очнись.

Но сколько он ни звал её, сколько ни тормошил, девушка оставалась в забытьи. Тогда Макс подхватил её на руки и, прижав к себе, отправился обратно. Дойдя до края рва, он остановился в замешательстве.

– Как же нам вернуться?

И перед ним, как когда-то перед Аней, появился сияющий Посланник. Он шёл так же спокойно через ров, как тогда по воздуху. И улыбался. Макс с восторгом и удивлением смотрел на него. Ангел подошёл и протянул руку к Ане. Но Макс недоверчиво отстранился.

– Не бойся, – тихой музыкой прозвучал голос Посланника, – я освобожу её от заклятия.

Он провёл рукой вдоль тела девушки, и на ней появилась длинная туника. Затем коснулся головы, и Аня открыла глаза.

– Ангел, – прошептала она, улыбаясь, – ты снова здесь?

– Я всегда был рядом с тобой, – ответил он.

Аня перевела взгляд на друга.

– И Макс тоже здесь, – и обняла его за шею. Он же в ответ только крепче прижал её к себе.

– Макс, ты должен вернуть меч, – обратился к нему Посланник.

– Так это твой меч? А я-то гадал, откуда он взялся?

– Этот меч принадлежит воинам Света. А ты один из них. На земле в разных странах вас называют по-разному: витязи, рыцари, герои...

– Я?

– Да ты. Только этим мечом ты мог победить чёрного мага. А держать в руках его может только истинный воин Света.

– Но я обычный парень и оказался здесь случайно. Это Энни была нужна магу.

– Ты был послан Творцом в помощь светлой душе.

Посланник протянул руку, и меч засветился, оказавшись у него в деснице. А затем так же неуловимым образом исчез.

– А сейчас пойдём, я проведу вас.

Посланник положил руку на плечо мужчины, и они легко прошли через ров.

– Помните, амулет надо уничтожить, – донёсся до них чистый голос Ангела.

18

Макс открыл глаза и встретил счастливый и лучистый серо-зелёный взгляд. Он по-прежнему лежал между столбами и держал Аню в объятиях.

Вокруг так же шёл бой: раздавался ляг мечей, громыхали разбитые статуи идолов, слышались проклятия и ругань.

Макс, приподнявшись, огляделся, прикрывая собой полуобнажённую подругу. Мирон на ходу бросил им покрывало, что долго служило Ане одеялом, и продолжил схватку. Всё вокруг выглядело так, словно Аня с Максом никуда не исчезали и не отлучались. По крайней мере, их отсутствия

никто не заметил. Макс вспомнил, как он видел бой со стороны, словно стоп-кадр. Потом его медленно втягивало в амулет, а фигуры всё не двигались... Чепуха какая-то. Он тряхнул головой, избавляясь от ненужных в данную минуту мыслей, и накинул на Аню покрывало.

– Макс, берегись! – донёлся до него голос Патрокла.

Он тут же вскочил, закрывая собой подругу, и принял на свой меч удар. Но схватка длилась недолго, и пронзённый мечом жрец вскоре упал у ног Макса. Постепенно и вся битва стала сходиться на нет. В живых, со стороны противника, оставалось несколько человек и маг. Гаумата уже не читал заклинание, а пытался защитить себя и взять из углубления амулет.

Макс подбежал к амулету и со всего размаха вонзил в него меч. Хотя золото, из которого был отлит амулет, и является мягким металлом, но от удара он рассыпался на мелкие части. Сначала частички золота ярко сверкнули в свете факелов, а затем, каждый осколочек, принимая округлую форму, как если бы кто плавил металл, закружился на месте и, оторвавшись от поверхности, медленно поплыл, устремившись ввысь. И чем выше поднимались плазменно-воздушные пузырьки, тем прозрачнее и невесомее становились. Воспарение сопровождалось непонятными звуками, похожими на отдалённые крики чаек, залетевшими далеко от берега в море.

Всё, кто был в подземелье, замерли, наблюдая необычное зрелище. А пузырьки, поднявшись под своды храма, не остановились, а легко продолжали уходить ввысь, пронзая толщи камней и земли, будто бы преграды совсем не существовало.

– Это освободились души убитых юношей и девушек, – тихо прошептала Аня.

Но, как ни странно, её услышали все. Гаумата взревел от негодования. Но, поняв, что всё кончено и пора спасаться, схватился за перстень с рубином, бывший у него на руке и начал поворачивать перстень вокруг пальца.

Патрокл догадался, что маг хочет скрыться, и бросился к нему, чтобы задержать. Но верный слуга и жрец Гауматы подставил Патроклу ногу. Юноша не удержался и упал плашмя у ног мага. В этот момент Гаумата закончил оборот кольца и исчез – ко всеобщему удивлению.

Не оправившись ещё от превращения, произошедшего с золотым амулетом, все оторопели от волшебного исчезновения Гауматы. Слуга-жрец, поняв, что всё равно погибнет, воспользовался паузой и, повернувшись, метнул нож в Аню.

Аня замерла, даже не подумав, чтобы уклониться, а только широко раскрыла глаза. Но Мирон, находившийся рядом, просто... как все герои во все века... просто шагнул. И закрыл её собой. Нож по самую рукоятку вошёл ему в грудь. Патрокл закричал в отчаянии, что ничего не может сделать для Мирона, и с разворота заколол жреца.

Бой был окончен. Мирон, как в замедленном кино, пошатнулся и, потеряв лёгкость, грузно упал на колени. Взгляд его затуманился, и он, отяжелевший, начал заваливаться на бок. Руки друзей подхватили и

аккуратно опустили его на землю. Аня присела рядом и положила его голову к себе на колени. По лицу её градом катились слёзы и падали на лицо воина. Он обвёл взглядом оставшихся в живых друзей.

– Ну вот, кажется, и всё, – прошептал он.

– Это не справедливо, – всхлипнула Аня, – Мирон, не уходи.

– Я хотел бы остаться... но не могу...

– Я... нет – мы всегда будем помнить о тебе, Мирон. Прости меня, – и, наклонившись, она поцеловала друга и отважного воина, – спасибо, что подарил мне жизнь.

Мирон улыбнулся ей и закрыл глаза. Голова его медленно склонилась на грудь.

Наступила звенящая тишина. Казалось, слышалось биение каждого сердца. Каждое сердце скорбело о верном друге и прекрасном человеке. В глазах у каждого закалённого в боях воина затаилась, поблескивая, непролитая слеза. Только Аня, не стыдясь своей слабости, плакала навзрыд.

– Он один из первых, кто встретил нас на этой земле, – тихо сказала она, и Макс крепко сжал её плечи, молча соглашаясь.

– И один из лучших друзей, каких я когда-либо встречал, – так же тихо добавил он.

***

Высоченные языки пламени высоко взметнулись к чёрному небу, жаждающие слизать яркие вкрапления холодных звёзд, что миллиарды и более лет безразлично и равнодушно взирают сверху вниз на странные и копошащиеся создания – людей.

Полная и круглая луна не менее равнодушно смотрела на траурные костры, склонив набок голову и недовольно хмурясь, если тёмный шлейф дыма порой застилал её светлый лик.

Воины соорудили огромные костры, на которые уложили погибших друзей. Каждому усопшему воину положили на глаза монеты, чтобы паромщик Харон перевёз их через огненную реку Стикс в царство Аида. И прочитав молитвы, подожгли костры, таким образом, совершив обряд погребения.

Макс, прижавший к себе подругу, слышал, как она на своём родном языке что-то тихо шептала.

– Энни, что ты говоришь?

– Я молюсь о душах Мирона и всех погибших воинов. Ведь они погибли, спасая меня.

Макс с пониманием кивнул и также перекрестился.

Как только удушливый дым горящей плоти коснулся ноздрей, девушка горько заплакала, спрятав лицо на груди Макса.

***

С наступлением рассвета, когда костры давно прогорели, Патрокл во главе оставшегося отряда направился в горы.

– Мы вернёмся в ущелье, отыщем тела погибших и предадим их огню, – сказал он Макс, – а ты возвращайся к кораблю вместе с Энни.

– Мы тоже пойдём и отдадим последний долг друзьям!

– Нет, – решительно возразил юный друг, – на долю Энни выпало много испытаний, и она не выдержит долгого пути. К вечеру мы догоним вас.

Макс согласился с доводами Патрокла, но отказался от сопровождения.

– Я помню дорогу. А в случае чего – сам смогу защитить Энни.

– Удачи вам, – и воины зашагали к скалам.

Первые лучи, брызнувшие из-за восточных склонов, вспыхнули миллионами искорок, что росой устилали траву, кустарники и цветы. Впервые за долгое время Аня с наслаждением вдыхала чистый воздух, напоенный нежнейшими ароматами растений, и хоть ослабленный расстоянием, но все же чувствующийся запах океана.

– Макс, мне не верится, что Мирона больше нет, – печально говорила она, – он был таким преданным и смелым. Если бы не я...

– Не надо, Эн. Если бы не Мирон, то сейчас не было бы тебя. Он сделал всё осознанно. И я безмерно благодарен ему за всё.

– Но что мы скажем Ахиллу? Ведь Мирон его близкий друг и командующий. А Хирон? Что мы ему скажем?

– Энни, Хирон тоже погиб...

– Нет. Только не это, – остановилась Аня, и по щекам её обильно покатались горошины слёз. Спазм сжал горло и прорвался рыданиями. Но, взяв себя в руки, она смогла выдать: – Как всё случилось?

– До вчерашнего дня он помогал нам. С его помощью мы преодолели все препятствия и знали куда идти. Если бы не он, мы могли бы не успеть.

И Макс подробно изложил приключения, что выпали на долю всего отряда. Аня тихо плакала, слушая его повествование.

– Господи, наше появление в этом мире принесло столько горя людям, столько жизней загублено из-за нас. Думаю, что Хирона Ахилл нам уж точно не простит.

– Эн, Хирон мне сказал, что всегда знал о дне своей смерти. Так было предназначено. Сейчас он соединился со своим народом.

– Когда же он такое сказал? – удивилась Аня. – По твоим словам он и вскрикнуть не успел.

– Мы с ним встретились уже после его гибели.

– Как?

– Внутри амулета, когда ты была без сознания. Это он помог мне перебраться на остров через ров. А Посланник помог вернуться.

– Выходит, это не сон? А я думала, всё привиделось мне. Расскажи же, пожалуйста, по порядку.

И Макс поведал о том, как попал в амулет, и что с ним там произошло.

– Выходит, что все, кто погибал в лабиринте или около него, так или иначе становились заложниками амулета, – рассуждала Аня, – поэтому Гаумата и привёз меня сюда. Заклятие, наложенное Абдеросом, действовало здесь до сего времени. Значит, он и в самом деле обладал огромной силой.

– Гаумата? Это тот старик, что украл тебя? Чёрный маг Абдерос также упоминал это имя.

– Да, это он, – Аня кивнула, соглашаясь.

– И последний завершающий обряд ему необходимо было произвести именно здесь. Но Гаумата не знал, что древний маг является также заложником амулета. Абдерос сам сказал мне, что когда его потомок завершит обряд, он – Абдерос – станет властелином мира.

– Но как? – изумилась девушка. – Ведь для этого надо иметь тело, а его собственное давно истлело в земле.

– Я думаю, он вошёл бы в тело Гауматы, как об этом часто показывали наши мистические фильмы.

Здесь Аня остановилась и удивлённо посмотрела на Макса, вспомнив что-то.

– Так ты и в самом деле воин Света? – восторженно сказала она. – Ангел говорил, что ты послан для моего спасения, хотя Гаумата и утверждал, что ты здесь случайно и мешаешь ему.

И Аня рассказала другу, кто такой Гаумата и какую роль он играл в истории.

– Энни, получается, что наша встреча не случайна.

– Да, Макс, я думаю, всё предопределено. И в аэропорту ты подошёл ко мне не случайно.

– И в самолете наши места не случайно оказались рядом, – подтвердил он, – а когда ты раньше встречалась с Посланником?

И Аня поведала ему часть своей истории. Молодые люди несколько оживились, рассказывая друг другу о происшествиях, что приключились с ними в разлуке. Но скорбь о погибших друзьях тяжестью жила в сердце.

– Давай искупаемся, – сказала Аня, когда дорогу им преградила маленькая горная речушка.

Девушка вошла в реку и долго мылась, оттирая себя стебельками растений. Потом песком оттирала пятна с покрывала, которое стало ей временной одеждой. Посередине куска ткани Макс ещё в Лабиринте прорезал отверстие, и Аня надела его через голову. От края же покрывала оторвали узкую полоску и ею подпоясали самодельное платье.

Хорошо прополоскав, Аня мокрым надела его на себя.

Макс также искупался и, надев мокрый хитон, сел на берегу. Он отвернулся в ожидании Ани.

При других обстоятельствах это была бы довольно романтическая ситуация. Но сейчас в душах молодых людей, впервые встретивших смерть воочию, ещё тяжестью жила боль о погибших друзьях, и слишком свежи были воспоминания о погребении.

К полудню они подошли к кораблю. Эллис радостно с восторженными криками бросилась на шею Ане. И девушки обнялись, как сёстры. Казалось, не будет конца слезам, воспоминаниям и рассказам. Но наконец-то подруги успокоились, и Эллис пошла к водопаду, чтобы помочь Ане помыться.

Она долго шампунем намыливала ей голову. А Аня без конца тёрла губкой с гелем своё тело, и ей все казалось, что на нём остаётся запах подземелья.

Макс отказался от услуг Эллис, когда та, как рабыня, предложила свою помощь, и помылся сам. Затем, перекусив, наши путешественники уснули без чувств в тени, устроившись прямо на палубе и проспали до вечера.

Ближе к вечеру возвратился Патрокл с отрядом. Утомлённые войны также уснули, кто где прилёт. Для привыкших к походным условиям людям такой отдых был обычным делом.

Серебристо-бледное свечение яркой луны рассеялось по небу и спокойной глади моря.

Аня прошла на корму и засмотрелась в чистое, мерцающее холодным блеском мириад звёзд ночное небо. Временами, рассекая безмолвие космоса, стремительно проносился метеорит, заканчивая своё долгое путешествие в атмосфере Земли, тем самым как бы нарушая монотонное, глубинное величие вселенной.

– У нас говорят, что если загадать желание при падающей звезде, то оно непременно сбудется.

Макс подошёл и стал рядом, обняв подругу. Аня доверчиво прижалась, прислонив голову к его плечу.

– У нас тоже существует такое поверие, – ответила она, – давай загадаем?

Они замерли в ожидании. Но вот в западной части неба, ярко вспыхнув, метнулся вниз, рассекая черноту неба, метеорит. Он падал секунды две, что является редкостью. Обычно метеорит прочерчивает свой путь за мгновение.

– Ух, ты! Как красиво! Ты успела загадать?

– Да, а ты?

– Я тоже. Я загадал...

Но Аня кончиками пальцев прикрыла ему рот.

– Нельзя произносить вслух, а то не сбудется.

Макс придержал её руку и прижал к своим губам. Ощувив тепло и мягкость губ любимого, девушка невольно потянулась к нему. Он заглянул ей в глаза и медленно склонился...

– Боже, какое счастье, что ты жива, – промолвил он.

Аня же молча прижалась к нему. Затем тихо прошептала:

– Ты мой рыцарь. Там в подземелье я каждое мгновение ждала и знала, что ты придёшь.

– А со мной однажды был странный случай, – вдруг вспомнил Макс. – В последнюю ночь перед встречей я видел тебя во сне. Я уснул всего на несколько минут и видел всё, как наяву. Мне очень хотелось подойти к тебе, но что-то не пускало: какая-то упругая стена.

Аня удивлённо смотрела на него.

– И я... тоже видела тебя и окликнула. Только ты был прозрачный, похожий на привидение, как дух. Это потому, что ты во сне спустился ко мне. Я просила, и ты пришёл!

– Я тоже просил небо, чтобы на мгновение увидеть тебя.

– После той встречи я уже ничего не боялась.

– Ты моя маленькая амазонка, – нежно сказал Макс и снова поцеловал её. Затем, отстранившись, спросил: – Энни, а что же чётки? Ты что-нибудь узнала о них?

– Да, Гаумата мне их показывал. Они у него в кармане. А когда он скрылся в своём времени, чётки остались у него. Макс, что же с нами будет? Неужели нам навсегда придётся остаться здесь?

– Не знаю, Энни, но по всей видимости так.

– Маму очень жалко. Она не переживёт. Ей уже, наверное, сообщили о моём исчезновении.

– Моим родителям тоже будет тяжело. Но если мы не вернёмся, следует подумать о нашем будущем.

– Макс, у нас есть одна хорошая поговорка: утро вечера – мудренее.

19

На закате следующего дня корабль, пройдя залив, пристал у дворца Пелей. Хозяин радушно встретил гостей. Во дворце началась суета: забегали, засуетились рабы и слуги. Одни спешили приготовить благоухающие ванны, другие накрывали столы.

Поздно вечером, когда все разошлись, Пелей собрал победителей. Зная уже о гибели многих своих друзей и воинов, он желал услышать подробности похода. И в очередной раз, услышав рассказ, сильный и мудрый муж уронил скучную слезу.

– Друзья мои, – сказал он, – пока вы отсутствовали, здесь также произошли важные события. Агамемнон собирает войска, чтобы пойти на Илион. Царевич Илиона Парис похитил жену царя Спарты Менелая – прекрасную Елену. Менелай разгневан и требует вернуть ему жену. Великолепный повод для Агамемнона, давно лелеющего мечту об Илионе.

– Славная будет битва! – восхищённо воскликнул Патрокл. – Ахилл будет рад.

– Да, но Ахиллу Хирон ещё в детстве предсказал, что он погибнет в расцвете лет. И я спрятал его в надёжном месте, – тихо промолвил Пелей.

– Ахилл будет в гнев, – высказал свою мысль Патрокл, – ведь смысл его жизни в сражении и подвигах.

– Здесь был Одиссей, он искал Ахилла. Но я утаил, где спрятал его. А ты, Макс? – вдруг обратился к нему Пелей. – Ты желал бы участвовать в сражениях? Видишь ли, как я понял, вы утратили возможность к возвращению в своё время. И ваша жизнь пройдёт здесь, среди нас.

– Нет, нет, – поспешно ответила Аня, – Макс не воин. Он никогда не участвовал в военных сражениях. И профессия у него мирная.

– Как же не участвовал? Он дрался на равных с нами против врагов несколько дней назад, – возразил Патрокл, – и ни в чём нам не уступал.

– Простите её, – мягко обнимая девушку, произнёс Макс. – Энни, как и все женщины, боится сражений и пытается уберечь меня от опасности.

Но если возникнет такая необходимость – я готов. Я с радостью выступлю за моих друзей, что в трудную минуту пришли к нам на помощь.

Патрокл и Пелей с одобрением посмотрели на него.

– Но, Макс, а если нам представится возможность вернуться к себе, а тебя не будет рядом?

– Эн, мы с тобой обсудим это позже, – наклонившись, прошептал Макс.

– Подождите, но Энни права, – вдруг сказал Пелей, – вы из другого времени. И ты, Макс, не должен рисковать своей жизнью.

– Но, может, я и не погибну, – расхрабрившись, возразил Макс.

– Может? – Аня широко раскрыла глаза, поражённая такой беспечностью.

Конфликт неожиданно уладил Пелей.

– Хорошо, – сказал он, – прекратим спор, я сам над этим подумаю. Сейчас меня беспокоит другой вопрос... как вам сказать? Если вы останетесь здесь – вы не думали о браке? Судя по вашему рассказу, вы познакомились, только попав в наше время. – И помолчал, спросил: – Вас по-прежнему поместить в одной спальне?

Кровь бросилась Ане в лицо, но Макс, как всегда, пришёл на помощь.

– Друзья, нам с Энни нельзя разлучаться, ведь Гаумата жив. Он скрылся в своём времени, но в любой момент может вернуться, чтобы отомстить за уничтоженный амулет. К тому же вещь, через которую он держит с нами связь, принадлежит Энни. И ещё вот что... раз уж пошёл такой разговор, – сказал Макс, сложив руки на груди и посмотрев пристально на каждого, – репутация и честь Энни чисты. Если бы это было не так, Гаумата не охотился бы за ней. Об этом и Хирон говорил, вот Патрокл свидетель.

Патрокл утвердительно кивнул головой в знак согласия.

– Никто, кроме вас и Ахилла не знает нашу тайну, – продолжил Макс, – но я готов, если необходимо, сочетаться с Энни браком.

– Не беспокойтесь, ваша тайна останется между нами, – успокоил их Пелей, – для всех других – вы супруги. Спокойной ночи друзья.

***

– Макс, ты что, и правда, хочешь пойти на войну? – спросила Аня, когда они вернулись в свою комнату.

– Эн, я не могу поступить иначе, если мы останемся здесь навсегда. Воины просто перестанут меня уважать.

– А как же я? Война с Троей затянется на десять лет.

– Ну, – многозначительно улыбнулся Макс, – если меня убьют, ты выйдешь замуж.

«Он меня не любит, – мелькнуло в голове у девушки, – иначе не стремился бы на войну».

Аня изо всех сил старалась сдержать слёзы. Она лихорадочно пыталась найти причину, чтобы выбежать из комнаты и не показать свою слабость.

– Ой, Макс, я забыла... щётку для волос... на берегу.

И не дожидаясь ответа, стремительно бросилась через анфиладу на заднее крыльцо, ведущее к заливу. И вовремя, так как сдерживаемые до

сих пор слёзы потоком хлынули из глаз. Аня опустилась на камень у самой воды и дала волю своему горю.

– Не любит, – всхлипывала девушка, – он с радостью выступит на войну. Лишь бы... исполнить свой долг. Он и меня... спасал... из долга. И в брак вступить... готов... из долга. И рад будет... если на мне... женится другой. А я-то!.. Возомнила себе... Дура!

Аня рыдала так жалобно и горько, что у подошедшего Макса сжалось сердце.

– Энни, милая, что с тобой? Тебя кто-то обидел?

Девушка всхлипнула и, вскочив, хотела убежать, но Макс схватил её за руку. Аня попыталась вырваться, но он крепко держал её.

– Пока ты не скажешь в чём дело, я не отпущу, – нахмурившись, сказал Макс.

Но Аня, отвернувшись в сторону, молчала, только изредка судорожно всхлипывала.

– Энни, – решил заговорить он первым, – возможно, скоро, если мы не вернёмся домой, мне придётся оставить тебя и... пойти на войну, как велит долг.

Новые рыдания, душившие её, снова вырвались на свободу.

– Да... я знаю! Тебе надо поскорее избавиться от меня! Зачем такая обуза? Лучше уж воевать... только бы подальше...

Он изумлённо поднял брови, словно на него вдруг снизошло озарение.

– Так ты из-за меня?.. Ты думаешь, я хочу сбежать от тебя?

– А разве нет?.. Ты же сам сказал, что с радостью. И что без тебя... меня выдадут замуж...

– Но это же шутка, Энни! Так, значит, – он помолчал, соображая, и прошептал: – ты любишь меня? И поэтому ты?..

– Можно подумать, ты не знал, – отвернувшись, с обидой прошептала она.

– Я догадывался, но боялся ошибиться, вдруг это просто симпатия или...

Макс осторожно притянул девушку к себе и приподнял ей подбородок. Аня посмотрела на него... и от жгучего, пристального взгляда лёгкое облачко затуманило глаза. Влюблённые молчали, зачарованные друг другом, ощущая, как рушатся, рассыпаются в пыль все преграды, сомнения, моральные принципы и барьеры. Мужчина легко, как пёрышко подхватил подружку на руки, и... они оказались в спальне.

Всепоглощающее жаркое пламя, древнейшее, как само мироздание, охватило и подчинило двоих. Казалось, волны морского прибоя накатывают и с тихим шорохом растекаются у ног. Ветер ласк с шёпотом оведал и обжигал морским песком и солью. Словно согретое полуденным зноем пространство звенело и искрилось, наэлектризованное магнетизмом чувств. Аполлон слегка коснулся струн волшебной лиры, и полилась нежнейшая музыка сфер, в звучании которой словно слышались плач и крики птиц. Яркая вспышка озарила вселенную солнечным светом, и фейерверк рассыпался в вышине мириадами звёзд. Бурлящий водопад накрыл и сбросил влюблённых в

поток реки, увлекая в струящиеся прохладой глубины, постепенно охлаждая и вынося на грешную землю.

20

Аня проснулась, почувствовав на себе взгляд. Макс лежал, подперев голову рукой, и с нежностью смотрел на неё. Как только глаза её открылись, он склонился и поцеловал любимую в чуть припухшие губы.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – улыбаясь, ответила она. – Почему ты так на меня смотришь?

– Вспоминаю нашу первую ночь на скале у моря. Как ты тихо выскользнула утром из моих объятий и сбежала.

– Но, ты же спал... или нет?

– Нет, мне было очень приятно, когда ночью ты сама развернулась и, прижавшись, положила голову мне на грудь. А потом проснулась, и у тебя было такое испуганное лицо...

– Но, ты ведь... у тебя и глаза были закрыты. И ты даже не пошевелился.

– Я не хотел смущать тебя ещё больше. Ты и так была напугана.

– И ты видел, как я купалась? – ахнула Аня.

– Я не мог оторвать взгляд от просто потрясающего зрелища. Да ещё сверху, со скалы, – улыбаясь, сказал Макс. И серьёзно промолвил: – Ты очень красивая, Энни.

– Ты... ты бессовестный, – притворно-возмущённо воскликнула Аня и стукнула его кулачком.

Макс, смеясь, схватил её в охапку, и, перекатился на спину.

– Что за шум? – прислушиваясь, спросил Макс.

– Как будто очень много народу. И идут они ко дворцу, – предположила Аня.

Доносившиеся с улицы шум и голоса становились всё ближе и громче.

Аня с Максом быстро встали, оделись и едва успели почистить зубы, как из-за полога их окликнул Патрокл:

– Макс! Энни! Ахилл вернулся, а с ним куча народу и Одиссей.

– Мы сейчас будем, – ответил Макс.

Аня причесалась, уложила волосы с помощью геля в виде локонов, что ей было очень к лицу. И впервые за последний период времени воспользовалась косметикой. Тени, пудру и помаду она выбрала в натуральных тонах, чтобы не шокировать греков ярким макияжем. Подкрасила тушью ресницы и посмотрелась в зеркало, оценивая общее впечатление. Но светящиеся восхищением глаза Макса более чем зеркало уверили её в неотразимости.

Влюблённые не спеша под руку вошли в зал. И тут же навстречу им стремился Ахилл.

– Макс, друг, как я снова рад видеть тебя. Приветствую и тебя, Энни. С момента нашего расставания, ты стала ещё прекраснее.

Её щёки тут же заметно окрасил румянец.

– Я так же очень рада видеть тебя, Ахилл.

– А ты не поцелуешь меня в щёку, как в прошлый раз?

Аня ещё больше смутилась и несмело огляделась. Но на них никто не обращал внимания. Встав на цыпочки, она коснулась губами щеки юноши. Он так же поцеловал её в щёку.

– Мне нравится этот ваш обычай. Надо чтобы он прижился и у нас.

Макс только улыбнулся, обняв подругу и прижав её к себе. Но Ахилл тут же посерьёзней.

– Мне Патрокл поведал в нескольких словах о вашем происшествии. Я хотел бы всё услышать подробнее.

– Длинная история, – отклонил просьбу Макс, – мы с удовольствием расскажем её, когда будет подходящая обстановка. Сейчас же у тебя гости, – обвёл он взглядом зал.

– Пусть будет так, – согласился воин, – когда гости возьмут на отдых во время полуденного зноя, мы встретимся в саду в беседке.

Через пару часов в тени беседки, увитой виноградом, собрались Пелей, Ахилл, Патрокл, Макс и Аня. Каждый из участников недавних событий рассказал Ахиллу всё, что с ними произошло, добавляя к основному рассказу часть своей истории. И перед Ахиллом развернулась целая картина событий, в которых ему не пришлось стать участником. Влюблённая пара умолчала только о явлении им Ангела, сочтя эту часть рассказа личной. Аня не удержалась и снова расплакалась, когда повествование коснулось гибели Хирона, а затем Мирона.

– Ахилл, прости, – всхлипывала она, – Хирон был тебе как родной отец, а Мирон другом. Если бы нас здесь не было, они остались бы жить.

– Не печалься, Энни, от судьбы не уйдёшь. Вы так же не по своей воле оказались здесь, – и, тряхнув головой, воскликнул, – но почему вы не отправили за мной? Я же просил!

– Мы не могли этого сделать, – ответил Патрокл, – всё случилось внезапно. Мы бросились в погоню, а тут шторм... видимо, сам Посейдон помогал похитителям. Если бы мы отправились за тобой на Скирос, то не спасли бы Энни. Прости.

– Макс, я размышлял всю ночь, – взял слово Пелей, – и пришёл к заключению, что Энни права. Тебе нельзя рисковать собой – ты житель не этого времени. Мы сами разберёмся со своими войнами. А для Энни ты единственное звено, что связывает её с домом. Как и она для тебя. Я решил – ты не будешь участвовать в боях за Илион.

Девушка с благодарностью смотрела на Пелея.

– О чём вы говорите? – озадаченно спросил Ахилл.

Ему передали смысл вчерашнего спора, и Ахилл уважительно произнёс, обратившись к Максy:

– Я был бы рад сражаться рядом с тобой и Патроплом.

– Благодарю, и для меня это огромная честь, – сказал Макс. И для него это были не пустые слова.

– Но отец прав. Ты не такой, как мы, – сказал Ахилл, – хотя уже и бьёшься на мечах также хорошо, как любой из наших воинов. Но не твоё

дело завоевывать для нас города. Ты должен заботиться об Энни и вернуться к себе домой.

– Вот и решено! – констатировал Пелей. – Сегодня вечером устроим праздничный ужин в честь Одиссея и в честь прощания с Ахиллом и воинами, отправляющимися на Илион.

21

Солнечные лучи пронизывали густую крону деревьев, образуя причудливый живой узор под ногами из светлых золотистых бликов.

– Вот видишь, Энни, всё решилось само собой, а ты переживала.

– Но всё же, Макс, – упрямо повторила девушка, держа друга под локоть, – сам-то ты – хотел бы поучаствовать в битве за Трою?

– О, Боже, Эн, – вздохнул мужчина, – конечно же, нет. Я не горю желанием прославиться в боях, как Ахилл.

– В нашем времени ты и так знаменит.

– Вот именно. И мне совершенно не хочется умирать, хоть и героем.

Макс остановился у фонтана, посмотрел на скучающего амура, замершего в мраморе, и легонько щёлкнул его по носу. Затем вздохнул, посмотрев под ноги, и сказал:

– Но всё же, Энни, признаюсь, не кривя душой, если бы меня поставили перед выбором, я бы отправился воевать.

Аня хотела что-то возразить, но только обиженно взглянула на него.

– А знаешь почему, Эн? – и, не дождавшись ответа, продолжил: – Да чтобы не покрыть себя позором. Ты тоже не смогла бы любить меня и гордиться мной, если бы я прятался за твоей спиной.

– Макс, а я ведь совершенно забыла здесь, что ты мировая знаменитость, секс-символ и прочее, – улыбнулась вдруг Аня. – Я знаю тебя как личность, общаюсь с тобой... люблю. Все, так сказать – «тителы», исчезают, утрачивают свое значение. Для меня ты просто Макс – мой рыцарь, защитник и... любимый.

– Вот видишь, – улыбнулся Макс, – ты лишила меня одних «тителов», а наградила другими. Я здесь также, признаться честно, забыл об этом. Подумать только, всего месяц назад! Я никому не поверил бы, что со мной может приключиться подобное.

– Дома нас, наверное, потеряли, – задумчиво сказала Аня.

– А интересно, кого взяли на роль вместо меня?

– Макс, я вот о чём подумала... Если мы когда-нибудь вернёмся, ты расскажи нашу историю талантливому сценаристу и режиссеру. Получился бы отличный сюжет к фильму.

– А ведь это идея!

– А в главной роли должен сняться ты сам.

– Но кого мы возьмём на твою роль?

– В Голливуде, да и в России много талантливых актрис.

– Но ни одна из них не похожа на тебя, – нежно, с любовью сказал Макс, обнимая подругу.

– Макс, ты мне льстишь, – ответила Аня, поднимая к нему лицо и заглядывая в глаза...

– А ты видел фильм Андрея Кончаловского «Одиссей»? – спросила Аня после долгого поцелуя.

– Я, кажется, понимаю, куда ты клонишь.

– Но, Макс, фильм-то действительно великолепный. И один из моих любимых.

– Нам бы только вернуться, Энни, – горестно сказал он.

К вечернему празднеству Аня готовилась особенно тщательно. Она учла, что при свете факелов макияж выглядит по-другому. Поэтому, используя косметику в натуральном цвете, она выбрала более яркие и насыщенные тона, чем днём. Более густо подкрасила и ресницы. Эллис помогла надеть ей подаренный Пелеем хитон из белоснежной тонкой ткани. По вороту и подолу платье было расшито золотом и подпоясывалось золотым пояском. Подруга помогла уложить волосы в красивую причёску, собранную на затылке при помощи заколок. На висках выпустили несколько локонов.

– Аня, у тебя такая изящная с красивым изгибом шея, – сделала комплимент Эллис, – не хватает только украшений.

– У меня есть жемчужное кольцо и серьги к нему, – вспомнила Аня.

На ноги она обула свои босоножки на тонком средней высоты каблукке.

– Ах, госпожа, – всплеснула руками Эллис, – очень красиво, но как вы будете стоять на них?

Ане очень хотелось надеть своё чёрное вечернее платье, которым так восхищалась Эллис, но она не решилась, чтобы не привлекать к себе внимания больше, чем следовало бы. Да и подарок Пелея нельзя было оставить без внимания.

Аня с Максом вошли в зал, когда почти все уже были в сборе. Макс с гордостью поддерживал подругу под локоть.

– Эн, а ты не переусердствовала, надев, босоножки?

– Думаю, нет. Никто даже не обратит внимания.

Но дамы, присутствующие на празднике, с интересом и любопытством рассматривали её. При свете факелов лицо её выглядело более выразительно, нежели у других дам. Мужчины также задерживали на ней взгляды, но не как женщины, а с восхищением.

Навстречу шёл Ахилл с представительным мужчиной лет тридцати пяти. Одет незнакомец был в красный расшитый золотом хитон. Волнистые волосы до плеч и аккуратно постриженные усы с бородой имели густой каштановый оттенок. Лоб пересекала широкая тесьма в тон одежде и украшенная самоцветами. Смуглый мужчина среднего роста держался величаво и горделиво. Весь его облик наводил на мысль, что это не простой воин.

– Друзья, – заговорил Ахилл, – разрешите представить вам правителя острова Итака – Одиссей, – и, обратившись к последнему, указал на молодую пару, – Макс – мой друг, и его супруга – Энни.

– Рад знакомству, – с белозубой улыбкой сказал Одиссей.

– О, вы – Одиссей! – восторженно воскликнула Аня. – Макс, ты представляешь, это же сам Одиссей! Нам же никто не поверит, что мы с ним встречались!

– Нам вообще в эту историю никто не поверит, – тихо прошептал Макс, незаметно дёрнув подругу за руку, чтобы привести её в чувство.

– Я так знаменит в далёкой северной стране? Простите, но Ахилл рассказал мне, что вы путешествуете и прибыли из...

– Великобритании, – догадалась Аня, вспомнив, что они придумали эту историю, впервые попав сюда, – да, слава о вашей мудрости дошла и до нашего вр... государства.

– А в вашей стране, как говорил мне Ахилл, женщины познают науки наравне с мужчинами? – спросил Одиссей, посмотрев на Макса.

– Да, – ответил он, – в нашей стране женщины и мужчины равны как в науках, так и в выборе ремесла. Женщины у нас так же свободны в высказывании своих мыслей, когда захотят. И более того, мужчины с ними считаются.

– О! Это очень понравилось бы моей Пенелопе, – промолвил царь Итаки, поглаживая бороду.

Макс наклонился и прошептал Ане на ухо:

– Не зарывайся, Эн. Кроме друзей, никто не знает нашей тайны.

– Ахилл, а где ты встретился с Одиссеем? – неожиданно спросила Аня. Она помнила из мифологии, что Одиссей хитростью выманил Ахилла из дворца Ликомеда, и решила узнать правду.

– О, это целая история. Как вы помните, отец отправил меня на остров Скирос к своему другу Ликомеду. Я целыми днями слонялся по дворцу и слушал болтовню его дочерей. Отец просил Ликомеда скрыть от кого бы то ни было моё пребывание во дворце. Меня переодели в женский наряд, и я целыми днями находился в обществе женщин. Тяжело, конечно, но я дал обещание отцу, что не выдам себя, и подчинился. Нет, вы только представьте меня в женском платье, – Ахилл хохотал от души, – такая огромная «девушка» получилась, что даже дочери Ликомеда посмеивались надо мной. Однажды во дворец прибыл купец с товаром. Он разложил перед нами бусы, броши, зеркала, различные женские украшения. А среди всей этой пестроты... копье, щит, меч. Вот это была красота, так красота! Я так истосковался по нашим упражнениям. И вдруг слышу за порогом дворца шум, лягг доспехов и крики. Я подумал, что кто-то напал на нас. Ну и схватил оружие, собираясь отразить нападение. Тут-то купец сбросил с себя купеческое одеяние и предстал передо мной в истинном образе Одиссея. Он пояснил, что такой вот хитростью решил узнать меня. А также рассказал, что собираются войска в поход на Илион.

Одиссей, слушая Ахилла, довольно поглаживал бороду и усы.

– И ты пойдёшь воевать, даже если отец против? – спросила Аня.

– В сражениях я вижу смысл жизни, и отец знает об этом, – гордо ответил Ахилл, – для этого боги и создали меня таким сильным.

Но Аня, застыв, смотрела уже куда-то мимо Ахилла. Макс проследил за её взглядом, но из-за спящих по залу рабов и множества гостей не понял, что же так заинтересовало её.

– Эң, куда ты смотришь?

Но девушка вдруг сорвалась с места и побежала.

– Извините, – сказал Макс собеседникам и поспешил за ней.

Аня подлетела к Патроклу и схватила за руку.

– Патрокл, откуда это у тебя?

– Это мой трофей. Красиво, правда? – довольно улыбнулся юноша. На его руке, чуть выше локтя, плотно облекая рельефные мускулы, в свете факелов сиял красными гранями рубин, а по цепочке от него сверкали бусинки горного хрусталя.

– Макс, – схватила Аня друга за руку, – ты видишь это?

– Откуда это у тебя? – спросил он в свою очередь.

– Это трофей, я уже говорил.

– Но как? Каким образом он оказался у тебя?

– В Лабиринте. Когда я упал, я ухватил этого... мерзкого старикашку за балахон. Он в тот момент исчез, и край его одежды остался у меня в руке. Я почувствовал, что внутри что-то есть, но погиб Мирон, и я просто спрятал это в карман. А дома, когда развернул, увидел, какое это удивительное украшение.

– Ты знаешь, что это?

– Бусы. Или колье, очень ценное и дорогое. Только бусы какие-то маленькие, и я подумал, что это украшение на руку.

– Патрокл! Дружище! – радостно схватил его за плечи Макс. – Это и есть чётки, которые нам так нужны. Только с их помощью мы и сможем вернуться домой. Вместо них я подарю тебе всё, что ты захочешь.

– Что ты?! Бери так. Я же не знал, что бусы – это чётки. Я всегда рад помочь своим друзьям.

– Патрокл, а ведь ты очень рисковал сегодня, – сказала Аня, улыбаясь, – если бы в момент заката на них упал последний луч солнца, ты исчез бы из этого времени.

Юноша поспешно снял чётки с руки и подал их Макс.

***

То, как Аня с быстротой лани бросилась к Патроклу, а за ней Макс, заинтересовало всех, посвящённых в тайну. Вскоре к ним подтянулись Пелей с Ахиллом и с удивлением услышали, о чём речь. Макс положил чётки в карман и радостно обнял Аню.

– Ну, что ж, друзья, – сказал Пелей, – как я думаю, это прощальный вечер не только с Ахиллом, и воинами, идущими на войну, но и с вами. Я рад, что вы обрели возможность вернуться домой. Хотя мысль о разлуке и печалит моё сердце.

Весь вечер Аня не отходила от Макса, держа его под руку. Но когда речь зашла об оружии и доспехах (излюбленной теме мужчин во все века), ей стало скучно. В центре зала красивые девушки-рабыни исполняли

какой-то танец. И Аня, заинтересовавшись, стала наблюдать за ними. Постепенно она всё дальше и дальше отходила от воинов, приближаясь к танцовщицам. Поравнявшись с одной из колонн, крайней к входу, ведущему во внутренние помещения, она остановилась, следя за изящными и плавными движениями девушек.

Вдруг из-за колонны кто-то схватил её за руку и резко дёрнул. От неожиданности она вскрикнула и упала на одно колено. Кто-то обхватил её поперёк талии и поволок за колонну к тёмному коридору. Аня забилась в крепких руках и громко закричала, после чего ей зажали рот.

– Ну, вот ты и попалась, – зловеще прошептал на ухо знакомый голос.

Девушка в ужасе широко раскрыла глаза, боясь поверить в невозможное, и, извернувшись в цепких объятиях, увидела в полумраке улыбающееся лицо Гауматы. Она со всей силы вцепилась зубами в ладонь, что зажимала ей рот. Маг, зашипев от боли, отдёрнул руку.

– Ма-а-кс! – ещё раз успела крикнуть Аня.

Но Гаумата со всей силы опустил кулак ей на голову, и она потеряла сознание. Маг обхватил поперёк туловища безвольную, податливую жертву и, прижав к себе, шагнул к одному из поворотов.

– Ну вот, девочка, теперь ты ответишь мне за загубленный амулет – мечту всей моей жизни. Ты отправишься со мной в моё время, а там, – маг взялся за перстень...

– Ты глубоко ошибаешься, мерзкая тварь, – раздался позади него голос.

На Анино счастье, Ахилл спешил навстречу Одиссею, находящемуся в противоположном конце зала. Одиссей жестом подозвал его, так как громкая музыка заглушала голоса. И проходя за колоннами, чтобы не мешать танцорам, Ахилл услышал отчаянный крик девушки. И вовремя. Он схватил Гаумату за руки и соединил его локти за спиной, связав шнуром, что сорвал по пути с одной из штор. Но, заметив, что маг собирается что-то проделать с перстнем, и, помня из рассказа друзей, как он исчез, повернув перстень, Ахилл сорвал его с пальца Гауматы.

– Ах ты, тварь! Из-за тебя погибло столько моих лучших друзей. Но хвала великой Немесиде, что позволила отомстить за их гибель.

Заметивший непонятную потасовку Одиссей поспешил на помощь. Он наклонился к Ане и поднял её на руки. Чтобы не беспокоить гостей, они отнесли её в спальню. Ахилл отправил слугу за Максом, Патроклом и Пелеем. Вскоре в комнату вбежал взволнованный Макс, а следом его друзья.

– Эни, – он склонился над девушкой и, смочив руку в воде, брызнул ей в лицо.

Она открыла глаза.

– Что со мной случилось? – недоумённо спросила она, поводя глазами, и вдруг вспомнила. – А где Гаумата?

– Да вот он, на полу.

– Но как вы успели? Он потащил меня, – пыталась вспомнить Аня, – и я его укусила... и всё. Больше не помню.

– Хвала богам, – воскликнул Ахилл, – проходя рядом, я услышал твой крик.
– Энни, милая, тебя и на секунду нельзя оставить одну, – расстроившись, говорил Макс.

– Я казню эту тварь немедленно. Принесите мой меч, – не унимался Ахилл.

– Подожди, Ахилл! – вскочила с ложа Аня. И застонав, от резкой боли, схватилась руками за голову, поморщившись. – Ахилл, его нельзя убивать, – простонала она.

Лицо Гауматы, перекошенное от страха, озарила надежда.

– Почему нельзя? Из-за него погибли мои друзья и Хирон!

– Из-за будущего. Если ты убьёшь его здесь и сейчас, ты изменишь будущее. А мы с Максом можем попасть не в своё время, а другое, изменённое. Или во время одного из параллельных миров. Я не знаю, как действуют законы времени.

– Как-то непонятно ты говоришь, – удивился Ахилл.

– Об этом потом, Ахилл, слишком долго объяснять. Поверь только, что всё так и есть. Но ты не переживай, что не наказал его, – взяв юношу за руку, сказала Аня, – он скоро будет казнён в своём времени. А если мы вмешаемся в ход истории, то Дарий в Персии через семьсот лет не станет царём, и будущее изменится. Пожалуйста, не убивай его сейчас. Нам с Максом очень хочется вернуться в своё время, к себе домой.

– Ну, хорошо, – сдерживая ярость, промолвил Ахилл, – только ради вас, раз это может повредить вам. Но перед тем, как его отпустить, я отрежу ему уши.

– Так, значит, вот кто отрезал ему уши! – удивилась Аня и подумала: «А в истории сказано, их ему отсёк Камбис, который одно время царствовал в Персии после смерти отца. Всё понятно. Да и откуда историки могут знать о путешествии его во времени. Историки заняты фактами. А эта область знаний, скорее всего для фантастов».

Поражённый и ничего не понимающий Одиссей переводил взгляд с одного на другого.

– Я что, сошёл с ума? Кто, из какого будущего? Или вы все помешались от излишка выпитых вин?

Самый спокойный и рассудительный из всех присутствующих, Пелей повернулся к царю Итаки:

– Одиссей, ты невольно оказался посвящён в одну величайшую тайну. Мы всё объясним, но поклянись, что тайна уйдет с тобой, как и с нами, в иной мир.

– Клянусь честью! И великой Афиной – моей покровительницей.

– Хорошо. Видишь ли, Одиссей, Макс и Энни не из нашего времени. Они из немыслимо далёкого будущего. Но оказались они здесь не по своей воле, а по вине этого презренного мага. Из-за него же погибли и Хирон с Мироном, а также много других отличных воинов. И я полностью разделяю негодование моего сына, желающего немедленно прикончить его. Но, как говорит Энни, мы не имеем права вмешиваться в ход истории.

– А вы не подшучиваете надо мной?

Макс в качестве доказательства предоставил свои часы, телефон, бритвенные и туалетные принадлежности.

– Но, если вы из далёкого будущего, вы должны знать о многих событиях, что ещё произойдут, – с интересом оглядев диковинные вещи, сказал Одиссей, как бы пытаясь подвергнуть сомнению очевидные доказательства, иначе он не был бы мудрым Одиссеем.

– Мы знаем, – улыбнулась Аня, – поэтому с вами, Одиссей, мне было особо интересно познакомиться.

– И вы можете поведать о том, что с нами произойдет? К примеру: кто, когда умрёт или погибнет? Я имею в виду войну, что предстоит с Илионом.

– Об этом нельзя говорить. Человек должен жить свободно. Видите ли, если бы люди заранее знали последствия своих поступков, многие бы не совершили то, что уже совершили.

– А жаль, хотелось бы знать.

– Такова уж сущность человека. Но я могу лишь сказать, что война с Троей, то есть с Илионом, войдёт в века. И назовут её Троянской, так как позже Илион будут называть Троей. И люди до конца дней будут помнить о ней и о вас. Имена всех присутствующих здесь прославятся и войдут в историю. Мы с Максом очень счастливы, что нам представилась возможность близко познакомиться с вами. И ещё, Одиссей, ты вернешься домой, когда твоему сыну Телемаху исполнится двадцать лет. Тебе предстоит удивительные приключения.

– А мы? – спросил Патрокл.

– Повторюсь, что все вы прославитесь в этой войне на века. И ты, Патрокл, и ты, Одиссей, – Аня взглянула на Ахилла, – особенно Ахилл. И Гектор с Парисом.

– А что делать с этим? – спросил Ахилл, указав на Гаумату.

– Пожалуйста, общите его. У него мой белый носовой платок.

– Носовой платок? А что в вашем времени на носы повязывают платки?

– Нет, – рассмеялась Аня. Макс же хохотал, согнувшись пополам.

– Нет, – отсмеявшись, повторила девушка, – носовые платки появились ближе к нашему времени при французском дворе. Чтобы дамы не вытирали свои изящные носики рукавом, изобрели такие маленькие платочки. Хирон говорил, что маг при помощи этой моей вещи находит меня во времени. Потому что между человеком и его вещью якобы существует незримая связь. Наверное, поэтому люди в память о себе любят дарить друг другу сувениры.

– Энни, я уже понял, что у вас женщины равны в правах с мужчинами, хотя мне это и трудно принять. Но всё же почему не Макс, а ты больше говоришь с нами?

Ему ответил Макс:

– Потому что Энни – ученая. Она получила образование как раз в области истории. Она много изучала историю древнего мира. В частности, Грецию, по-вашему – Эллада. И знает об этом больше моего.

– Но мы не древний мир.

– Это сейчас, – ответила девушка, – но мы живём через тридцать два столетия. Для нас ваш мир – глубокая древность.

И как когда-то Хирону, наши друзья кратко поведали о своём мире.

– Икар, сын Дедала, тоже хотел летать, но упал и разбился.

– У нас не так летают, а на самолётах.

– А как они выглядят?

Макс достал свой паспорт, а из него авиационный билет, на котором был нарисован самолёт.

– Он очень большой, – пояснял Макс, – в него бы вошли все гости, что присутствовали сегодня во дворце.

– Но тогда он не сможет лететь.

– Сможет, и легко. Это целая наука. Просто не объяснишь, надо многому учиться. А чтобы было легче понять...

Макс сделал из авиационного билета бумажный самолётик, вспомнив подобную сцену из фильма «Планета обезьян», и запустил его.

– Но это папирус, он легкий. А самолёт, вы говорите, из материала, похожего на медь.

– Поверьте, плотность воздуха очень велика. В небо, при определённых знаниях, можно поднять значительно большие вещи.

– Если бы не уверения моих друзей, что подтверждают ваши слова, я принял бы вас за богов.

– Богам невозможно причинить вред телесно и выкрасть, а с нами всё это проделали и не единожды. Если бы не ваша помощь, то трудно сказать, что с нами было бы.

Разговор затянулся почти до самого утра. Отправив Гаумату в его время, собеседники перебрались в зал для гостей. Нескончаемы вопросы и ответы длились почти до рассвета.

Наконец-то друзья разошлись по опочивальням, и Аня с Максом остались одни.

– Макс, а я, кажется, поняла, почему в истории не упоминается Мирон. Видимо, потому что он не принимал участие в Троянской войне.

– Наверное, так, Энни. Ведь и наше пребывание здесь, и события, связанные с этим, останутся в тайне.

– Даже если рассказать кому-то и записать наше приключение, то получится история в стиле фэнтези. Макс, ты только представь, что завтра вечером, а точнее уже сегодня, мы будем дома.

– Энни, а мне вдруг стало грустно.

– Почему?

– Потому что нам с тобой придётся расстаться.

Девушка печально подняла на него глаза.

– Как же я буду без тебя?

– Мы что-нибудь придумаем, любимая, – сказал Макс и нежно притянул девушку к себе.

Исчезло время, растворилась реальность и звуки... И только два сердца, слившись воедино, бились друг для друга.

22

Догорала вечерняя заря. Аню с Максом окружали друзья, собравшиеся на западном крыльце, чтобы проводить их и увидеть чудо перемещения. Как же совершится невиданное действие?

Наши современники оделись каждый, как и по прибытии, в джинсы и футболку.

– В вашем времени все люди одеваются одинаково? – задал Одиссей вопрос, что ранее до него задавали и все присутствующие.

– Иногда, – терпеливо ответил Макс, – но различия всё же существуют. Тонкости в нашей одежде так же нормальны и понятны для нас, как для вас носить хитон.

– А вы могли бы подарить мне зажигалку? – спросил вдруг Патрокл.

– С удовольствием. Нам будет приятно, если у каждого из вас останется маленькая память о нашем пребывании здесь.

Макс сделал всем по маленькому презенту. Ахиллу он подарил бритвенный прибор, который когда-то так заинтересовал юношу. Пелею, золотую цепочку, а Одиссею шариковую ручку. Аня подарила Эллис зеркальце на пластиковой ручке, что так восхищало молодую гречанку. А Пелей пообещал, что даст девушке свободу и отправит к родителям на Крит. Аня не смогла удержать слёз. Каждого из героев она обняла и расцеловала. Макс по-мужски пожал каждому руку и также обнял на прощание.

– Прощайте, друзья! Знакомство с вами – великая честь для нас.

– Ваша тайна уйдёт вместе с нами. Но память о вас будет жить в наших сердцах, – торжественно отвечив Ахилл.

Холмы почти полностью скрыли огненную колесницу Гелиоса. И только край солнечного диска догорал над зелёными вершинами сопков.

Макс положил чётки на ладонь, и Аня, встав напротив, кончиками пальцев прикоснулась к бусинкам. Все, затаив дыхание, в ожидании застыли. Но вот рубин медленно засветился изнутри, разгораясь всё ярче и ярче. А по цепочке от него друг за другом вспыхивали бусинки из горного хрусталя.

– Прощайте, друзья, – ещё раз сказал Макс.

– Спасибо за всё! Я люблю вас! – успела крикнуть на прощание Аня.

И мягкие, обволакивающие, густые сумерки вновь, как и в первый раз, накрыли их. И вновь они пересекли время, как по струне бездну...

А для древних греков тела путешественников покрылись густым туманом, затем сделались прозрачными, а вскоре и вовсе растаяли.

***

...Они стояли недалеко от самолёта, держась за чётки, что продолжали соединять их руки. Солнце только что скрылось за холмом, и на землю быстро, но плавно опустилась ночь, словно кто-то выключил лампочку.

Кто бывал в горах – знает, что после захода солнца резко наступает густая темнота. Здесь было почти так же, но небо, горевшее яркими красками

заката, словно ночник, освещало землю у подножия сопок, так как холмы располагались не вплотную к маленькому аэродрому, а чуть поодаль.

Макс взял Анину руку в свою и, развернув, посмотрел на запястье. Бледно-розовый шрамик пересекал руку, как очевидное напоминание о действительности. Аня же отогнула край короткого рукава его футболки, и оба увидели совершенно свежий, покрытый запёкшейся корочкой крови, рубец – от ранения в Лабиринте.

– Значит, мне всё это не привиделось? – спросил молодой мужчина.

– Значит, нет. Потому что я тоже всё помню, – ответила девушка.

– Энни, но мы продолжаем говорить на древнегреческом, хотя вернулись в своё время!

– Это всё Ангел, – улыбнулась Аня, – он обещал.

– А что же будем делать с чётками?

– Возьми их себе, Макс. А лучше уничтожь. Вдруг Гаумата по ним найдёт тебя. Мне он порядком поднадоел, если честно.

– Эн, что это? – и Макс потянул какие-то ленты, привязанные к рюкзаку.

Аня опустила на корточки и отвязала красную ленту, украшенную самоцветами.

– Это повязка, что была на лбу у Одиссея в вечер праздника, – удивлённо ответила она, – выходит, он нам оставил возможность, чтобы мы могли при желании вернуться обратно? Ведь повязка является связующим звеном между ним и нами.

– Выходит, этот жест можно расценивать как приглашение?

– Выходит так, – улыбнулась Аня.

– Как же он всё быстро усвоил, хотя знаком с нами всего лишь сутки.

– Значит не напрасно, он славился умом. Его так и прозвали – хитроумный Одиссей.

– Тогда я не стану уничтожать чётки. А чтобы маг не нашёл, я их спрячу где-нибудь в храме, на святой земле.

Путешественники огляделись. Кругом всё было так же, как и в первый день перемещения. Чуть в стороне Светлана, бурно жестикулируя, что-то говорила Антону. Группа археологов получала багаж и собиралась в стороне, ожидая автобус.

– Смотри, Эн, мы так долго отсутствовали, а никого не удивляет наше появление. Даже внимания никто не обратил.

– Мы, похоже, вернулись в то же мгновение, из которого и стартовали в прошлое.

– Кажется, так и есть. Наша группа на том же месте, где и была. Не могли же они целый месяц находиться в аэропорту.

Вдруг Аня сжала его ладонь, и Макс проследил за её взглядом. В форме работника аэровокзала, весело насвистывая, мимо них катил пустую тележку высокий, крепкий мужчина. Он посмотрел на застывшую изумлённую пару и, улыбнувшись, подмигнул. Наши друзья остолбенели.

– Это же...

– Мирон! – первой очнулась Аня. – Ты видел, Макс?

– Да, он потрясающе похож. Наверное, один из его потомков. Невероятно! Такое сходство!

– Макс, а я поняла, почему Ахиллеса всегда и везде изображали как юношу – без бороды и усов! Хотя война с Троей длилась десять лет, и за это время он превратился из юноши в молодого мужчину.

– И почему же?

– Ты же сам подарил ему бритвенный станок. А наши современники об этом не знают.

– А ведь версия не лишена логики! – с уважением глянул на подругу Макс.

– Аня! Чернова! – вдруг окликнула её Света. – Автобус подали. Идём.

У Ани от предстоящей разлуки вдруг тоскливо сжалось сердце.

– Энни, я найду тебя, – торопливо сказал Макс, притянув её к себе, – мы здесь будем около двух-трёх недель. Я найду тебя.

И, не обращая внимания на окружающих, он крепко обнял и поцеловал любимую.

– Я люблю тебя, родная.

– Я тоже очень люблю тебя, – ответила девушка, и, печально улыбнувшись, добавила: – Хоть ты и актёр.

И, высвободившись, побежала к автобусу.

– Ну, ты даёшь! – трещала рядом в автобусе Света. – Даже я так быстро не смогла бы охмурить самого Макса Норга! А как он обнял тебя! О-о... Просто, сцена из фильма. У меня даже дыхание перехватило. Ань, а как он целуется?

– Как никто в мире, – тихо прошептала Аня, и призналась: – Я влюблена в него, Свет. Со мной за это мгновение такое приключилось... Ты не поверишь.

– А что здесь удивительного? В него влюблены миллионы! А целовал-то он тебя. Молодец, Анька! Знай наших! Я тебе завидую. Он и в самолёте не сводил с тебя глаз. Слушай, а когда ты успела переодеться? На тебе и джинсы, и футболка были другие, когда мы вышли из самолёта.

Аня, впервые оторвавшись от окна, за которым всё ещё в стороне стоял Макс, посмотрела на подругу и улыбнулась.

– За этот миг я пережила целую вечность.

– И не мудрено, – по-своему истолковала её слова Света, – от такого поцелуя! Если бы он поцеловал меня, я бы...

– Да, нет. Совсем всё не так, как ты думаешь, – грустно остановила её Аня, – я тебе как-нибудь всё расскажу, только не сейчас. Хорошо?

И Аня вновь отвернулась к окну. Почувствовав состояние подруги, Светлана замолчала и с любопытством посмотрела на фигуру красивого мужчины, одиноко державшегося в стороне от своей группы.

Автобус тихо заурчал и медленно тронулся с места. Аня прильнула щекой к стеклу. А Макс, молча смотрел ей вслед...

Эпилог

Прошло полтора года. После успешной работы в Греции Анне Черновой предложили должность младшего научного сотрудника.

В то лето Макс несколько раз навещал её, приезжая на место стоянки археологов. Они обменялись адресами и телефонами. Макс сделал Ане предложение и просил поехать с ним, но девушка наотрез отказалась.

– Макс, давай трезво смотреть на вещи. У меня здесь работа, карьера. А что я буду делать в США? Я не хочу, чтобы быт убил наши чувства. Там, в древности, у нас была просто чудесная сказка, но мы вернулись в реальность.

– Энни, но мы же будем вместе и с нами наша любовь.

– Я люблю тебя, Макс. Но посмотри правде в глаза. Я не хочу превращаться в домработницу, содержанку. Не хочу, чтобы тебе было стыдно перед твоими же коллегами, если ты разлюбишь меня. Я привлекательна для тебя, пока я личность.

– Но это же чушь, Энни! Я полюбил тебя не в роскоши, а в испытаниях, что выпали нам двоим. В США ты тоже сможешь заняться любимым делом. И мне не важно...

– Нет, Макс! – сказала, как отрезала девушка. – Миру известно множество историй, что разбились о быт. Тем более в вашей актерской среде.

– Так вот в чём дело, – обиженно поджал губы Макс, – ты не доверяешь мне из-за моей профессии, хотя там, в древности я был сам собой, а не актёром. Неужели ничего не стоит всё то...

– Прости, Макс, но любовь проверяется временем.

– А разве у нас с тобой не было проверки «временем»? – с болью спросил Макс.

– Поверь, мне тоже очень больно, – прошептала Аня, – но я современный трезвомыслящий человек и не могу... вот так, всё бросить и... И наконец, любовь ещё проверяется расстоянием, – убеждённо воскликнула она, – если в разлуке наши чувства останутся прежними, тогда стоит подумать о продолжении.

Разные толки тогда ходили об их романе. Многие сотрудники и друзья советовали Ане поехать с Максом в США. Но она приняла решение и была непреклонна. Одна Светлана знала, как и с какой болью далось ей это решение. Сколько слёз было пролито ночами в подушку. Света была единственной, кто ничего не советовал. Аня однажды рассказала подруге о своём с Максом приключении. Света долго молчала...

– Это для меня, в конце концов, проливает свет на ваши отношения. А вы сравнивали с ним воспоминания? Может это...

– Это не бред! – и Аня показала запястье. – Вот шрам на руке. Это когда я поранилась о скалу во время грозы. И у Макса мы проверяли. И на руках, и на ногах, и на... всём теле. И если ты не забыла, я вернулась в другой одежде. Прежнюю одежду изорвали в подземелье. А если этого мало, вот смотри...

– Что это? – изумилась Светлана, увидев на простой с виду ленточке натуральные самоцветы.

– Повязка на лоб у древних мужчин. Она фиксирует волосы, проходя через лоб и обхватывая голову. Подарил мне эту повязку сам Одиссей.

– Вот это да! – Светлана поднесла повязку к лицу, понюхала и констатировала. – Приятный мужской запах.

Аня внимательно наблюдала за переменами в лице подруги. Уж она-то точно могла бы определить, если бы та фальшивила. Но Светлана была искренна. Вдруг глаза её загорелись, и она проговорила, понизив голос до шёпота:

– А что, если мы с тобой сейчас же отправимся туда? Ведь, как я поняла, повязка может послужить мостом во времени. И мы отправимся туда, где сейчас Одиссей.

– Можно! Я так скучаю по своим друзьям, – оживившись, промолвила Аня, но тут же одёрнула себя: – Нет. Это же не круиз. Нельзя прыгать из века в век просто так ради любопытства. Мы можем навредить ВРЕМЕНИ.

– Ну, ты же путешествовала!

– Не по своей воле. Да и чётки остались у Макса. Свет, это не просто приключение. Всё было очень страшно, ведь там можно погибнуть и не вернуться. Нам просто повезло. Ведь мы не знаем, в какой момент времени чётки могут забросить нас. Вдруг мы окажемся у стен Трои под градом стрел.

– Ну, хорошо. Только ты всё равно больше никому не рассказывай, а то запрут в психушку, – согласилась наконец-то подруга и снова залюбовалась повязкой. – А самоцветы и в самом деле обалденные.

***

Натужно заскрипев, лифт затормозил, и дверки с шорохом разъехались в стороны. Аня вышла, остановившись у двери своей московской квартиры. Отряхнув снег с шапки и шубы, вошла в прихожую. Из кухни распространялись аппетитные запахи пирога и цыплёнка, запеченного в духовке.

– Анечка, это ты?

– Да, мам, я.

– Тебе там конверт. Посмотри на полке, – сказала мама, выходя из кухни и вытирая полотенцем руки. – Адрес и штамп иностранные, но адресовано тебе. Наверное, что-то по работе.

Сердце замерло, а потом быстро пустилось в пляс. «Господи, неужели от него?» Аня дрожащими руками развернула письмо. При использовании английского алфавита, оно было написано на древнегреческом языке:

«Милая, родная Энни. Прошло уже полтора года, а я не могу забыть тебя, твои лучистые глаза, нежный голос, аромат волос, пропитанных солнцем. Я часто вижу тебя во сне. Там во снах мы снова в Греции и счастливы.

Я помню твои глаза, полные непролитых слёз, когда ты приняла решение расстаться. Знаю, милая, какой силы воли тебе стоило это решение и какую боль ты пережила. Но я уважаю твой выбор.

Ты говорила, что чувства проверяются временем. Помнишь ли ещё меня???

Приглашаю тебя на премьеру фильма «Путешествие в Лабиринт», в котором, кстати, я тоже снялся. Премьера состоится в феврале.

Заранее высылаю авиабилет, чтобы ты успела уладить дела на службе. Отказ не приемлю.

Люблю. Жду. Целую. Твой Макс».

Аня заглянула в конверт и вынула билет на самолёт авиакомпании США. Она прижала письмо к губам, и слёзы выступили на глазах.

– Мама, – прошептала девушка, – я через три недели улетаю в Америку.

– Это от него? – спросила мама, до сих пор молча, в ожидании смотревшая на дочь.

– Да...

– Анечка, а сегодня ведь канун Рождества. Они-то в Америке Рождество уже отметили, а у нас сегодня.

– Это всё мой Ангел-хранитель... – загадочно прошептала Аня, – сегодня обязательно пойдём в храм на ночную службу.

***

Аня не спеша шла по огромному зданию аэропорта. Её волосы светлым ореолом обрамляли взволнованное, но лучащееся радостью лицо. Длинная шубка при ходьбе распахивалась, открывая стройные ноги в сапожках на высокой шпильке. Аня оглядывала суетящихся и спящих мимо неё людей. Но вот глаза её остановились... и сердце, подскочив к горлу, взволнованно затрепетало.

Он стоял в центре зала – высокий, красивый, статный. На нём эффектно смотрелась светлая дублёная куртка, тёмные брюки и ботинки в тон дублёнке. Он смотрел на неё, сжимая в огромной руке букетик тюльпанов, и счастливо улыбался...

2004 – 2005 г.

Издательство «Ник без Компані»